

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ

Журнал
социально-политических исследований

Издается с 1998 года

Том 14
Выпуск 1
2011

CA&CC Press®
ШВЕЦИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ И ИЗДАТЕЛИ

ИНСТИТУТ
ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ И
КАВКАЗСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Номер регистрации: 620720-0459
Государственная администрация
патентов и регистрации
Швеции

ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
КАВКАЗА

Номер регистрации: М-770
Министерство юстиции
Азербайджанской
Республики

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

CA&CC Press®. ШВЕЦИЯ

Номер регистрации: 556699-5964

Номер регистрации журнала: 22 339
Государственная администрация патентов и регистрации Швеции

Редакционный совет

Эльдар ИСМАИЛОВ	Председатель редакционного совета Тел/факс: (994 - 12) 497 12 22 E-mail: elis@tdb.baku.az
Мурад ЭСЕНОВ	Главный редактор Тел/факс: (46) 920 62016 E-mail: m.esenov@gmail.com
Джаннатхан ЭЙВАЗОВ	Заместитель главного редактора Тел/факс: (994 - 12) 596 11 73 E-mail: jeyvazov@gmail.com
Тимур ШАЙМЕРГЕНОВ	Представитель журнала в Казахстане (Астана) Тел/факс: (+7 - 701) 531 61 46 E-mail: timur-cac@mail.ru
Леонид БОНДАРЕЦ	Представитель журнала в Кыргызстане (Бишкек) Тел.: (+996 - 312) 65-48-33 E-mail: lbondarets@mail.ru
Джамилия МАДЖИДОВА	Представитель журнала в Таджикистане (Душанбе) Тел.: (992 - 917) 72 81 79 E-mail: madzamila@mail.ru
Фархад ТОЛИПОВ	Представитель журнала в Узбекистане (Ташкент) Тел.: (998 - 71) 125 43 22 E-mail: farkhad_tolipov@yahoo.com
Зия КЕНГЕРЛИ	Представитель журнала в Азербайджане (Баку) Тел: (+994 - 50) 3006694 E-mail: ziken12@yahoo.co.uk
Арутюн ХАЧАТРЯН	Представитель журнала в Армении (Ереван) Тел: (374 - 10) 56 59 65 E-mail: haroutiun@gmail.com
Кахабер ЕРАДЗЕ	Представитель журнала в Грузии (Тбилиси) Тел.: (+995 - 95) 45 82 88 E-mail: kakha_ae@yahoo.com
Владимир МЕСАМЕД	Представитель журнала на Ближнем Востоке (Иерусалим) Тел.: (972) 2 5882332 E-mail: mssamed@olive.mssc.huji.ac.il
Конрад ШАФФЛЕР	Представитель журнала в Германии (Мюнхен) Тел.: (49 - 89) 3003132 E-mail: GA-infoservice@s.m.isar.de
Сунь ЧЖУАНЧЖИ	Представитель журнала в Китае (Пекин) Тел.: (86) 10-64039088 E-mail: sunzhzh@isc.cass.net.cn
Ирина ЕГОРОВА	Представитель журнала в Российской Федерации (Москва) Тел. (7 - 495) 3163146 E-mail: egorova@mosinfo.ru
Роберт ГУАН ТЯНЬ	Представитель журнала в США (Буффало, Нью-Йорк) Тел.: (716) 880-2104 E-mail: robert.g.tian@medaille.edu
Рустем ДЖАНГУЖИН	Представитель журнала в Украине (Киев) Тел.: (380-44) 524 79 13 E-mail: zhangozha@yahoo.co.uk

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Гиули АЛАСАНИЯ	Доктор исторических наук, профессор, проректор Международного университета Черного моря (Грузия)
Бюлент АРАЗ	Доктор, заведующий кафедрой международных отношений Университета Фатих (Турция)
Марьям АРУНОВА	Доктор политологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской Академии наук (Российская Федерация)
Гарник АСАТРЯН	Доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой иранских исследований Ереванского государственного университета (Армения)
Бакыт БЕШИМОВ	Доктор исторических наук, профессор, вице-президент американского университета в Центральной Азии (Кыргызстан)
Пол ГОБЛ	Главный консультант радиостанции «Голос Америки» (США)
Сергей ГРЕЦКИЙ	Доктор, заведующий кафедрой Центральной Азии Института Заграничной службы Государственного департамента США (США)
Син ГУАНЧЭН	Доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института по исследованию Восточной Европы, России и Центральной Азии Китайской Академии общественных наук (Китай)
Александр ИГНАТЕНКО	Президент Института религии и политики, доктор философских наук, исламовед, главный эксперт Института социальных систем Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, член Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация)
Ашурбой ИМОМОВ	Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного права Таджикского национального университета (Таджикистан)
Лена ЙОНСОН	Доктор, старший научный сотрудник Института международных отношений Швеции (Швеция)
Ариель КОЭН	Доктор, ведущий аналитик Фонда «Наследие» США (США)
Яков М. ЛАНДАУ	Профессор политологии Еврейского университета (Израиль)
Роджер МАКДЕРМОТТ	Почетный ведущий специалист отдела политических исследований и международных отношений Кентского университета Кентербери (Великобритания)
Неил МАКФАРЛЕН	Профессор, директор Центра международных исследований Оксфордского университета (Великобритания)
Алексей МАЛАШЕНКО	Доктор исторических наук, член научного совета и Сопредседатель программы «Этничность и нации-строительство» Московского центра Карнеги (Российская Федерация)
Аббас МАЛЕКИ	Доктор, генеральный директор Международного института по исследованию Каспийского региона (Иран)
Акира МАТСУНАГА	Доктор, эксперт по истории Центральной Азии и Кавказа, ведущий специалист Фонда мира «Сасакава» (Япония)
Виталий НАУМКИН	Доктор исторических наук, профессор, Директор Центра стратегических и международных исследований РФ (Российская Федерация)
Еренгаип ОМАРОВ	Профессор, ректор университета Кайнар, президент Академии естественных наук Республики Казахстан (Казахстан)
Владимир ПАПАВА	Доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Грузии, эксперт Фонда стратегических и международных исследований Грузии (Грузия)
Фредерик СТАРП	Профессор, директор Института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Джона Хопкинса (США)
Уильям ФИЕРМАН	Доктор политических наук, профессор Индианского университета (США)
Клара ХАФИЗОВА	Доктор исторических наук, директор Центра стратегических и международных исследований, профессор факультета международных отношений и внешней политики Университета «Кайнар» (Казахстан)

Материалы, публикуемые в журнале,
не обязательно отражают точку зрения Редакции и Редколлегии

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
CA&CC Press AB
Hubertusstigen 9. 97455 Luleå
SWEDEN

ВЕБ АДРЕС: www.ca-c.org

© «Центральная Азия и Кавказ», 2011
© CA&CC Press®, 2011

**«ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ
И
КАВКАЗ»**

Журнал социально-политических исследований

**Том 14
Выпуск 1
2011**

ЧИТАЙТЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

- Дж. Эйвазов.** ЗАПАД И
ПОСТСОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ
США И ЕС В РЕГИОНЕ 7
- Э. Габдуллин.** ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ:
ГЕОПОЛИТИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ,
СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ 26
- Г. Дубовцев,
Е. Галымжанулы.** ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В МИРЕ И
В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ 41
- Ш. Акмалов.** О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СТРАТЕГИИ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОАЛИЦИИ
В АФГАНИСТАНЕ 51

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>М. Халифа-заде.</i>	ИРАН И БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ	59
<i>М. Сидди.</i>	АБХАЗИЯ, КОСОВО И ПРАВО НА ОТДЕЛЕНИЕ	72
<i>Д. Бабаян.</i>	НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ КНР НА КАВКАЗЕ	82
<i>Б. Бакас уулу, К. Смагулов.</i>	ВОДНОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ	93
<i>А. Сарибекян.</i>	СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ	100
<i>К. Сыроежкин.</i>	КИТАЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В КАЗАХСТАНЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ	115
<i>М. Лаумулин.</i>	НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА	129
<i>И. Мирсайитов.</i>	НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ	139
<i>Ф. Толипов.</i>	ПРОБЛЕМА МНОГОПАРТИЙНОСТИ И ОППОЗИЦИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ КОНСТРУИРОВАНИИ В УЗБЕКИСТАНЕ	149

РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Б. Эргашев.</i>	ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ В НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАВКАЗА: ФЕНОМЕН, СПЕЦИФИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ	159
--------------------	---	-----

- М. Кирчанов.* РОССИЙСКАЯ ТЕМАТИКА
В ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО
ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА 170

М А С С М Е Д И А

- Б. Темирболат.* ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ В КАЗАХСТАНЕ:
ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ 179

К СВЕДЕНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

*В последующих рубриках «Темы номера»
будут рассмотрены:*

- *Религия в общественно-политической жизни
стран Центральной Евразии*
- *Современный политический процесс в странах
Центральной Евразии*
- *Региональные центры силы и их политика
в Центральной Евразии*

**РЕГИОНАЛЬНАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ****ЗАПАД И
ПОСТСОВЕТСКАЯ ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ:
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СТРАТЕГИИ
БЕЗОПАСНОСТИ США И ЕС
В РЕГИОНЕ****Джаннатхан ЭЙВАЗОВ**

*кандидат политических наук,
заместитель директора Института стратегических исследований
Кавказа, заместитель главного редактора журнала
«Центральная Азия и Кавказ»
(Баку, Азербайджан)*

Введение

С распадом СССР угроза широкомасштабного вооруженного нападения на США и их европейских союзников стала неактуальной. Вместе с тем превращение постсоветского пространства в зону постоянной политической нестабильности привнесло в повестку безопасности стран Запада немало новых вызовов. Кроме того, изменение геополитической структуры и богатые энергетические ресурсы способствовали превращению региона в объект соперничества мировых держав.

Все это требовало от триумфаторов холодной войны сформировать соответствующий стратегический курс в отношении данного пространства.

В данной статье мы попытаемся пролить свет на основные особенности стратегии безопасности США и ЕС в Центральной Евразии¹; в частности, выявить их

¹ Здесь используется концепция Центральной Евразии и Центральной Европы, предложенная Э.М. Исмаиловым. В соответствии ней политичес-

ключевые интересы безопасности в регио-

_____

ная структура Центральной Евразии включает в себя три постсоветских региона: Центральную Европу — Беларусь, Молдова, Украина; Центральный Кавказ — Азербайджан, Армения, Грузия; Центральная Азия — Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан (об этом подробнее

не и специфику их политической активности, направленной на реализацию этих интересов.

_____

см.: *Исмаилов Э.М.* О геополитической функции Центральной Евразии в XXI веке // *Центральная Азия и Кавказ*, 2008, № 2 (56). С. 7—33).

Западный тандем в Центральной Евразии

Почему для целей данной статьи мы склонны рассматривать этих акторов в тандеме, хотя, разумеется, каждый из них может отличаться какими-то специфическими интересами в регионе и вытекающей из этого политической активностью?

Во-первых, это объясняется социально-ценностной идентичностью ЕС и США, основанной на их цивилизационной общности, или же, если пользоваться понятиями С. Хантингтона, на их принадлежности к единой «Западной цивилизации». Это представляется весьма важным с точки зрения секьюритизации. Безусловно, социально-ценностная общность не снимает факторы, основанные на относительно статичных материальных обстоятельствах, скажем на географической близости/отдаленности. Так, для ЕС смежность с Центральной Евразией неминуемо приводит к большей актуальности данного региона в плане безопасности, для США отдаленность стимулирует обратное. Вместе с тем идентичность ценностей способствует если не единой концептуализации своей безопасности, то по меньшей мере общности подходов и стандартов в оценке того или иного явления/процесса как угрозы/уязвимости, а также в ранжировании соответствующего явления/процесса и порождаемой им угрозы/уязвимости по степени приоритетности. В качестве примера можно сослаться на отношение в западных обществах к транснациональным угрозам безопасности.

Как в Европе, так и в Соединенных Штатах комплекс проблем окружающей среды или, скажем, международной организованной преступности превратился в достаточно устойчивый и актуальный объект секьюритизации, причем без принципиальной ссылки на степень географической отдаленности источников соответствующих угроз. То же можно сказать и об интересах, связанных с распространением демократии, стандартов прав человека и рыночной экономики: их концептуализация в плане безопасности связана с необходимостью создать стабильное, бесконфликтное, экономически процветающее политическое окружение.

Экономическое и технологическое развитие этих субъектов западного мира также наложило отпечаток на концептуализацию ими своей безопасности. США и ЕС сегодня представляют собой наиболее совершенные примеры постиндустриализма со всеми связанными с этим общими стандартами секьюритизации внешнего мира, включая стремительно растущую значимость энергетической составляющей проблем безопасности.

Во-вторых, общим оказывается и подход к механизмам обеспечения безопасности. НАТО пережила холодную войну и сохраняет за собой фактический статус системы коллективной безопасности США и ЕС, предполагающей, в частности, совместное реагирование на внешние угрозы и участие в военных операциях по их предотвращению, в том числе и в регионах, не относящихся к формально принятой зоне ответственности альянса.

Единые стандарты концептуализации безопасности в сочетании с общим механизмом ее обеспечения дают достаточно оснований рассматривать ЕС и США не просто как ситуационно консолидировавшихся политических акторов на «центральноевразийской шахматной доске».

Сегодня это реальный геополитический тандем, в котором две указанные особенности в значительной мере компенсируют различие в уровне географической близости к Центральной Евразии. Соответствующим образом следует оценивать и их влияние на систему безопасности в регионе. Вместе с тем особенности географии и глобального политического статуса не позволяют полностью отождествлять американскую и европейскую мотивацию. Так, если основываться на примате географии, к системе безопасности в Центральной Евразии следовало бы отнести только ЕС, тогда как роль США можно было бы рассматривать в контексте глобальной заинтересованности и вовлеченности единственной сверхдержавы.

Расширение Евросоюза привело к его непосредственному географическому контакту с Центральной Евразией. С интеграцией Литвы, Латвии, Польши, Словакии, Венгрии и Румынии в 2004 и 2007 годах сформировалась граница ЕС с государствами европейской части региона (Беларусь, Молдова, Украина) протяженностью в 3 172 км². И это не могло не внести серьезных изменений в его повестку безопасности.

- Во-первых, комплекс этнотерриториальных проблем, существовавших у новых членов Евросоюза с этими странами, фактически перешел в общеевропейскую повестку.
- Во-вторых, исчезла буферная зона, ограждавшая ЕС от политической нестабильности и конфликтов на постсоветском пространстве и связанных с этим угроз, в том числе и транснационального характера (международная организованная преступность, международный терроризм, нелегальная миграция, наркотрафик и др.).
- И, в-третьих, изменилась конфигурация геополитической связи ЕС с главным силовым полюсом постсоветского пространства — Россией. В результате волн расширения 2004 и 2007 годов Евросоюз вплотную приблизился к сфере российских жизненных интересов, а местами (Прибалтика, Польша) — и к границам самой РФ. Опасения относительно дальнейшего расширения ЕС на постсоветском пространстве, подпитываемые стремлением Украины, Молдовы, Грузии и некоторых других ННГ влиться в объединенную Европу, поставили Москву перед необходимостью ответных действий. И их объектом стали как отмеченные ННГ, так и сам Евросоюз.

Наиболее наглядный пример усилившейся функциональной взаимозависимости безопасности по вектору ЕС — *центральноевразийские ННГ* — Россия дает процесс взаимодействия по поводу «газовой проблемы», которая возникла, в частности, из-за попыток Москвы использовать энергетические рычаги, применявшиеся в ее политике на постсоветском пространстве и в отношении ЕС³. Под влиянием приостановки поставок российского газа в страны Евросоюза, стремления Москвы монополизировать нефтегазотранспортную сферу на постсоветском пространстве, а также попыток «Газпрома» получить контроль над газораспределительной системой Европы в ЕС усилилась секьюритизация проблемы энергозависимости от РФ. Новый импульс получила политика диверсифика-

² Подсчитано на основе данных из «CIA — The World Factbook 2010».

³ Речь здесь идет о разгоревшемся в 2005 году «газовом конфликте» с Украиной, в ходе которого российская сторона приостанавливала поставки своего природного газа украинским и европейским потребителям.

ции источников нефтегазоснабжения ЕС, в том числе путем формирования энерготранспортных систем на постсоветском пространстве в обход России.

Вместе с тем, когда рассматриваешь европейскую вовлеченность в Центральную Евразию и, в частности, пытаешься понять, насколько она функциональна в плане отношений безопасности с другими акторами, — невольно задаешься вопросом о состоятельности ЕС как единого носителя интересов и субъекта соответствующей политики. При всех успехах интеграции эту структуру еще очень трудно классифицировать как государство, тем более как державу. Основываясь на теории региональных комплексов безопасности, можно допустить возможность эволюции ЕС из, выражаясь терминами Б. Бюзана и О. Вивера, «институционального» регионального комплекса безопасности⁴ в более амальгамного политического актора⁵. Однако пока это скорее перспектива, чем реальность, причем сопряженная со множеством вопросов. Три из них были сформулированы цитируемыми выше авторами: «...способен ли ЕС позаботиться о своей собственной безопасности без зависимости от внешних держав? Какова межрегиональная динамика безопасности между ЕС-Европой и окружающими ее комплексами? И в какой мере и как ЕС может выйти на глобальный уровень в качестве державы определенного типа?»⁶ То, что в данной статье ЕС рассматривается в тандеме с Соединенными Штатами, несмотря на все различия в параметрах их геополитической связи с Центральной Евразией, в определенной степени связано как раз с этими проблемами.

США никак нельзя квалифицировать как державу географически смежную с Центрально-Евразийским регионом. Несмотря на это, сегодня, как и в течение всего постсоветского времени, их присутствие здесь ощущается значительно сильнее, чем европейское.

Глобальная вовлеченность США, основанная на потребностях, не ограниченных рамками определенных географических пространств, и на возможностях проекции влияния в мировом масштабе, не позволяет игнорировать их роль в функционировании и развитии центральноевразийской системы. Это же дает нам основание, говоря об относительной идентичности интересов объединенной Европы и США как двух субъектов Западной цивилизации, все же отмечать, что роль первой скрипки, в том числе и в определении этих интересов в регионе, остается за Америкой. Что временами отражается в чрезмерной геополитизированности даже тех вроде бы общих транснациональных проблем, к решению которых стремится Западный тандем⁷.

Ключевые интересы безопасности

Распад СССР, прежде всего, привнес в повестку безопасности США и Европы проблему огромного советского ядерного наследства. И хотя тактическое ядерное оружие

⁴ См.: *Buzan B., Wæver O. Regions and Powers. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 62.*

⁵ См.: *Buzan B. People, States and Fear. An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era. Second Edition. Colorado: Lynne Rienner Publishers Boulder, 1991. P. 218—219; Buzan B., Wæver O., Wilde J. de. Security. A New Framework for Analysis. London: Lynne Rienner Publishers Boulder, 1998. P. 12.*

⁶ *Buzan B., Wæver O. Op. cit. P. 373.*

⁷ Речь в данном случае идет не только о том, что Соединенные Штаты могут использовать европейских партнеров для реализации своих геополитических интересов. Здесь также важна реакция других, конкурирующих с США держав — России, КНР. Американское лидерство в Западном тандеме зачастую побуждает их видеть во всем, что делает Запад, лишь очередной «геополитический проект США». При этом, помимо всего прочего, в глазах других акторов полностью нивелируется роль ЕС как носителя каких-то собственных интересов. Впрочем, отсутствие самостоятельных военно-политических механизмов действительно зачастую заставляет европейцев следовать за Соединенными Штатами даже в тех случаях, когда они не достаточно заинтересованы в той или иной конкретной политике в Центральной Евразии.

было в скором времени перевезено в РФ, большое число стратегических боеголовок оставалось в Беларуси, Казахстане и Украине⁸. С учетом политических и социально-экономических флуктуаций, которые переживали в тот период эти страны, все более актуальными становились опасения дальнейшего распространения этого советского «ядерного наследства», в особенности его попадания в руки «государств-изгоев» или негосударственных экстремистских группировок. Необходимость предотвратить эту угрозу сформировала один из ключевых мотивов вовлеченности Запада в постсоветское пространство⁹.

К счастью для Западного тандема, дезинтеграционные процессы на пространстве бывшего СССР были остановлены и не привели к разделу российского ядерного арсенала¹⁰. Кроме того, удалось договориться и с властями получивших советские ядерные арсеналы новых независимых государств. Украина, Беларусь и Казахстан согласились присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия в качестве безъядерных стран и либо передать свои арсеналы России, либо самостоятельно ликвидировать их. К декабрю 2001 года этот процесс был завершен¹¹.

Хотя проблема ядерного наследства СССР в постсоветской Центральной Евразии была тем самым в целом урегулирована, вопрос об эффективности режима нераспространения здесь до сих пор не снят с повестки безопасности западных стран. Регион граничит с наиболее радикально настроенными в отношении Запада державами, точнее, формирует их геополитическую связь друг с другом. Эта связь может быть использована для налаживания нелегального сотрудничества в ядерной области.

С середины 2000-х годов иранская ядерная программа неизменно остается ключевой проблемой в отношениях США и ЕС с Ираном. С учетом особенностей иранского политического режима¹², контролируемых им нефтегазовых ресурсов и связанных с этим геополитических вопросов¹³, а также успехов Тегерана в разработке баллистических ракет перспективу появления иранских ядерных вооружений никак нельзя отнести к рядовым проблемам повестки безопасности Западного тандема. Ситуация усугубляется сотрудничеством Ирана в ядерной сфере с другими державами, в особенности Россией и Китаем.

Крупнейшим реализующимся на данный момент российско-иранским проектом является строительство АЭС в Бушере, в котором участвует около 300 российских пред-

---

⁸ См.: *Simpson J.* Nuclear Non-Proliferation in the Post-Cold War Era // *International Affairs* (Royal Institute of International Affairs 1944-), 1994, Vol. 70, Issue 1. P. 27. В момент распада СССР основная инфраструктура стратегических сил и ядерного комплекса, а также большинство стратегических носителей ядерного оружия оказались на территории РФ. В Украине находились 130 пусковых установок ракет УР-100НУ (SS-19) и 46 шахтных установок ракет РТ-23УТТХ (SS-24), были дислоцированы 19 бомбардировщиков Ту-160, 25 — Ту-95МС и 2 — Ту-95. На территории Беларуси был развернут 81 грунтовой ракетный комплекс «Тополь» (SS-25). В Казахстане — 104 шахтные пусковые установки ракет Р-36МУТТХ/Р-36М2 (SS-18) и 40 бомбардировщиков Ту-95МС (см.: *Стратегические ядерные силы СССР и России* [<http://www.armscontrol.ru/course/rsf/p9.htm>]).

⁹ См., например: *Cornell S.E.* Small Nations and Great Powers. A Study of Ethnopolitical Conflict in the Caucasus. Surrey: Curzon Press, 2001. P. 367; *Sokolsky R., Charlick-Paley T.* NATO and Caspian Security. A Mission Too Far? Washington: Rand Corporation, 1999. P. 7; *Fairbanks Ch., Nelson C.R., Starr S.F., Weisbrode K.* Strategic Assessment of Central Eurasia. Washington D.C.: The Atlantic Council of the United States, Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University, 2001. P. 11.

¹⁰ Одно из опасений Запада было связано с возможностью «советского сценария» распада и для других ядерных стран, в том числе и самой РФ, переживавшей в начале 1990-х годов не самый стабильный период в своей истории (см.: *Simpson J.* *Op. cit.* P. 27).

¹¹ См.: *Стратегические ядерные силы СССР и России.*

¹² Политическая идеология иранского режима построена на радикальном антагонизме западным ценностям.

¹³ Политическая мотивация контроля над огромными нефтяными и газовыми ресурсами Ирана вполне вписывается в логику усиливающейся конкуренции развитых стран за уменьшающиеся энергоносители и противодействия попыткам РФ использовать энергетические рычаги против Запада.

приятий¹⁴. В РФ заявляют об исключительно мирных целях этого сотрудничества, ссылаясь на свою незаинтересованность в появлении нового ядерного актора у своих южных границ и на отсутствие убедительных доказательств того, что иранское руководство намерено нарушить свои обязательства по ДНЯО и приобрести статус ядерной державы¹⁵. По мнению же американской стороны, российско-иранское сотрудничество по меньшей мере способствует росту научно-технических предпосылок для создания Ираном ядерного оружия¹⁶.

Спектр мер, предпринимаемых Соединенными Штатами и их европейскими союзниками, чтобы предотвратить получение Ираном ядерного оружия, достаточно широк, но пока остается малоэффективным. Среди них и режим санкций в отношении компаний, сотрудничающих с Тегераном в этой области, в соответствии с «Актом нераспространения в отношении Ирана»¹⁷ — объектом таких санкций по большей части становятся китайские и российские предприятия¹⁸, и декларирование возможностей применения силы против Ирана, включая внутреннюю политическую риторику и периодические демонстрации своей военной мощи в Персидском заливе.

Но Центральная Евразия образует не только геополитическое связующее звено между основными «ядерными конкурентами» Запада, но и одну из наиболее политически нестабильных зон евразийского материка. Это отражается и на потенциале угрозы распространения ОМП, и на других нетрадиционных вызовах безопасности (международная организованная преступность и терроризм, наркотрафик, нелегальная миграция). То, что данный регион составляют преимущественно слабые государства, сказывается не только на нестабильности и конфликтности преобладающих здесь отношений, но и на широких возможностях распространения генерируемых в этом пространстве и транслируемых через него угроз на смежные с ним региональные системы.

С распадом СССР Центральная Евразия изобилует конфликтами различного уровня интенсивности. Термин «Евразийские Балканы», примененный Зб. Бжезинским к югу постсоветского пространства по аналогии с «традиционными Балканами» начала 1990-х годов¹⁹, применим, по нашему мнению, и сегодня и останется применимым по меньшей мере до тех пор, пока здесь сохраняются очаги неурегулированных вооруженных конфликтов.

Конфликты в Нагорном Карабахе, Приднестровье, Абхазии и Южной Осетии сегодня квалифицируются как «замороженные», тогда как эти территории соответственно Азербайджана, Молдовы и Грузии де-факто находятся вне национального либо международного контроля. Отсутствие устойчивых и масштабных вооруженных столкновений здесь с середины 1990-х годов²⁰ не намного уменьшает негативный эффект, порождаемый «мирной» неконтролируемостью этих зон. «Все сепаратистские регионы представляют вызовы и жесткие риски безопасности, поскольку формируют возрастающие угрозы возобновления вооруженного насилия в регионе и способствуют слабости государств, препятствуя экономическому и демократическому развитию на Южном

¹⁴ См.: Новиков В.Е. Проблема нераспространения ядерного оружия на современном этапе. Москва: Российский институт стратегических исследований, 2007. С. 229.

¹⁵ См.: Угрозы режиму нераспространения ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. А. Арбатова, В. Наумкина. М.: Московский центр Карнеги, 2005. С. 25.

¹⁶ См.: Новиков В.Е. Указ. соч. С. 231.

¹⁷ С 2005 года — «Акт о нераспространении в отношении Ирана и Сирии».

¹⁸ Список этих предприятий опубликован на официальном сайте Государственного департамента США (см.: Iran Nonproliferation Act of 2000. U.S. Department of State [<http://www.state.gov/t/isn/c15234.htm>]).

¹⁹ См.: Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. С. 149.

²⁰ Такое состояние заморозженности в конфликте в Южной Осетии было прервано в августе 2008 года российско-грузинским кризисом, вылившимся в масштабные военные действия.

Кавказе и в Молдове. С неразрешенными конфликтами связан и широкий спектр «мягких» проблем безопасности, так как они создают особый род неконтролируемых зон свободной торговли»²¹.

Уже сегодня можно констатировать присутствие здесь в больших масштабах военной техники, не регулируемое международными квотами в соответствии с Договором об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ). Ибо контроль в этих «замороженных» зонах осуществляется акторами, не обладающими для этого легитимной, международно признанной правовой основой. Тем не менее объемы нелегальной военной техники в их руках временами значительно превышают допустимый порог вооружений тех государств, из состава которых они стремятся выйти, применяя эти вооружения.

Более того, бесконтрольность отмеченных сепаратистских регионов привела к развитию здесь центров контрабанды оружия, наркотиков, а также торговли людьми и отмывания денег²². В частности, Приднестровье дальше всех продвинулось в торговле вооружениями, что ввиду относительной близости к границам объединенной Европы и черноморским портам в Украине (Одесса) представляет для европейцев наиболее актуальную угрозу²³. Однако и кавказские «зоны вне контроля», несмотря на свою относительную отдаленность от границ Западного тандема, вызывают не меньше евро-американских опасений относительно контрабанды материалов военного характера. Факты говорят о возможности использования этих бесконтрольных пространств для торговли приобретенными в России компонентами, применимыми для создания ядерного оружия. Так, в феврале 2006 года на территории Грузии была предотвращена попытка контрабанды 100 граммов высокообогащенного урана, который был перевезен в Грузию для продажи группой, возглавляемой российским гражданином Олегом Хинсаговым, через участок российско-грузинской границы в Южной Осетии²⁴.

Иран, надо сказать, не единственный, кого на Западе воспринимают как опасного претендента на приобретение ядерного оружия. Не менее серьезные угрозы связываются с возможностью того, что эти технологии или материалы попадут в руки террористических организаций и будут использованы в атаках на американские и европейские города. События 11 сентября 2001 года не только оказались главным ускорителем секьюритизации проблемы международного терроризма в глазах Запада, но и до предела актуализировали угрозу так называемого ядерного терроризма. И источником такой угрозы может быть не только преднамеренная передача террористическим группам ядерных зарядов так называемыми государствами-изгоями, но и несанкционированный самостоятельный доступ таких групп к ядерному оружию.

Концептуализации Западом Центральной Евразии в качестве одного из источников отмеченной угрозы способствует не только наличие здесь «зон вне контроля» и «коридоров» нелегальной активности, но и другие присущие региону факторы. Прежде всего, Центральная Евразия — это одно из пространств наибольшей активности экст-

---

²¹ Cornell S., Jonsson A., Nilsson N., Häggström P. *The Wider Black Sea Region; An Emerging Hub in European Security*. Washington and Uppsala: Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program, 2006. P. 51.

²² См.: Ibidem.

²³ В Приднестровье имеются определенные производственные возможности. С 1996 года здесь выпускается оружие и амуниция, которые экспортировались в Косово, Чечню, Абхазию и арабские страны. В 2003 году содокладчики Парламентской ассамблеи Совета Европы Джозетте Дориу и Лаури Ватре подчеркнули угрозу, представляемую трафиком вооружений в Приднестровском регионе (см.: Radulescu B. *The Transnistria «Republic» and Illegal Arms Export // EuropeFront News*, 2 January 2007 [http://www.europefront.com/news/267/the_transnistria_republic_and_illegal_arms_export.html]).

²⁴ См.: Bunn M. *Securing the Bomb 2007*. Project on Managing the Atom. Cambridge, MA: Harvard University. Belfer Center for Science and International Affairs, 2007. P. 17 [http://www.nti.org/e_research/securingthebomb07.pdf].

ремистских группировок, в том числе «Аль-Каиды», которая рассматривается Соединенными Штатами и их европейскими союзниками как террористическая организация № 1 и главный организатор терактов 11 сентября 2001 года и против которой они до сих пор ведут войну в Афганистане с использованием возможностей, предоставляемых в числе прочих и центральноазиатскими ННГ. Регион является основным полем деятельности и другой группы, занесенной Соединенными Штатами в список зарубежных террористических организаций, — Исламского движения Узбекистана, а также ряда других группировок и движений, не слишком благосклонных к евро-американским ценностям и политике Запада по отношению к развивающемуся миру: «Хизб ут-Тахрир», «Братья мусульмане» и др.

Но в Центральной Евразии можно найти не только явных претендентов на получение ядерного оружия, стремящихся использовать его в борьбе с Западом, но и возможности для удовлетворения такого спроса. Во-первых, она граничит с несколькими ядерными державами — РФ, КНР, Индией, Пакистаном, которые, в принципе, могли бы стать источником нелегальных поставок этих вооружений и компонентов для их создания, в частности, вследствие несовершенства систем охраны и безопасности на ядерных объектах. Так, в докладе по вопросам предотвращения ядерного терроризма, подготовленном в Бельферском центре науки и международных отношений при Гарвардском университете, наибольшие риски в плане несанкционированного доступа к ядерным объектам и хищения соответствующих материалов связывают с Россией и Пакистаном²⁵.

Во-вторых, сами центральноазиатские ННГ могут стать источником получения определенных компонентов ОМП. По крайней мере, именно так считают на Западе. В октябре 2005 года председатель подкомитета по делам Ближнего Востока и Центральной Азии Комитета по международным отношениям палаты представителей Конгресса США Илиана Роз-Летинен заявила: «К числу важнейших американских интересов в сфере безопасности относится ликвидация арсеналов ядерного оружия, оставшихся после краха советского блока... В Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане имеются действующие исследовательские реакторы, урановые шахты, установки для обогащения урана и склады ядерных отходов, причем многие из них, как сообщают, по-прежнему плохо охраняются. Также сообщают, что в Казахстане и Узбекистане в советские времена имелось немало средств ведения химической и биологической войны. Усилия США по демонтажу находящегося в регионе средств ведения химической, биологической и ядерной войны, с тем чтобы террористы не могли получить в свое распоряжение это смертоносное оружие, — одна из главных проблем, которыми занимается наш подкомитет»²⁶.

Но даже если оставить в стороне вопрос доступа террористических групп к ядерным арсеналам, проблема международного терроризма в целом после событий 11 сентября, воспринимается на Западе как наиболее актуальная угроза. От нее, что показали теракты в США, мало защищает географическая отдаленность от основных очагов терроризма²⁷. Террористические организации могут наносить удары по территории США и их европейских союзников из центров управления, расположенных на значительном расстоянии. Эти теракты, а также последовавшие за ними взрывы в Испании (март 2004 г.) и Великоб-

²⁵ См.: *Bunn M.* Op. cit. P. 25.

²⁶ См.: U.S. Security Concerns in Central Asia. Opening Statement of Hon. Ileana Ros-Lehtinen, Chair, Subcommittee on the Middle East and Central Asia Hearing, 26 October 2005 (цит. по: *Ибрахим А.* Эволюция политики Соединенных Штатов в каспийском регионе: неустойчивое равновесие // *Центральная Азия и Кавказ*, 2007, № 4 (52). С. 41).

²⁷ См.: *Oliker O.* Conflict in Central Asia and South Caucasus: Implications of Foreign Interests and Involvement. В кн.: *Faultlines of Conflict in Central Asia and the South Caucasus. Implication for the U.S. Army* / Ed. by O. Oliker, Th.S. Szayna. Santa Monica, CA: Rand Corporation, 2003. P. 223.

ритании (июль 2005 г.) продемонстрировали уязвимость Запада относительно данной асимметричной угрозы и жизненную необходимость коллективных мер (в том числе и военного характера) по ее предотвращению.

Наряду с международным терроризмом и другими нетрадиционными угрозами, на 2000-е приходится и секьюритизация энергетических проблем в западных странах. Именно в это время обнаружилась жесткая связь вопросов энергоснабжения и энергозависимости с геополитикой и безопасностью.

Наиболее сильно логику новой, энергетической геополитики ощутила на себе объединенная Европа, а эпицентром соответствующих угроз для нее стало постсоветское пространство, точнее Россия и ее «энергетическая политика». В основе данной политики, по мнению С. Корнела и его соавторов, лежит следующее: государственный контроль над производством предназначенного для экспорта газа; сохранение монополии на доступ к центральноазиатскому газу по низким ценам; достижение доминирования на европейском рынке; использование своего контроля над импортом и экспортом газа стран СНГ в политических целях²⁸.

Инциденты с прекращением подачи российского газа в Украину и в страны ЕС в 2005—2009 годах параллельно с попытками Кремля монополизировать газовый рынок всего постсоветского пространства свидетельствовали не только о ненадежности РФ как стабильного поставщика этого сырья, но и об очевидных ее намерениях использовать энергетическую зависимость европейских стран для реализации своих геополитических интересов в Евразии. А зависимость эта, сформировавшаяся в постсоветский период, весьма существенна²⁹.

Соединенные Штаты напрямую не зависят от поступления энергоносителей из постсоветского пространства, но их не могла не обеспокоить геополитизация этого товара и в особенности попытки их некогда грозного евразийского соперника восстановить таким образом свое доминирование здесь. Монополизация нефтегазовой сферы постсоветского пространства могла повлиять и на объем предложения на мировом рынке энергоресурсов, что, естественно, ударило бы по эффективности американской экономики. Еще задолго до назревания энергетических коллизий с Россией США смотрели на Центральную Азию и Прикаспий как на возможность диверсификации глобальных энергоисточников и снижения зависимости от Персидского залива³⁰.

Кроме того, какая бы то ни было зависимость ЕС от России грозит серьезным стратегическим негативом для Соединенных Штатов. Во-первых, она может привести к подрыву евро-американского единства в вопросах стратегии в Евразии, что, наряду с прочим, ограничит геополитические возможности США в рамках данного пространства. Во-вторых, получив контроль над энергетической и коммуникационной системами постсоветской зоны, Россия фактически восстановит свое доминирование в СНГ, что создаст необходимые геополитические условия для реставрации здесь империи советского типа либо для формирования широкой коалиции (союза) пророссийски ориентированных государств. Еще в середине 1990-х годов Зб. Бжезинский достаточно точно сформулировал главный геополитический императив американской стратегии в постсоветской Евразии:

²⁸ См.: *Cornell S., Jonsson A., Nilsson N., Häggström P.* Op. cit. P. 76.

²⁹ На Россию приходится примерно 46% европейского импорта природного газа и 17% импорта нефти (см.: *Норлинг Н.* Политика Европейского союза в Центральной Азии: принятие нового стратегического документа на 2007—2013 годы // *Центральная Азия и Кавказ*, 2007, № 3 (51). С. 12; *Бурханов А.* Стратегия Европейского союза в Центральной Азии: успехи и неудачи // *Центральная Азия и Кавказ*, 2007, № 3 (51). С. 24—25).

³⁰ См.: например: *Burnashev R.* *Regional Security in Central Asia: Military Aspects.* Â êí.: Central Asia. A Gathering Storm? / Ed. by B. Rumer. New York: M.E. Sharpe, 2002. P. 116; *Sokolsky R., Charlick-Paley T.* Op. cit. P. 69; *Oliker O.* Op. cit. P. 221; *Fairbanks Ch., Nelson C.R., Starr S.F., Weisbrode K.* Op. cit. P. 98.

сохранение существующего здесь геополитического плюрализма и предотвращение появления враждебной коалиции или государства, способного бросить вызов ведущей роли Америки³¹. При успешном осуществлении целей энергетической геополитики России реализация этого императива оказывается под угрозой.

Таким образом, в условиях объективного истощения энергоносителей и общемирового повышения спроса на них геополитизация нефтегазовой сферы постсоветского пространства в итоге становится пагубной как для ЕС, так и для его заокеанского союзника. Весьма примечателен в этом отношении закон «Об энергетической дипломатии и безопасности», принятый Конгрессом США в 2007 году. Там, в частности, фиксировалось императивное значение для национальной безопасности и процветания Соединенных Штатов наличия надежных, приемлемых по ценам, качественных, достаточных и стабильных источников энергии³². Один из авторов данного закона, американский сенатор Ричард Лугар, еще в 2006 году в ходе Рижского саммита НАТО отметил: «Наиболее вероятным источником вооруженных конфликтов на европейском театре и в окружающих его регионах в ближайшее десятилетие будет недостаток энергии и манипулирование этим. Было бы безответственным для НАТО отказываться от вовлеченности в вопросы энергетической безопасности, в то время когда становится совершенно очевидным, что рабочие места, здоровье и безопасность наших современных экономик и обществ зависят от достаточности и своевременного доступа к различным энергетическим ресурсам»³³.

Хотя, конечно, для Европы это представляет более непосредственную угрозу в более краткосрочном плане и, наверное, правильнее было бы говорить о наличии значительно более фундаментальных оснований именно для европейской вовлеченности в Центральную Евразию. Тем не менее и для США эта проблема достаточно сильно стимулировала активность в регионе, которая, как и при реагировании на другие традиционные и нетрадиционные угрозы безопасности, осуществлялась преимущественно в тандеме с европейскими союзниками. Надо сказать, что на том идеологическом фоне, который сопровождал окончание холодной войны, стратегические задачи, сформулированные Западом в отношении Центральной Евразии, выглядели более привлекательными и для самих ННГ, и для международного сообщества. По форме они казались менее геополитизированными и ориентированными на успешное развитие освободившихся государств, что представляло Западу большие возможности применения «мягкой силы» для реализации своей стратегии в Центрально-Евразийском регионе.

Реализация интересов безопасности

Тезис о необходимости создания на постсоветском пространстве зоны сильных государств с функциональной демократической системой и рыночной экономикой — это не только и не столько дань идеализму, победившему на Западе после Второй мировой войны и в практическом отношении ориентированному скорее на собственный западный электорат. На самом деле речь шла не только о гуманитарных пристрастиях побе-

³¹ См.: *Бжезинский* 3б. Указ. соч. С. 235.

³² См.: Energy Diplomacy and Security Act of 2007 [<http://thomas.loc.gov/cgi-bin/query/D?c110:2:./temp/~c110JBKdrz:>].

³³ См.: Richard Lugar Speech in Advance of NATO Summit at Opening Gala Dinner of the Riga Conference 27 November 2006 [<http://www.rigasummit.lv/en/id/speechin/nid/36/>].

дителей холодной войны. Фактически именно это могло гарантировать долгосрочный геополитический плюрализм на постсоветском пространстве, а также создание условий для реализации более масштабной цели США и их союзников в Евразии — формирование открытой системы, приспособленной к более прозрачному и взаимозависимому миру³⁴.

Более того, существование сильных, демократических и экономически эффективных государств на пространстве бывшего СССР вполне обоснованно продолжает восприниматься на Западе как своего рода панацея от всех зол, создающая необходимые условия для осуществления всего комплекса американско-европейских интересов на этой территории — от предотвращения распространения вооруженных конфликтов и других угроз (ОМП, терроризм, религиозный экстремизм, наркотики, незаконная миграция) в зонах жизненных интересов Запада до создания надежных альтернативных возможностей обеспечения энергоресурсами.

Поэтому неудивительно, что необходимость поддерживать независимость, суверенитет, преобразования в сфере демократии и рыночной экономики ННГ, а также их интеграцию в политическую и экономическую систему мира остаются наиболее употребляемыми на Западе тезисами в отношении постсоветского пространства³⁵. Для реализации этого требования использовался достаточно широкий арсенал средств: финансовая и техническая помощь, подготовка вооруженных сил ННГ и координация их деятельности с военными структурами НАТО³⁶, политическая поддержка, в особенности в случаях обострения их проблем с РФ или с другими державами геополитического окружения³⁷. Временами дело доходило до неформальной поддержки революционной демократизации в этих государствах, которая запомнилась под термином «цветные революции».

Надо сказать, что успехи Запада в достижении отмеченных целей были неоднозначны из-за крайностей в реализации его политики. Особенно это проявилось в вопросах демократизации политических систем в постсоветских государствах, включая РФ.

Американские подходы к демократизации ННГ демонстрировали черты то сверхрационалистичности, отдающей двойными стандартами, то чрезмерной идеологизированности и показательной жесткости. Отсюда некоторые весьма болезненные стратегические неудачи Запада в Центральной Евразии.

Вспомним хотя бы начало 1990-х годов. Тогда одним из главных политических ориентиров США, наряду с предотвращением распространения советского ядерного наследия на территориях РФ, Беларуси, Украины, Казахстана, было преобразование России в демократическое государство с функциональной рыночной экономикой³⁸. Перед лицом этой задачи все остальное, в частности необходимость добиваться аналогичных целей в других ННГ, фактически отодвинулось на задний план, а временами и вовсе приносились

³⁴ См.: *Чантуридзе Л.* Евразия, геополитика и внешняя политика США // *Центральная Азия и Кавказ*, 2008, № 5 (59). С. 17.

³⁵ Это же фиксировалось в стратегических документах США и ЕС (см., например: *A National Security Strategy for a New Century*. Washington, D.C.: The White House, October 1998. P. 39; *European Community Regional Strategy Paper for Central Asia for the Period 2007-2013*, 15 June 2006. P. 7 [http://www.delkaz.ec.europa.eu/pr/eng/REPOSITORY_assistance/Programmes_and_Projects/Geographic/DCI/CA_CSP&IP_2007-2010/Regional_%20Strategy_Paper_%20CA_2007-13_%20rev_%20june-15-2006_En.pdf]).

³⁶ В частности, отметим Программу иностранной помощи США, которая в соответствии с Актом в защиту свободы 1992 года была расширена на бывшие советские республики, Программу ТАСИС иницированную Европейским сообществом в 1991, программу «Партнерство ради мира» от 1994 года в рамках НАТО и другие, в том числе индивидуальное содействие финансового, военного и технического характера.

³⁷ Здесь можно упомянуть поддержку Грузии во время военного столкновения с РФ в августе 2008 года или поддержку Азербайджана в ходе инцидента на Каспии с Ираном в июле 2001-го.

³⁸ См.: *Cornell S.E.* Op. cit. P. 367.

в жертву отмеченным «высшим» мотивам. Подход «Russia first» оказался весьма контрпродуктивным для общей стратегии Запада в отношении ННГ, ибо способствовал рестаурации восприятия Кремлем этого пространства как естественной сферы его доминирования, а в самих отколовшихся от бывшей метрополии государствах породил ощущение неопределенности относительно того, насколько Запад реально заинтересован в поддержке их фактической независимости со всеми связываемыми с ней «демократическими приложениями». Это, в целом, привело к усилению в данных государствах пророссийской геополитической ориентации и впоследствии затруднило самому Западу формирование устойчивой альтернативы.

Ситуация еще больше осложнилась другой крайностью в вопросе демократизации ННГ, проявившейся в 2000-х годах с приходом республиканской администрации в США. Американская политика в этот период отличалась относительно более жесткими требованиями к соблюдению демократических стандартов, но при этом зачастую слабо учитывала реальные возможности для стабильного демократического транзита в том или ином ННГ. В практической плоскости это отразилось в феномене так называемых «цветных революций», волна которых с различным успехом прокатилась по Центральной Евразии в 2003—2005 годах. В стратегическом плане отмеченная «революционная волна» привела как к позитивам, так и к более ощутимым негативам для Запада.

Хотя в целом «розовая», «оранжевая» и «тюльпановая» революции³⁹ способствовали транзиту к более демократичным режимам и усилению прозападной ориентации в этих ННГ, устойчивость сформировавшейся здесь властной системы остается под вопросом⁴⁰. Более того, революционность трансформаций в этих государствах породила определенную настороженность политических элит других ННГ, особенно в Центральной Азии, относительно аналогичных планов внешних сил в отношении руководимых ими государств. И, соответственно, если на то время в Грузии, Украине и, в значительно меньшей степени, в Кыргызстане можно было говорить об определенном усилении прозападной политической ориентации, то в остальных центральноевразийских ННГ резкая смена власти у соседей при достаточно видимых признаках заокеанского стимулирования привела скорее к обратному эффекту. Элиты этих ННГ во имя сохранения власти были вынуждены договариваться со значительно менее прихотливой в плане демократических стандартов Россией, что для Запада в лучшем случае выливалось в их так называемый «сбалансированный» внешнеполитический курс, а в худшем — в резкое усиление здесь пророссийской ориентации. Наиболее наглядно этот тренд проявился в Узбекистане, и своего рода точкой кипения при этом стали андижанские события мая 2005 года.

Центральная Евразия с 2001 года является зоной военной активности Запада. Контртеррористическая операция США и их союзников по НАТО в Афганистане была ответом на теракты 11 сентября. Официальное обоснование ввода ВС США в Афганистан было связано с предоставлением талибским режимом убежища и поддержки международному

---

³⁹ То, в какой мере и в какой именно форме США реально участвовали в трех этих революциях, остается достаточно закрытым, и к тому же этот вопрос выходит за рамки предмета настоящего исследования. Определенно можно утверждать, что США официально приветствовали эти революционные трансформации и тем самым усилили всеобщее впечатление их участия в данных процессах. Так, в Стратегии национальной безопасности США от 2006 года в разделе, посвященном успехам и вызовам после 2002 года, было зафиксировано: «Цветные революции в Грузии, Украине и Кыргызстане принесли новую надежду на свободу на всем Евразийском пространстве» (The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: The White House, March 2006. P. 2).

⁴⁰ Вспомним хотя бы результаты президентских выборов в Украине в январе 2010-го, на которых к власти пришел В. Янукович — тот самый лидер, против которого пятью годами ранее и была инициирована «оранжевая революция», или апрельскую революцию 2010 года в Кыргызстане, которая привела к свержению К. Бакиева — одного из лидеров «тюльпановой революции» 2005 года.

терроризму⁴¹ в лице совершивших теракты в американских городах Усамы Бен-Ладена и боевиков «Аль-Каиды».

Афганская операция стала сильнейшим стимулом для взаимодействия США с государствами Центральной Азии и Кавказа в военной сфере, в частности в вопросах права пролета американских ВВС через их территории и возможности дислокации здесь военных баз США⁴². Надо сказать, что нетрадиционные угрозы, исходящие с территории Афганистана, по меньшей мере на ранних стадиях антитеррористической операции, сплотили и побудили к активности не только западные страны⁴³, но и их геополитических конкурентов в Евразии. «В этом вопросе США пользовались также беспрецедентным содействием Российской Федерации... В своих усилиях по борьбе с терроризмом США и Россия обменивались разведывательными данными и обещали продолжить сотрудничество на долгосрочной основе. В то время как многие в России по-прежнему выражали озабоченность американским присутствием на ее «задворках», президент Путин не устал повторять, что Россия не выступает против действий США (в Афганистане. — Дж. Э.)»⁴⁴.

С началом войны в Афганистане позиция и поддержка Кремля приобрели для США первостепенное значение. Однако компромисс между Вашингтоном и Москвой относительно военной операции Соединенных Штатов и, в частности, по вопросу о размещении американских баз в Центральной Азии, отражал не только американскую заинтересованность. Да, с размещением военных баз в Центральной Азии США получали непосредственную возможность влиять на геополитические процессы в ключевом региональном сегменте постсоветского пространства, и это не входило в долгосрочные интересы России. Однако антитеррористическая операция в целом способствовала реализации ее интересов, требовавших ликвидировать потенциальную угрозу ее южным рубежам со стороны режима талибов.

Однако этот элемент сотрудничества Запада с Россией в Центральной Евразии носил ситуативный характер и был связан с ходом войны в Афганистане. Чрезмерное усиление позиций НАТО в регионе не входило в планы РФ, а также КНР и ИРИ. Все три региональные державы были заинтересованы в том, чтобы покончить с талибами руками Вашингтона и таким образом ликвидировать комплекс исходивших из Афганистана нетрадиционных угроз, и в особенности те опасности, что связаны с религиозным экстремизмом и наркоторговлей. И их сотрудничество определялось именно этим лимитом. Поэтому Западу в афганской операции не долго удалось пользоваться геополитическим нейтралитетом других игроков. Чем более очевидными оказывались успехи международной коалиции (ISAF) по дезорганизации талибского сопротивления и созданию альтернатив власти талибов под протекцией Запада, тем настойчивее его региональные конку-

---

⁴¹ См.: The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.C.: The White House, September 2002. P. 5.

⁴² С начала военной операции против талибов США дислоцировали свои ВС на территории Узбекистана — военно-воздушная база в Карши-Ханабаде, и Кыргызстана — военно-воздушная база в Манасе. В 2005 году в результате обострения американо-узбекских отношений Ташкент потребовал вывести американские ВС со своей территории. В ноябре того же года ВВС США были перебазированы на базу Манас в соседнем Кыргызстане.

⁴³ Как до, так и после начала антитеррористической операции производство и трафик наркотиков рассматривались Западом среди наиболее серьезных угроз, исходящих из Афганистана. Эта угроза сама по себе стимулировала вовлеченность западных стран как в сам Афганистан, так и в сравнительно недавно появившиеся на сцене граничащие с ним центральноазиатские ННГ. После распада СССР это пространство стало перспективным рынком сбыта и наиболее доступной перевалочной базой для афганских наркоторговцев.

⁴⁴ *Oliker O.* Op. cit. P. 224.

ренты требовали определить предельные сроки пребывания ВС США в центральноазиатских ННГ.

Единая российско-китайская позиция по вопросу об американском военном присутствии в Центральной Азии была выражена на саммите ШОС в Астане 5—6 июня 2005 года. И хотя среди центральноазиатских ННГ — участников данной организации здесь не было фактического и твердого единогласия⁴⁵, в целом они поддержали этот пункт итоговой декларации Астанинского саммита, в котором отмечалось: «Учитывая завершение активной военной фазы антитеррористической операции в Афганистане, государства — члены Шанхайской организации сотрудничества считают необходимым, чтобы соответствующие участники антитеррористической коалиции определились с конечными сроками временного использования упомянутых объектов инфраструктуры и пребывания военных контингентов на территориях стран — членов ШОС»⁴⁶.

Отмеченная ситуация отражала обостряющуюся геополитическую конкуренцию между Западным тандемом и РФ, выходящую далеко за рамки Центральной Азии. В географическом плане речь шла скорее о Центральной Евразии в целом, чем о каких-то ее отдельных региональных сегментах, тогда как интересы военно-стратегического характера и потребность борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности остаются сильно смешанными с энергетическими и коммуникационными вопросами.

Идея о необходимости создания системы нефтегазопроводов в Центральной Евразии не была непосредственной реакцией на попытки Москвы в 2000-х годах использовать энергетические возможности в политических целях. Последнее только стимулировало процесс секьюритизации этой проблемы на Западе и усилило общий конкурентный фон в его отношениях с Россией. Сама же идея появилась и стала развиваться еще до «газовых событий» в Украине и первоначально была ориентирована скорее на создание альтернативных источников предложения на мировом энергетическом рынке. К тому же от этого зависела успешная интеграция центральноевразийских ННГ в мировую экономическую систему, а также их внутреннее усиление, что снижало риски монополизации постсоветского пространства новой евразийской империей и, следовательно, повышало шансы на устойчивое и долгосрочное сохранение здесь условий для геополитического плюрализма.

Запустив в середине 1990-х годов Программу межгосударственной транспортировки нефти и газа в Европу (INOGATE), которая должна связать системой трубопроводов Европу с производителями энергоносителей в Каспийском регионе, ЕС косвенно признал Каспий альтернативой, балансирующей его энергобаланс и призванной снизить энергозависимость от РФ⁴⁷. Однако реализация Программы в тот период оставляла желать лучшего, прежде всего из-за отсутствия в отношениях Запада с Россией конкурентного фона и связанных с ним практических свидетельств возможности применения энергогеополитики. Россия была слишком слаба и зависима от европейской и американской помощи, и в этих условиях увеличение импорта российских энергоносителей не рассматривалось как актуальная, непосредственная угроза энергетической безопасности Европы. Тем более что в РФ энерготранспортная инфраструктура уже существовала, а альтернативы надо

---

⁴⁵ Так, фактический подход Кыргызстана к данному вопросу расходился с тем, что было зафиксировано в тексте Астанинской декларации. Уже в октябре 2005 года госсекретарь США К. Райс в ходе визита в Кыргызстан согласовала с властями республики условия перевода сюда американских ВВС из Узбекистана.

⁴⁶ См.: Декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества. Астана, 5 июля 2005 года [<http://www.sectsc.org/html/00501.html>].

⁴⁷ См.: *Маркетос Т.Н.* Энергетическая безопасность Европы и Балканы: борьба между США и Россией за геостратегический контроль над Евразией // *Центральная Азия и Кавказ*, 2008, № 5 (59). С. 68.

было только создавать, причем в условиях относительно низких цен на углеводородное сырье, не сулящих высокой рентабельности этому проекту.

Однако уже в конце 1990-х годов появились свидетельства необходимости определенным образом переоценить геополитические, а в скором времени и энергетические аспекты безопасности Запада на постсоветском пространстве. Балканский кризис 1999 года⁴⁸ фактически завершил «медовый месяц» в отношениях России с Западом, и бытовавшие на Западе представления о возможности превращения России в демократию западного типа лишились всяких рациональных оснований. Рухнули и надежды на то, что попытки Москвы восстановить влияние в бывшей советской периферии безвозвратно ушли в прошлое, как и перспектива налаживания отношений Запада с Россией, охарактеризованных З. Бжезинским как «зрелое стратегическое партнерство» или «глобальный кондоминиум»⁴⁹.

Такому повороту в отношениях Запада с РФ способствовал и ряд других факторов, которые стали проявляться еще до операции НАТО против Сербии. Основным таким фактором стало решение о расширении НАТО на восток, по мнению Зб. Бжезинского, превратившемся к 1996 году в центральную политическую задачу для США в целях создания более крупного и более безопасного евро-атлантического сообщества⁵⁰. Российская реакция на это решение заметно отличалась от подхода США и их союзников по Североатлантическому альянсу. В России все больше усиливалось ощущение, что действия Запада направлены на ее сдерживание и создание «санитарного кордона» вокруг России или же, в самой мягкой формулировке, на ее изоляцию. А. Уткин следующим образом характеризует «разочарование России» в связи с первой волной расширения НАТО: «Строго говоря, речь идет не о полумиллионной армейской «добавке» к семимиллионному контингенту НАТО, не о трехстах современных аэродромах вблизи наших границ и даже не о контроле над территорией, послужившей трамплином для наступлений на Москву в 1612, 1709, 1812, 1920 и 1941 годах. Речь идет о неудаче курса, начатого Петром Великим и патетически продолженного демократами-западниками в 1988—1993 годах. Мы говорим о расширении НАТО, а имеем в виду сигнализируемую этим расширением Североатлантического блока новую изоляцию нашей страны. Это уже третья за XX век попытка Запада исключить Россию из системы общеевропейской безопасности. Первая была предпринята с созданием версальской системы и «санитарного кордона» на наших западных границах... Вторая попытка озаменована «планом Маршала» и созданием НАТО»⁵¹.

В 1997 году, на постсоветском пространстве появляется ориентированное на Запад и поддерживаемое им объединение четырех ННГ: Грузии, Украины, Азербайджана и Молдовы — ГУАМ, дополненное в 1999-м Узбекистаном и превратившееся в ГУУАМ. Несмотря на политическую риторику по поводу экономического развития и демократизации, в идее ГУУАМ явно ощущался «геополитический компонент», вызывавший основные опасения Кремля. И хотя на Западе мысль о «санитарном кордоне» особо не афишировалась, та геополитическая картина, которая складывалась на постсоветском пространстве с оформлением данного объединения во второй половине 1990-х годов, давала реальную пищу для размышлений о возможности такого сценария.

Не могло вызвать особого доверия Кремля также усиление заинтересованности и позиций США в Каспийском регионе, который рассматривался российскими властями в

⁴⁸ Военная операция НАТО 1999 года в Югославии в связи с Косовским кризисом вызвала беспрецедентную по жесткости за предыдущее постсоветское время реакцию официальной Москвы и стимулировала рост антизападных настроений в российском обществе.

⁴⁹ *Бжезинский Зб.* Указ. соч. С. 121.

⁵⁰ См.: Там же. С. 124.

⁵¹ *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. Москва: Эксмо, 2002. С. 358—359.

рамках своего «ближнего зарубежья» — сферы особых интересов РФ. В 1997 году регион был объявлен зоной жизненно важных интересов США и включен в сферу ответственности Центрального командования ВС Соединенных Штатов. Это фактически означало, что Вашингтон перестал считаться с особыми интересами России здесь⁵². Примерно тогда же появляется идея о создании маршрута транспортировки азербайджанской нефти на Запад в обход российской территории по трубопроводу Баку — Тбилиси — Джейхан и обсуждается возможность строительства транскаспийского трубопровода для доступа к энергоносителям Казахстана и Туркменистана⁵³.

По мере того как Россия приходила в себя после дефолта 1998 года и усиливалась вертикаль власти с приходом администрации В. Путина, ее противодействие Западу становилось все более организованным и жестким⁵⁴. Их отношения начинали приобретать подзабытые было с окончанием холодной войны контуры идеологического противостояния. Америку критиковали за попытки легализовать однополярный миропорядок, за игнорирование многосторонних механизмов ООН, за упоминавшиеся уже бомбардировки Сербии и начало военной операции в Ираке. Российские власти — за чрезмерное использование силы во время второй чеченской войны, за жесткую централизацию власти, воспринимаемую на Западе как сворачивание демократических преобразований и возврат к авторитаризму. Не могли радовать Соединенные Штаты и их европейских союзников и все более откровенные попытки Кремля использовать экономические рычаги для усиления своего влияния в ННГ и, наконец, его ставка на энергетическую геополитику, апогеем которой стал отмеченный «газовый кризис» с Украиной.

Эти новые формы геополитики Москвы задевали стратегические интересы Запада, а в случае с ЕС — непосредственные интересы безопасности и стимулировали ответную активность. Прежде всего изменения коснулись концептуализации Центральной Евразии западными странами. Возникла реальная необходимость более интегрированного видения и соответствующих практических подходов к политике в отношении этого пространства. Такое видение региона было отражено, в частности, в концепциях «Большой Центральной Азии»⁵⁵ и «Большого Черноморского региона»⁵⁶.

Наиболее важным направлением активности Запада по парированию российской энергогеополитики являлась разработка и развитие альтернативных маршрутов поставок углеводородов на европейские рынки. В качестве необходимого компонента этой стратегии рассматривается усиление позиций Запада в энергодобывающих и важных для транзита государствах региона. Комплекс соответствующих действий включает, во-первых, усиление политической, а также экономической и военно-технической поддержки наиболее уязвимых из этих ННГ; во-вторых, содействие укреплению сотрудничества между самими этими ННГ, а также между ними и странами НАТО и ЕС (включая энергетическую и транзитную сферы) как на двустороннем уровне, так и в рамках общих ориентированных на Запад институтов.

---

⁵² См.: Лаумулин М. Стратегия и политика США в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 4 (52). С. 52.

⁵³ Реализация такой перспективы обсуждалась министрами иностранных дел Турции, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана еще в марте 1998 года (см.: *Bülent A. Turkey's Policy in the Former Soviet South: Assets and Options* // *Turkish Studies*, Spring 2000, Vol. 1, No. 1. P. 41).

⁵⁴ Начавшаяся в 2001 году антитеррористическая операция в Афганистане внесла некоторую кооперативность в отношения Запада с Россией на базе общих антиталибских интересов, однако данная «оттепель» носила весьма краткосрочный характер. О причинах данной недолговечности было упомянуто выше.

⁵⁵ *Starr S.F.* A «Greater Central Asia Partnership» for Afganistan and Its Neighbors. Silk Road Paper, March 2005. Washington, D.C.: Central Asia-Caucasus Institute, Johns Hopkins University-SAIS, 2005 [http://www.stimson.org/newcentury/pdf/Strategy.pdf]; *Starr S.F.* A Partnership for Central Asia // *Foreign Affairs*, July/August 2005, Vol. 84, No. 4. P. 164—178.

⁵⁶ *Cornell S., Jonsson A., Nilsson N., Häggström P.* Op. cit.

С вводом в эксплуатацию нефтепровода Баку — Тбилиси — Джейхан и газопровода Баку — Тбилиси — Эрзерум в 2006 и 2007 годах соответственно можно было говорить о создании основных маршрутов транспортировки нефтегазовых ресурсов Азербайджана. Следующим шагом в формировании независимой от РФ энерготранспортной системы в направлении Восток — Запад должно было стать подключение к этим линиям центральноазиатских производителей, в первую очередь Казахстана и Туркменистана.

Надо сказать, что сами эти производители остаются достаточно мотивированными к созданию альтернативных возможностей прокачки своих углеводородов на Запад — по меньшей мере для снижения их текущей транзитной зависимости от России. Поэтому, даже несмотря на негативное отношение последней, в центральноазиатских странах к соответствующей стратегии Запада относятся с определенным пониманием. В июне 2006 года президентами Азербайджана и Казахстана был подписан договор «О содействии транспортировке нефти из Казахстана через Каспийское море и территорию Азербайджана на международные рынки посредством системы БТД», и тем самым Казахстан официально присоединился к проекту нефтепровода. Договор предполагал перевозку казахстанской нефти танкерами из Актау в Баку через Каспий и ее последующую транспортировку по нефтепроводу БТД⁵⁷. В январе 2007 года был подписан Меморандум о взаимопонимании основных принципов сотрудничества по проекту создания Казахстано-каспийской системы транспортировки, предполагающей транзит через Каспий нефти, добываемой на месторождениях Кашаган и Тенгиз, по маршруту Ескене — Курык — Баку — Тбилиси — Джейхан. Документ был подписан казахстанской национальной компанией «КазМунайГаз» и западными нефтяными компаниями, работающими в рамках проектов по Северному Каспию и месторождению Тенгиз («ENI», «Total», «ExxonMobil», «Royal Dutch/Shell», «ConocoPhillips», «Inpex», «Chevron»)». В данном случае речь шла уже о 23 млн т казахстанской нефти в год (на начальном этапе)⁵⁹.

Кроме того, на Западе вновь актуализировалась несколько позабытая с 1990-х годов идея создания транскаспийской трубопроводной системы — нефтепровода Актау — Баку и газопровода⁶⁰ для транспортировки туркменского и казахстанского газа по линии Баку — Тбилиси — Эрзерум. Это придавало практический смысл газопроводам «Набукко»⁶¹, Турция — Греция — Италия (TGI)⁶², а также идее «Белого потока» — прокладке газопровода из Грузии в Румынию по дну Черного моря⁶³.

В марте 2007 года в Вашингтоне госсекретарь США и министр иностранных дел Азербайджана подписали Меморандум о взаимопонимании и сотрудничестве по энергетической безопасности в Каспийском регионе, где подчеркивалось стремление правительств США и Азербайджана начать диалог на высоком уровне по энергетической безопасности в Каспийском регионе под совместным председательством госдепартамента США и МИД Азербайджана, а также их намерение взаимодействовать в реализации проектов по строительству газопроводов, которые различными маршрутами пройдут из Турции в Европу⁶⁴.

⁵⁷ На первом этапе речь шла о транспортировке до 10 млн т казахстанской нефти в год.

⁵⁸ См.: *Смирнов С.* Морской флот. Каспий не ждет // Международный деловой журнал «KAZAKHSTAN», 2007, № 3 [<http://www.investkz.com/journals/52/500.html>].

⁵⁹ См.: Нефтепровод «Ескене — Курык» [http://www.kmg.kz/page.php?page_id=1128&lang=1].

⁶⁰ Предполагается, что проектная мощность транскаспийского трубопровода будет в пределах 2 632 млрд куб. м (см.: *Томберг И.* Энергетическая политика и энергетические проекты в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ, 2007, № 6 (54). С. 52).

⁶¹ Проектная мощность 26—32 млрд куб. м в год.

⁶² Проектная мощность 12 млрд куб. м в год.

⁶³ См.: *Grgic B., Petersen A.* Escaping Gazprom's Embrace // The Journal of International Security Affairs, Spring 2008, No. 14 [<http://www.securityaffairs.org/issues/2008/14/grgic&petersen.php>].

⁶⁴ См.: Азербайджан и США подписали меморандум об энергетической безопасности // Day Az, 23 марта 2007 [<http://www.day.az/news/politics/74232.html>].

В том же году, в апреле, Румыния, Сербия, Хорватия, Словения и Италия подписали договор о строительстве нефтепровода Констанца — Триест от Черноморского к Адриатическому побережью мощностью до 100 млн т в год, который позволил бы доставлять казахстанскую и азербайджанскую нефть в Европу в обход территории РФ и Турции⁶⁵. А в мае и октябре — соответственно в Кракове и Вильнюсе — по инициативе западных стран прошли два энергетических саммита с участием президентов Украины, Азербайджана, Грузии, Литвы, Польши, министра энергетики и минеральных ресурсов Казахстана, представителей ЕС, а также США и др. государств. По итогам Вильнюсского саммита был подписан ряд документов, в том числе Соглашение между Азербайджаном, Грузией, Литвой, Польшей и Украиной по сотрудничеству в области энергетического сектора, Соглашение между Азербайджаном, Грузией, Литвой, Польшей и Украиной о создании компании для развития проекта Одесса — Броды — Гданьск⁶⁶ и Соглашение о создании литовско-польского энергетического моста⁶⁷.

В мае 2009 года на саммите ЕС в Праге была одобрена идея о создании «Южного энергетического коридора» с целью обеспечить стабильные поставки каспийских и ближневосточных энергоносителей в Европу⁶⁸. А в январе 2011 года в ходе визита главы Еврокомиссии Жозе Мануэля Баррозу в Азербайджан стороны подписали совместную декларацию по Южному энергетическому коридору. Тем самым ЕС удалось получить согласие азербайджанской стороны на участие в поставках каспийского газа в Европу по маршрутам данного энергокоридора.

Осознавая невозможность блокировать эти инициативы Запада, Кремль пытается минимизировать их эффект и еще сильнее привязать Европу к своим энергоносителям. Сразу же после одобрения проекта «Набукко» в 2006 году подконтрольный Кремлю газовый монополист «Газпром» объявил о заключении с Венгрией соглашения по увеличению пропускной способности газопровода «Голубой поток»⁶⁹ и его продлению к этому государству ЕС по территории Турции и балканских стран. Сюда же можно отнести попытки «Газпрома» получить контроль над нефтегазовой компанией Венгрии MOL⁷⁰ и Государственной нефтяной компанией Сербии NIS⁷¹; инициативы по строительству газовой магистрали «Южный поток»⁷² и Прикаспийского газопровода⁷³; увеличение пропус-

⁶⁵ См.: *Томберг И.* Указ. соч. С. 49.

⁶⁶ Строительство реверсного нефтепровода Одесса — Броды, соединяющего терминал на берегу Черного моря и трубопровод «Дружба», завершилось в 2001 году. Предполагается, что постройка ветки от Броды до польского города Плоцк создаст возможность перекачивать каспийскую нефть в Гданьск для ее дальнейшей транспортировки европейским потребителям (см.: *Томберг И.* Указ. соч. С. 48).

⁶⁷ См.: Энергетический саммит в Вильнюсе // ЭХО, 11 октября 2007, № 188 (1669) [http://www.echo-az.com/archive/2007_10/1669/politica03.shtml]; На саммит в Вильнюсе прибыл глава Евросоюза // ЭХО, 12 октября 2007, № 189 (1670) [http://www.echo-az.com/archive/2007_10/1670/politica04.shtml].

⁶⁸ Южный энергетический коридор включает в себя несколько маршрутов трубопроводов — «Набукко», Турция — Греция — Италия, «Белый поток» и Трансадриатический газопровод.

⁶⁹ Данный проложенный по дну Черного моря газопровод является основной линией поставки российского газа в Турцию. Пропускная способность 16 млрд куб. м в год, действует с 2003 года.

⁷⁰ См.: *Grgic B., Petersen A.* Op. cit.

⁷¹ См.: Сербия готова уступить «Газпрому» национальную нефтяную компанию за 1 млрд евро // NEWSru.com, 27 декабря 2007 [<http://palm.newsru.com/finance/27dec2007/srpska.html>].

⁷² Проектная мощность «Южного потока» — 30 млрд куб. м в год. Предполагается прокладка данного газопровода по дну Черного моря в Болгарию. Далее рассматриваются два варианта его продолжения: юго-западный — через Грецию, Адриатическое море в Южную Италию; северо-западный — через Болгарию, Румынию, Венгрию, Словению в Северную Италию. «Газпром» готов к реализации любого из этих вариантов, и примет вариант формирования обоих (*Маркетос Т.Н.* Указ. соч. С. 70).

⁷³ В мае 2007 года Россия, Казахстан и Туркменистан подписали Декларацию о строительстве Прикаспийского газопровода мощностью 30 млрд куб. м. Его прохождение предполагается вдоль туркменского (360 км) и казахстанского (150 км) побережья с последующим подключением к магистрали «Средняя Азия — Центр» (см.: *Томберг И.* Указ. соч. С. 57).

кной способности нефтепровода Каспийского трубопроводного консорциума⁷⁴ и строительство нефтемагистрالی Бургас — Александруполис⁷⁵, а также стремление закупить свободные объемы газа у потенциальных его поставщиков в Европу по Южному энергетическому коридору (Азербайджан и Туркменистан).

З а к л ю ч е н и е

Кардинально изменившаяся с окончанием холодной войны геополитическая ситуация в Центральной Евразии неизбежно потребовала переосмыслить значение данного пространства для безопасности США и их европейских союзников. Могущественной Советской державы уже не было, а вместе с этим исчезла и главная угроза существованию Западного мира. Однако пространство, освободившееся от советского контроля, стало превращаться в источник новых угроз безопасности западных стран.

Советское «ядерное наследие», а также наличие зон «вне контроля», образовавшихся в Центральной Евразии вследствие вооруженной конфликтности и внутривосточной нестабильности в региональных ННГ, обостряли угрозу распространения ОМП. На Западе данная проблема наиболее остро воспринимается в свете текущей ядерной программы Ирана, а также как возможность доступа к ОМП негосударственных экстремистских организаций.

Не менее важным для Запада представляется значение Центральной Евразии в качестве пространства, связывающего ключевых евразийских геополитических акторов (Россия, Китай, Турция, Иран) и обеспечивающего непосредственный выход к Афганистану — на сегодня главному театру борьбы с международным терроризмом, а также как одного из главных направлений диверсификации источников обеспечения углеводородным сырьем и снижения соответствующей зависимости ЕС от России.

Усиление центральноевразийских ННГ посредством демократизации и развития в них функционирующих механизмов рыночной экономики, геополитический плюрализм на региональном уровне и формирование разветвленной системы нефтегазопроводов для обеспечения поставок энергоносителей региональных стран в Европу относятся к числу наиболее важных целей политического курса Западного тандема в Центральной Евразии в течение всего постсоветского периода развития региона.

Отсутствие видимых успехов в «иранском» и «афганском» вопросах, неумолимое истощение мировых нефтегазовых ресурсов на фоне их увеличивающегося потребления в мире и конкуренции сильных мира сего за доступ к ним, успешное продвижение Китая к сверхдержавному статусу, а также попытки РФ реставрировать свой великодержавный статус, в частности через механизмы энергогеополитики, — факторы, позволяющие говорить о вероятном росте значимости Центральной Евразии для безопасности США и ЕС и, соответственно, усилении их консолидированной активности в регионе.

---

⁷⁴ Первоначальная мощность — 28,2 млн т в год, предполагается увеличить ее до 67 млн т.

⁷⁵ Соответствующее соглашение между РФ, Грецией и Болгарией было подписано в декабре 2007 года. Начальная мощность нефтепровода — 15 млн т год с возможностью увеличения до 50 млн т (см.: Подписано соглашение по нефтепроводу Бургас — Александруполис, 18 января 2008 года [<http://top.rbc.ru/economics/18/01/2008/134533.shtml>]).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ГЕОПОЛИТИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ, СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ

Эльдар ГАБДУЛЛИН

*кандидат философских наук,
эксперт Центра современной политики (ЦЕСОП)
(Алматы, Казахстан)*

Введение

По мере того как глобальная сила и влияние смещаются на Восток, все основные международные акторы стремятся взять на себя ведущую роль в Азии. Государства мира пытаются выстроить новые взаимоотношения и сформировать выгодный для себя баланс сил с развивающимися азиатскими странами, в которых уже готова почва как для более широкого сотрудничества, так и для обострения конкуренции.

По всей вероятности, нынешняя Азия, где проживает большая часть населения мира и достигнуты значительные успехи в индустриальном развитии, во многом определит будущие векторы глобализации; наряду с этим в регионе безудержно растут военные расходы, обостряется соперничество за ресурсы и тлеют самые горячие очаги конфликтов.

Особое место в азиатской архитектуре принадлежит относительно небольшому, но богатому энергоресурсами региону — Центральной Азии (ЦА), который определяет потоки энергопоставок во все концы мира, а также имеет соседство с нестабильным Афганистаном. На ЦА сконцентрированы интересы крупнейших глобальных игроков; регион в какой-то мере можно считать «ключом» к геополитическому будущему и стабильности всего азиатского континента.

В данной статье представлено авторское видение ситуации в ЦА, проведен анализ рисков и вызовов, с которыми сталкиваются страны региона, и охарактеризованы возможные пути развития в контексте внутренних проблем и внешнего влияния.

Центральная Азия сегодня

Международное значение ЦА обусловлено геополитически выгодным расположением между Россией, Китаем, Ираном и Кавказом, значительным энергетическим и природно-ресурсным потенциалом, транспортно-транзитными возможностями, а также близостью к очагам вооруженных конфликтов (Афганистан, Пакистан), сильно влияющим на международную безопасность.

В этой связи регион будет оставаться сферой пересечения интересов и стратегий как самих государств ЦА, так и внешних геополитических игроков, главным образом России,

США, Китая, Евросоюза (ЕС), Ирана и Турции. Определение перспектив развития ЦА во многом зависит от оценок текущей политики и более долгосрочных стратегий этих игроков и других внешних стран, оказывающих решающее влияние на ситуацию и безопасность в Центрально-Азиатском регионе (ЦАР).

ЦА является молодым регионом, здесь еще не завершились процессы становления институциональной структуры и системы международных организаций, а также поиски культурно-политической идентичности. Для региона характерны внутренние противоречия, существенная вариативность культурных практик и идентичностей, а также широкий диапазон интерпретаций исторического наследия.

Следует также отметить, что развитие ЦАР идет на фоне продвижения многообразных, противоречащих друг другу интеграционных проектов, за которыми стоят мощные геополитические силы.

Отличительная черта ЦА — существование здесь уникальной комбинации вызовов и угроз разного уровня. Ситуация усугубляется конкуренцией внешних сил и отсутствием кооперации между самими центральноазиатскими государствами, сводящими на нет все попытки нейтрализовать имеющиеся риски с помощью международного сотрудничества.

Регион стал заложником усиливающейся глобальной неопределенности; его зависимость от структуры мировой политики является долгосрочной проблемой, так как соотношение сил на глобальной арене между ключевыми внешними игроками постоянно меняется¹.

С геополитической точки зрения система безопасности ЦА представляет собой сложную конструкцию из нескольких уровней (и подуровней), в которой параллельно задействованы различные силы. Кроме того, государства ЦА участвуют в различных региональных организациях и в области безопасности связаны одновременно с несколькими геополитическими центрами силы.

Вызовы и угрозы стабильности и устойчивому развитию государств региона связаны с влиянием множества факторов; например, с обострением внутривнутриполитических процессов, активизацией экстремистских и террористических организаций различного толка, ростом афганского наркотрафика, проблемами миграции и маргинализации городов, экологической деградацией и водным дефицитом, повышенной конфликтогенностью этноконфессионального характера и др. Все проблемы, связанные с безопасностью ЦА, имеют межрегиональный характер.

Несмотря на то что место и роль ЦА в мировом сообществе не определены, регион постепенно втягивается в различные межрегиональные и глобальные процессы, в том числе и деструктивные.

В силу транснационального характера угроз и низкого уровня самостоятельности каждого из государств региона ни одна страна не может одними лишь собственными силами решить весь комплекс существующих проблем; нивелированию угроз, укреплению безопасности, предотвращению и преодолению кризисных ситуаций в ЦА может способствовать лишь интеграция усилий.

Однако перспектива реальной интеграции ЦА (по крайней мере, в уже опробованных до настоящего момента моделях) весьма неутешительна: слишком силен антагонизм между странами региона; кроме того, различные центральноазиатские государства развиваются в диаметрально противоположных направлениях.

---

¹ См.: Казанцев А. Большая игра с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. Москва: Наследие Евразии, 2008. 241 с.

Оценка современного развития государств региона

Страны региона находятся на перепутье, причем каждая из них усиленно продвигает собственный сценарий будущего развития, что усиливает взаимное непонимание региональных игроков.

Кыргызстан. С политической точки зрения современный Кыргызстан представляет собой крайне нестабильное государственное образование, в котором периодически происходит насильственная смена власти; системный социально-экономический кризис обуславливает сохранение социальной и межэтнической напряженности.

Кроме того, страна не располагает достаточным военно-силовым потенциалом и в силу этого создает благоприятную среду для транснациональной организованной преступности, наркомафии и религиозно-экстремистских групп, которые, сражаясь с властью на различных уровнях, все более укрепляются на политической арене республики.

С экономической точки зрения Кыргызстан является индустриально неразвитой страной с низким уровнем жизни и высокой безработицей, стимулирующей трудовую эмиграцию; денежные перечисления кыргызских гастарбайтеров занимают значительное место в финансовой системе государства.

При этом республика обладает не до конца реализованным экономическим потенциалом, прежде всего в аграрной (фрукты, овощи), энергетической (гидроэлектроэнергия) и ресурсной (вода, золото) отраслях, а также определенным человеческим капиталом, активно участвующим в региональной трудовой миграции (низкоквалифицированные специалисты).

Внешнеполитический курс Кыргызстана тяготеет к многовекторному сотрудничеству с Россией, США, Китаем и Казахстаном; в целом же страна для повышения защищенности и укрепления национальной безопасности поддерживает идеи региональной интеграции.

Что касается внешней политики, то в последние годы она характеризуется неустойчивостью и частой сменой преимущественной ориентации, связанной с перипетиями взаимоотношений с Россией и США, пытающимися оказать давление на Бишкек.

Кыргызстан не обладает достаточным политическим весом; его возможности крайне ограничены влиянием и давлением соседних государств, а также существующими территориальными спорами с Узбекистаном и Таджикистаном. Следует отметить, что в отстаивании своих интересов Бишкек активно использует экономические рычаги давления (водо- и энергоснабжение региона).

Таджикистан. С политической точки зрения современный Таджикистан — крайне нестабильное государство, подверженное внутривнутриполитическим колебаниям и социально-политическим кризисам. На республику оказывают сильное влияние религиозно-экстремистские группы и криминалитет, контролирующий наркотрафик из Афганистана. Политическая ситуация осложняется системными проблемами социально-экономического развития, вызывающими перманентную напряженность и кризис власти.

С экономической точки зрения Таджикистан — индустриально неразвитая страна с крайне низким уровнем жизни и высокой безработицей. Значительное место в финансовой системе занимают денежные перечисления трудовых мигрантов. Республика обладает не полностью реализованным экономическим потенциалом, сконцентрированным прежде всего в аграрной, энергетической (гидроэлектроэнергия) и ресурсной (вода, золото) отраслях. Страна также имеет определенный человеческий капитал, ак-

тивно участвующий в региональной трудовой миграции (низкоквалифицированные специалисты).

Внешнеполитический курс страны направлен на многовекторное взаимодействие, прежде всего с Россией, США, ЕС, Китаем и Ираном, от которых Таджикистан сильно зависит экономически и политически. Основные военно-политические приоритеты связаны главным образом с развитием сотрудничества с Россией, а также США и ЕС (по линии НАТО).

В осуществлении торгово-экономической и инвестиционной деятельности главная ставка делается на отношения с Китаем и Ираном, с помощью которых Таджикистан стремится решить различные проблемы, в том числе связанные со строительством инфраструктуры.

Таким образом, активность Таджикистана в интеграционной сфере направлена на решение проблем экономического развития и укрепление национальной безопасности.

Таджикистан обладает сравнительно слабым политическим потенциалом; он подвержен сильному влиянию Узбекистана и Афганистана, а также имеет политические и территориальные споры с соседними странами (Узбекистаном и Кыргызстаном).

В отстаивании своих интересов Душанбе активно пытается использовать имеющиеся рычаги давления (водоснабжение, территориальные споры, наркотрафик), а также определенную вовлеченность в процессы в Афганистане, с которым страна имеет тесные этнокультурные связи.

Туркменистан. В политическом плане Туркменистан представляет собой государство с относительно стабильной социально-политической обстановкой, обеспечиваемой закрытостью страны, жестким внутренним курсом и достаточно высоким (по региональным меркам) уровнем жизни. Туркменистан наименее подвержен внешнему давлению, однако неустойчивость юридических норм и неотработанность механизма передачи президентской власти осложняют внутреннюю политическую обстановку в республике.

В экономическом плане Туркменистан является страной с достаточно высоким уровнем жизни, который поддерживается, в основном, благодаря экспорту газа и нефти.

В настоящее время Ашхабад делает ставку на масштабное и активное развитие инфраструктуры, особенно в сфере транспорта и телекоммуникаций.

Высокого уровня развития достигла сфера обслуживания, которая растет значительно быстрее промышленного и аграрного секторов.

В основе внешнеполитического курса Туркменистана лежит принцип нейтралитета: страна не принимает участия в деятельности международных и региональных интеграционных структур, а отношения с различными государствами выстраивает исключительно на двусторонней основе.

Приоритетными интересами республики являются привлечение в энергопроекты крупных инвестиций из Китая, Ирана и Европы, а также развитие многовекторных транспортных коридоров (в Китай, Индию, Иран и Европу), в том числе и трубопроводных, направленных в обход России.

Уровень политико-экономического влияния Туркменистана невысок; в отношении своих соседей по региону республика проводит осторожную политику (в основном в экономической области), стремясь «законсервировать» имеющиеся проблемы, не давая им разрастаться.

Узбекистан. В политическом плане Узбекистан, наиболее густонаселенная страна ЦА, представляет собой государство с жестким авторитарным режимом, механизмы которого позволяют сдерживать социально-политическую напряженность и рост недовольства населения.

Особенностью государственно-политического устройства Узбекистана является высокая персонализация власти президента; правящий режим стремится сохранить тоталь-

ный контроль над всеми процессами в стране и сдерживать любые либеральные инициативы. Ключевой опасностью для сохранения стабильности являются неустойчивость юридических норм и неотработанность механизма передачи президентской власти.

Узбекистан характеризуется высокой бедностью и безработицей, что усугубляется экономической политикой государства, основанной на репрессивных и конфискационных методах; бизнес жестко контролируется, а значительное место в финансовой системе занимают денежные перечисления трудовых мигрантов.

Узбекистан обладает значительным нереализованным экономическим потенциалом, сконцентрированным, прежде всего, в аграрной (овощи, фрукты, хлопок), промышленной (пищевая, химическая) и энергетической (газ) отраслях, а также колоссальными, по региональным меркам, демографическими ресурсами.

Внешнеполитический курс Узбекистана во многом зависит от меняющейся геополитической конъюнктуры; при этом Ташкент пытается лавировать между Россией и Западом, периодически меняя акценты военно-политической ориентации и параллельно налаживая тесные связи с Китаем (в основном в торгово-экономической области). Узбекистан отличается непостоянством в вопросах участия в интеграционных (международных и региональных) и военно-политических структурах.

Узбекистан не имеет общих границ с Россией, Китаем, Ираном и другими крупными странами, что во многом препятствует реализации его потенциала. Однако благодаря выгодному с геостратегической точки зрения расположению (республика граничит со всеми странами ЦА и Афганистаном) Узбекистан оказывает значительное политико-экономическое влияние на ЦАР и открыто демонстрирует претензии на региональное лидерство.

Республика обладает полным набором инструментов влияния на своих соседей и активно использует политику давления в формировании региональных отношений и достижении своих национальных интересов.

Казахстан, в отличие от остальных стран ЦА, не стремится сохранить свои фундаментальные цивилизационные ценности. Тем не менее и для этого государства характерны такие «болезни» региона, как полуавторитарный тип правления, коррупция, ресурсоориентированность экономики и др.

Чтобы занять достойное место среди лидеров Евразии, Казахстан настойчиво пытается изменить вектор своего развития, активно преобразуя существующую политико-экономическую систему. Однако наряду с имеющимся у республики потенциалом существует и множество вызовов геоэкономического характера.

Благодаря курсу на рост экономики, дозированной либерализации и стабильности внешнеполитических приоритетов Казахстан является крупнейшим получателем зарубежных инвестиций, стимулирующих развитие республики.

Казахстан отличается от других государств региона еще и тем, что стремится извлечь максимум пользы из тесного сотрудничества с Россией, Западом и Китаем, а также из активного участия в международных процессах.

Нельзя утверждать, что современная идентичность Казахстана связана лишь с постсоветским прошлым или с принадлежностью к азиатскому ареалу; в политике республики нет также и прозападного крена.

Казахстан стремится реализоваться в качестве евразийского интеграционного моста; продвигаются различные проекты (в целом, утопические) по превращению ЦА в некий единый политико-экономический союз (Союз центральноазиатских государств), которые пока не имеют никаких перспектив.

В целом, как думается, именно сохранение нынешней модели государственного развития и выполнение заявленных планов позволят Казахстану выделиться из числа транзитных стран СНГ и «возглавить» эволюцию ЦА.

Сохраняющаяся идентичность «станов», обусловленная общим историческим прошлым, все еще имеет определенное влияние; она и должна стать основой нового диалога стран ЦА, ослабленных региональной конкуренцией.

Риски безопасности в ЦАР

В настоящее время особое беспокойство вызывает ряд нижеперечисленных, зачастую взаимосвязанных факторов.

Существующие проблемы внутреннего развития способствуют возникновению и распространению вызовов стабильности. Все страны региона испытывают сложности, вызванные неоднородным и несбалансированным составом населения; перенаселенность и полиэтничность еще больше усложняют социально-экономическую и политическую ситуацию. Кроме того, в отдельных государствах наблюдается духовно-культурная деформация, которая также стимулирует возникновение угроз общей дестабилизации обстановки (внутренней и региональной), которая и без того характеризуется повышением конфликтности, ростом экстремизма, неконтролируемыми миграционными процессами и усилением транснациональной преступности.

Процесс среднесрочного и долгосрочного развития центральноазиатских государств мало предсказуем. В данном контексте уместно упомянуть о консервации негативных процессов и явлений, которые могут кардинальным образом сказаться на внутривнутриполитическом развитии и вызвать глубокую и длительную внутривнутриполитическую нестабильность, связанную с ослаблением правящих режимов и применением силовых методов при смене власти.

Наряду с этим существует вероятность раскола государств по этническому или территориальному принципу (Таджикистан — Горный Бадахшан и приграничные к Узбекистану районы; Узбекистан — Ферганская долина), а также усиления межгосударственных трений.

Сохраняется подверженность региона воздействию асимметричных угроз и вызовов, которые формируются как внутри государств ЦА, так и за их пределами. На фоне слабости государственных режимов, масштабной коррупции и тяжелого социально-экономического положения в ряде стран ЦА транснациональные субъекты (религиозно-экстремистские организации, наркокартели, трансграничные криминальные группы и др.) становятся самостоятельными «игроками» в регионе; они располагают серьезными финансовыми, человеческими и инфраструктурными ресурсами, а также значительным арсеналом, и в перспективе их влияние, вероятнее всего, будет расширяться.

Таким образом, в ближайшие годы вектор деятельности государств ЦА будет смещаться в сторону обеспечения национальной безопасности; особое внимание необходимо обратить не на риски, связанные с влиянием внешних держав, а на нарастающие угрозы со стороны транснациональных криминальных субъектов.

Происходит исламизация региона, связанная с развитием экстремистских учений и ростом террористической активности. Специфика этнокультурного состава населения государств ЦА активно используется международными исламистскими силами. В свете событий 2010 года можно утверждать, что экстремистские организации продолжают дестабилизировать обстановку в Кыргызстане, Таджикистане и Узбекистане; кроме того, они распространяют свое влияние на всю ЦА, Афганистан и Пакистан (АфПак), а также Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР) с целью создания «исламского государства».

Отсутствие необходимых мер противодействия скоординированной деятельности достаточно разветвленной структуры исламистских организаций создает реальную угрозу широкого распространения экстремистских идей в северо-западном направлении.

Прослеживается кардинальное расхождение между правящими элитами стран ЦА по вопросам национальных интересов, предпочтений, а также целей и задач развития; происходит консервация ряда межгосударственных проблем. Можно с высокой долей вероятности предположить, что при сохранении существующей ситуации взаимное непонимание между государствами ЦА по целому ряду региональных вопросов в среднесрочной и долгосрочной перспективе значительно усилится.

Фактически взаимоотношения с соседями по-прежнему занимают второстепенное место в системе внешнеполитических приоритетов стран ЦА, и эта тенденция углубляется, что может значительно усложнить выстраивание регионального диалога.

Сохранение и периодическое усиление конфликтного фона в отношениях между странами региона. Одним из наиболее конфликтогенных является вопрос сбалансированного распределения водных ресурсов; так, Узбекистан открыто выражает недовольство Таджикистаном и Кыргызстаном в связи с их попытками реализации гидроэнергетических проектов.

Кроме того, между тремя странами остаются нерешенными вопросы государственных границ и территориальные претензии, что усугубляет существующие межэтнические противоречия и может привести к конфликтам.

Консервация экономической нестабильности и недостаточности потенциала. Глобальный экономический кризис стал серьезным вызовом для государств ЦА; вполне вероятно, что его негативное влияние будет ощущаться на протяжении последующих нескольких лет.

Экономика большинства государств ЦА, ориентированная на сырьевой сектор, в значительной степени пострадала от негативных изменений глобальной конъюнктуры. Речь идет в первую очередь о наименее развитых странах региона — Таджикистане и Кыргызстане, которые наиболее подвержены систематическим энергетическим кризисам. Кроме того, резко упал спрос на услуги трудовых мигрантов из этих стран, прежде всего на российском и казахстанском рынках.

При этом вместо налаживания тесного экономического сотрудничества государства ЦА предпочитают надеяться только на собственные силы или на взаимодействие с внешними акторами.

Влияние внешних факторов на региональную стабильность. Для перераспределения и закрепления зон своего влияния и доминирования внешние акторы используют различные способы давления на государства региона, чье геополитическое соперничество, по всей видимости, постепенно переходит в новую активную фазу.

Более того, по периметру границ региона расположены потенциальные источники вызовов и угроз его стабильности. Это в первую очередь Иран (риски, связанные с военной угрозой со стороны США) и, возможно, Монголия (риски, связанные с обострением внутривнутриполитической ситуации в этой стране); постоянное негативное воздействие на обстановку в ЦА оказывает и Афганистан.

Проблема безопасности осложняется тем, что в настоящее время ни одно государство региона не способно в течение продолжительного времени самостоятельно противостоять масштабному проявлению угроз и вызовов, особенно в случае их «институционализации», то есть превращения в массовое движение или организованное учреждение; в случае возникновения новых проблем экономического или политического характера в странах ЦА вероятность такого развития событий значительно возрастет.

* * *

Сложность анализа и прогноза развития стран ЦА обусловлена тем, что под воздействием целого комплекса внутренних факторов (низкий уровень социально-экономического развития, политическая неопределенность, неравномерность процессов государственного строительства) внутрирегиональная обстановка и динамика взаимоотношений государств постоянно меняются; кроме того, существует множество рисков, обусловленных близостью Афганистана (прохождение через регион наркотрафика, активность религиозных экстремистов и транснационального криминалитета).

Особое значение имеет превращение ЦА в объект геополитического соперничества между крупными международными игроками.

Политика, интересы и уровень влияния внешних «игроков» и транснациональных субъектов в ЦА

На сегодняшний день основными участниками «большой геополитической игры» в ЦА являются Россия, США и Китай; кроме того, возрастающий интерес к региону проявляют ЕС, Турция, Индия, Пакистан и Иран.

При этом интересы «игроков» не всегда и не во всем совпадают, а нередко входят между собой в острое противоречие, что негативно отражается на региональной обстановке. Таким образом, успешное политическое и экономическое развитие ЦАР в долгосрочной перспективе во многом зависит от качества отношений с внешними акторами.

«Большая четверка» в регионе

Россия всегда рассматривала ЦА в качестве зоны своих жизненно важных интересов. Москва стремится сохранить высокий уровень влияния на страны региона, активно используя сложившиеся в советское время экономические связи и интеграционные структуры (СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и Таможенный союз). Особое значение для России имеют расширение собственного и сдерживание внешнего военного присутствия в регионе, усиление экономического воздействия, освоение новых сырьевых и гидроэнергетических ресурсов, контроль над маршрутами транспортировки нефти и газа, а также формирование общего с государствами ЦА информационно-культурного пространства, направленное на обеспечение российского информационного доминирования.

В силу историко-географических причин Россия значительно вовлечена в процессы, происходящие в регионе, и обладает наиболее действенными рычагами давления на страны ЦА; кроме того, она стремится закрепить за своими компаниями монопольный доступ к разработке месторождений ценных полезных ископаемых и энергоносителей.

Российская сторона крайне не заинтересована в диверсификации национальных экономик стран региона, так как этот процесс может ослабить ее влияние и привести к появлению и развитию альтернативных (без российского участия) экономических проектов.

В целом долгосрочная стратегия России в ЦА будет выстраиваться с учетом формирования и практической реализации системной основы для расширения влияния на государство региона.

США, как и Россия, считают Каспийско-Центральноазиатский регион зоной своих жизненно важных интересов; их евразийская геостратегия основывается на концепции «Большой Центральной Азии», предусматривающей привлечение стран региона для оказания содействия военной кампании в Афганистане.

Основные интересы США концентрируются в области добычи и транспортировки энергоресурсов, а военно-политическое присутствие в странах региона имеет для них важное стратегическое значение ввиду близости России, Китая, Ирана и зоны АфПак. Другими словами, территория региона рассматривается США как благоприятный плацдарм для прямого политического воздействия на Россию и Китай, ведения военных действий в АфПаке или потенциального военного удара по Ирану. При этом совершенно очевидно, что Соединенные Штаты стремятся максимально дистанцировать государства ЦА от российского влияния; с этой целью Вашингтон использует политические рычаги давления, демократическую риторику, а также оказывает всевозможное воздействие на страны региона (напрямую и через международные организации и НПО).

В целом стратегия США в ЦА не предусматривает серьезных инвестиций в социально-экономическое развитие стран региона и концентрируется в основном на энергетических и ресурсодобывающих секторах экономики.

КНР в долгосрочной перспективе рассматривает ЦА как зону своего доминирования и источник дешевых энергоносителей и природных ресурсов. Китай медленно, последовательно и осторожно выстраивает свои отношения со странами региона, стремясь усилить свое экономическое влияние на них. Таким образом, стратегической задачей Китая является укрепление своих позиций в ЦА, необходимое для масштабной экономической экспансии.

Мощные финансово-инвестиционные возможности Китая позволяют ему внедряться в экономику региона, подготавливая почву для политического влияния. Долгосрочной целью Китая является максимальное экономическое подчинение государств ЦА и превращение их в свою сырьевую базу.

На современном этапе Пекин уделяет основное внимание переориентации трубопроводных коммуникаций из ЦА с российского направления на китайское.

В своей региональной стратегии Китай стремится максимально дистанцироваться от геополитической конкуренции с другими внешними игроками.

Важным аспектом внешнеполитического взаимодействия Китая с государствами ЦА являются вопросы безопасности в приграничных районах, в первую очередь в СУАР; действия Пекина будут направлены на сдерживание наращивания конфликтного потенциала и сепаратистских настроений.

Важным механизмом для решения своих задач Китай считает ШОС, в которой он прочно удерживает доминирующие позиции; в перспективе именно эта региональная организация станет главным инструментом политики Пекина в ЦА.

Особую опасность для ЦА представляют китайские мигранты, которые проникают в регион, не привлекая внимания (параллельно с инвестициями и торговым бизнесом).

Что касается ЕС, то он пытается применить к ЦА собственный, более самостоятельный подход; в своей деятельности европейцы используют детализированные программы и в целом действуют весьма организованно. **«Стратегия ЕС для ЦА до 2013 года» рассматривает регион как источник вызовов европейской безопасности;** кроме того, этот документ предусматривает сотрудничество в форматах двусторонних и многосторонних отношений в разных сферах. Подобный подход примечателен тем, что признает и учитывает альтернативные пути регионального развития и институтов безопасности. Таким об-

разом, европейцы, во избежание дополнительных рисков, изначально адаптируют свои подходы к реалиям региона.

Основными областями европейских интересов выступают добыча и транспортировка центральноазиатских энергоносителей (в обход российской территории) и борьба с угрозами безопасности, исходящими из Афганистана. Гуманитарная составляющая европейской политики в отношении ЦА будет включать расширение образовательных программ и выделение грантов на обучение. Будут активно использоваться механизмы «мягкого» проникновения в регион посредством как существующих, так и новых проектов по линии международных организаций (ОБСЕ) и региональных программ (ТАСИС, ТРАСЕКА, БОМКА).

В среднесрочной перспективе ЕС может активно включиться в региональные процессы по урегулированию «водных» и гидроэнергетических проблем. В целом же центральноазиатская политика ЕС все еще остается достаточно аморфной, хотя отдельные европейские страны (Германия, Великобритания, Франция, Италия и Нидерланды) проявляют заметную активность на региональной арене, действуя в основном в русле собственных национальных интересов.

Следует отметить, что становлению ЕС в качестве серьезного конкурентного игрока препятствует сложный бюрократический механизм коллективного принятия решений, существующий внутри организации.

«Новые» державы в регионе

Турецкие политики, продвигая идею о создании под эгидой Анкары тюркского мира, рассматривают ЦА в качестве его важной составной части. На современном этапе внешнеполитическая деятельность Турции в ЦА не отличается комплексным подходом и характеризуется сравнительно низкой активностью. Это связано в первую очередь с наличием политических проблем в самой Турции, а также ориентацией ее внешнеполитической стратегии на ЕС и США.

Турция, проводя в жизнь свою центральноазиатскую стратегию, пока не ставит своей целью активно включаться в «игру»; она интегрируется в экономику региона посредством совместных бизнес-проектов и инвестиционных программ. Особое внимание Анкара уделяет расширению культурного влияния через внедрение разнообразных социокультурных и образовательных проектов.

В настоящее время политическая активность Турции в регионе нарастает; страна интенсивно использует потенциал таких региональных структур, как ТЮРКСОЙ, ОИК и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА).

Стремление Анкары расширить влияние в регионе будет, видимо, крепнуть с усилением происламистских политических сил внутри самой Турции.

Иран стремится обеспечить свое влияние в регионе за счет развития торговли, транзитных проектов, религиозной пропаганды и культурной близости с Таджикистаном и Афганистаном. Активность в ЦА Ирана, который в определенной мере находится в международной изоляции, в основном обусловлена стремлением расширить свои экономические и политические контакты; особое значение для Тегерана имеют отношения с Казахстаном и Туркменистаном (с точки зрения решения каспийского вопроса).

Иранские интересы сконцентрированы в основном в торгово-экономической сфере и в области развития транспортных коридоров через территорию ЦА в сторону России. С другой стороны, стремление Тегерана к присутствию в ЦА во многом связано с возможностью своевременного получения информации о каких-либо действиях США, которые

могут использовать территорию региона в качестве плацдарма для военного удара по Ирану.

При этом не исключено, что для проникновения в регион иранская сторона может использовать религиозно-экстремистские каналы, пролегающие через Таджикистан и Афганистан. В долгосрочной перспективе существует вероятность ужесточения курса Тегерана в отношении отдельных государств ЦА, что будет зависеть от их позиции по поводу «иранской ядерной программы» и от уровня их сотрудничества с США и их союзниками.

Пакистан развивает сотрудничество с государствами ЦА в сферах экономики и обеспечения региональной безопасности. В настоящее время в Пакистане наблюдается относительно быстрый экономический рост, и сырьевой потенциал ЦАР представляет для этой страны особый интерес; наиболее перспективным является импорт электроэнергии из богатых гидроресурсами Таджикистана и Кыргызстана через афганскую территорию.

В краткосрочной перспективе стратегия сотрудничества Исламабада со странами ЦА будет по-прежнему направлена на развитие неподконтрольных Индии маршрутов транспортировки энергоресурсов (Трансафганский газопровод, Каракорумское шоссе, высоковольтная линия электропередачи из Таджикистана).

Во внешнеполитической деятельности Пакистана в рамках системы региональной безопасности в средне- и долгосрочной перспективе (на фоне активных действий США и Индии в Юго-Восточной Азии) можно прогнозировать активизацию стремления Исламабада к полноценному участию в ШОС.

Однако нерешенные социально-экономические проблемы, внутривнутриполитическая нестабильность, продолжающаяся конфронтация с Индией и значительная вовлеченность в афганский конфликт препятствуют масштабному участию Пакистана в региональных процессах ЦА.

Заинтересованность в усилении своего влияния в ЦА в средне- и долгосрочной перспективе проявляет и Индия. На текущем этапе влияние Индии в регионе ограничено, но имеется потенциал его роста; присутствие в ЦАР (вне зависимости от степени вовлеченности) становится стратегически важным для страны, чья новая внешнеполитическая линия базируется на стремлении расширить сферу влияния, которая традиционно охватывала Юго-Восточную и Южную Азию и акваторию Индийского океана.

Кроме того, Индия стремится косвенно ограничить влияние Пакистана на регион, поэтому следует ожидать ее более широкого взаимодействия в ЦА с Ираном как оппонентом Пакистана.

Основными направлениями сотрудничества Индии с центральноазиатскими странами в области обеспечения региональной безопасности являются совместная борьба против исламского экстремизма, терроризма и наркобизнеса, а также урегулирование ситуации в Афганистане. Государства региона являются для Индии потенциальным источником энергетических ресурсов и перспективным рынком сбыта ее промышленной продукции.

В то же время отсутствие развитой транспортной и энергетической инфраструктуры, а также кризисная ситуация в Афганистане и на севере Пакистана выступают определенным препятствием для развития полноценных многосторонних отношений Индии с государствами ЦА.

Перспективными направлениями институционального сотрудничества Индии с центральноазиатскими странами является взаимодействие в рамках ШОС (с 2005 г. Индия имеет статус наблюдателя в этой организации, а в настоящее время активно стремится стать ее членом) и СВМДА (Нью-Дели является одним из активных его участников).

В долгосрочной перспективе стратегия Индии, вероятнее всего, будет направлена на точечное и поэтапное закрепление в экономике центральноазиатских государств с акцен-

том на сотрудничество в нефтегазовом, энергетическом и горнодобывающем секторах. Определенная концентрация индийского капитала в экономике стран ЦА будет способствовать усилению влияния Нью-Дели на регион.

* * *

Из пестроты геополитической ситуации в регионе вытекают и множественность внешнеполитических ориентаций стран ЦА, и отсутствие четких правил начинающейся стратегической игры за влияние. Дальнейшее развитие ЦА будет зависеть от того, как соседние с ней державы и отдаленные геополитические игроки распорядятся своей возрастающей мощью (будут ли они действовать самостоятельно или в партнерстве с другими странами, какие сценарии будут продвигать и т.п.).

Россия, постепенно теряющая позиции в регионе, прекрасно понимает, что остатки советских элит постепенно «вымываются» с политической арены ЦА. Несмотря на усиливающееся негативное восприятие регионом своего «северного соседа», Москва стремится максимально вовлечь ЦАР в свою интеграционную сеть; однако с идеологической точки зрения ее интеграционные проекты уже не так интересны, и участие в них обуславливается, в основном, тактической прагматикой.

Особое внимание привлекает поднимающийся Китай; его активная деятельность в регионе оставила других «игроков» далеко позади.

Не совсем еще ясна центральноазиатская стратегия Индии; трудно предсказать, как ее нарастающая активность будет встречена Китаем и исламским «государством-мессией» Ираном, устремившимся в регион со своей идеологической и политической «продукцией».

Возрастает влияние в ЦА Пакистана, который, манипулируя военно-политической ситуацией в Афганистане, пытается повлиять на США, тем самым еще туже завязывая геополитический узел.

От характера и степени взаимодействия центральноазиатских государств и внерегиональных акторов будет зависеть будущее ЦАР; со временем регион может превратиться в объект жесткой международной конкуренции.

Сценарии развития ситуации в регионе

В обозримой перспективе (до 2015 г.) стабильное развитие ЦА будет зависеть от следующих факторов:

- 1) состояния экономики всего региона в контексте глобальной конъюнктуры;
- 2) консенсуса или антагонизма внешних геополитических сил;
- 3) политической ситуации в Кыргызстане и Таджикистане и возможной смены политических элит в Узбекистане и Таджикистане;
- 4) влияния ситуации в Афганистане;
- 5) вероятности каких-либо новых военных операций США против Ирана;
- 6) интенсивности вовлечения в центральноазиатские процессы новых региональных сил (Индии, Ирана и Турции).

В ближайшие пять лет векторы политического развития в странах ЦА могут смениться. Например, с приходом к власти нового руководства в Узбекистане и Таджикистане возможно относительное потепление, но отнюдь не прорыв во внутрирегиональных отношениях.

Развитие стран региона будет во многом зависеть от экономических проблем, а также вызовов политической стабильности, порождаемых ростом экстремизма.

С учетом обострения ситуации в регионе и растущей значимости его природно-ресурсного потенциала можно утверждать, что ЦА все больше превращается в арену геополитической игры, новые правила которой будут сформированы уже в обозримой перспективе.

Россия и США, в отношениях которых произошло определенное потепление, скорее всего, сохранят сложившуюся конъюнктуру и продолжат «мягко» конкурировать. Подобные взаимоотношения выгодны обоим государствам, так как России необходимы американские инвестиции и инновации, а США намерены сохранять свое военное присутствие в ЦА максимально долго.

Дальнейшую активность будет проявлять **Китай**, который продолжает наращивать экономическое присутствие в регионе; в более отдаленной перспективе это поможет Пекину усилить свое политическое влияние на ЦА.

Рост религиозного экстремизма и ухудшение ситуации в СУАР могут заставить Китай перейти от позиции «наблюдателя» к активному военному вмешательству в афганский конфликт в целях ослабления «Талибана».

Можно также ожидать активизации **Турции**, чьи позиции на международной арене усиливаются. Анкара стремится увеличить свое присутствие в регионе и возглавить формирование в Евразии тюркоязычного мира.

Главными приоритетами для Турции по-прежнему останутся сохранение сильных экономических позиций в регионе, активное участие в нефтегазовых маршрутах из ЦА (Транскаспийский газопровод и «Набукко»), а также развитие транзитно-транспортной инфраструктуры.

Что касается **Ирана**, то для него ЦАР имеет важное геополитическое значение: на территории региона расположены военные объекты США, способные стать плацдармом для военного удара.

В условиях изоляции со стороны Запада Иран будет наращивать свое экономическое присутствие в регионе; по мере расширения участия в региональных процессах Тегеран может попытаться оказать давление на некоторые страны региона (Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан).

В противовес усилению позиций Китая и усиливающемуся экспорту радикального исламизма из **Пакистана** будет возрастать активность **Индии**, которая уже пытается институционально закрепить свое присутствие в регионе, в том числе и военное (например, в Таджикистане). Вторым по значимости (после необходимости сдерживать Пакистан) фактором, обуславливающим активизацию этой страны в ЦА, является острый энергетический «голод» индийской экономики.

При долгосрочном анализе можно выделить четыре основные группы глобальных факторов, которые определяют ситуацию на центральноевразийском пространстве к 2030 году.

1. Смена экономических векторов развития и научно-технологический прорыв (смена энергетических приоритетов).
2. Радикальные изменения в соотношении размеров экономик и общей расстановке сил западных и незападных стран.
3. Демографический упадок старых индустриальных стран («глобального Севера») и резкий рост населения развивающихся государств («глобального Юга»).

4. Глобальная конкуренция новых и «старых» мировых держав и неопределенность мирового порядка.

К этому времени ЦА будет представлять собой региональное образование с неравномерным распределением политического, экономического, социального, демографического и культурного потенциала развития.

Исходя из макрорегионального соотношения геополитических сил во всем ареале Центральной Евразии возможно развитие следующих сценарных вариаций (см. схему на с. 40).

Сценарий «ЦА как распадающийся регион» предполагает постепенный распад, связанный с усилением цивилизационных различий, самоустранением от взаимодействия и тяготением разных фрагментов региона к разным ареалам развития (западному, российскому, китайскому, исламскому, тюркскому, индийскому).

Возможен и второй вариант развития событий: изоляция от региональной нестабильности ориентирующихся на самодостаточность Казахстана и Туркменистана и распад государственности в ряде стран (Таджикистан и Кыргызстан).

«Внешнее доминирование». В зависимости от геополитического расклада в макроэкономическом масштабе в регионе возможно построение различных моделей однополярного доминирования: «Синоцентричный мир», «Постимперский проект России», «Рах Америгана/Еурогиса» или «Исламский халифат». В рамках системы многополярного доминирования возможны еще 2 пути: один предполагает баланс в условиях консенсусного доминирования внешних игроков, другой — перманентное соперничество нескольких геополитических проектов (главными факторами будут выступать энергоресурсный и транзитный потенциал региона, а также необходимость контролировать очаг нестабильности в АфПаке).

Сценарий «ЦА как состоявшийся регион» возможен в двух вариантах:

1. Конструктивная смена политических элит, нивелирование межгосударственного антагонизма и рост взаимного культурно-экономического тяготения стран в силу осознания необходимости или безальтернативности устойчивого развития за счет кооперации.
2. Самостоятельное устойчивое экономическое развитие стран региона на разных скоростях при поддержке разнообразных внешних сил в условиях сбалансированного многополярного доминирования.

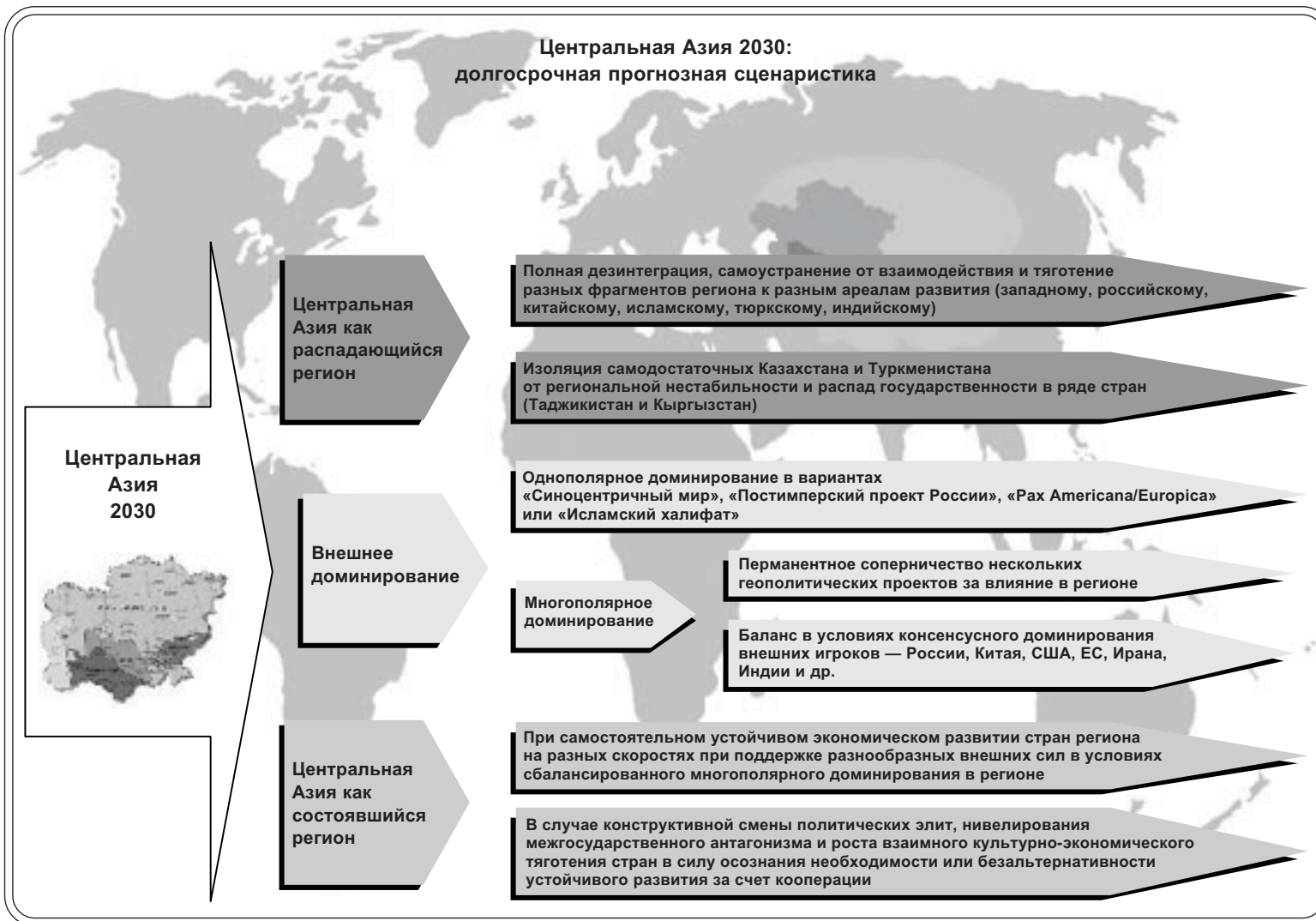
То, в какую сторону пойдет в своем развитии ЦА, зависит отнюдь не только от самих стран региона; на его позиционирование и стабильность влияет и глобальный расклад, и евразийские тренды, и ситуация в Азии.

Однако за годы самостоятельного развития не все страны осознали, что именно скоординированное совместное и неконфликтное движение в одном направлении (не обязательно в рамках интеграционного союза) позволит усилить ЦА и подготовить ее к будущим трансформациям.

* * *

С самого появления ЦА на карте мира стало модно рассматривать происходящие здесь процессы исключительно как деструктивные и предвещать падение входящих в него государств и взрыв всего региона как такового.

Конечно, регион нельзя назвать спокойным, так как время от времени здесь наблюдаются рецидивы классического набора угроз (политической нестабильности, террориз-

ма, религиозного экстремизма, наркотрафика, нелегальной миграции и др.). Однако за 20 лет развития государства ЦА, несмотря на существующие между ними антагонизмы, тем или иным образом сумели найти методы совместной борьбы с этими угрозами.

Вопреки сложившемуся мнению о крайне нестабильной и взрывоопасной ситуации в ЦА страны региона благодаря действующим механизмам безопасности ни разу не вступали в прямой военный конфликт друг с другом.

В настоящее время ЦА переживает переходный период; существует реальная возможность нарушения сложившегося баланса сил, и в этих условиях необходимо налаживать региональный диалог, развивать институты сотрудничества и создавать позитивные сценарии совместного будущего.

Не стоит ждать того момента, когда Азия станет осью глобальных геополитических перемен; существующая обстановка пока еще позволяет странам ЦА найти пути движения к устойчивому развитию.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОБСТАНОВКИ В МИРЕ И В ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Георгий ДУБОВЦЕВ

*кандидат военных наук,
доцент, полковник запаса, президент
АО «Центр военно-стратегических исследований»
(Алматы, Казахстан)*

Ерлан ГАЛЫМЖАНУЛЫ

*магистр международных отношений, научный сотрудник
АО «Центр военно-стратегических исследований»
(Алматы, Казахстан)*

Введение

В первом десятилетии XXI века под влиянием процессов глобализации система международных отношений серьезно разбалансировалась.

Глобализация затронула многие жизненно важные интересы отдельных государств и всего мирового сообщества в целом. Еще больше обострились такие слож-

нейшие проблемы, как сохранение мира, укрепление всеобъемлющей безопасности, ограничение вооружений, разоружение, охрана окружающей среды, демографическая политика, рациональное использование природных ресурсов, развитие энергетики, освоение космического пространства, преодоление отсталости и бедности, противодействие распространению наркотиков и борьба с международным терроризмом. Фрагментируются или разрушаются различные национальные, политические, экономические, социальные и другие структуры.

Чтобы преодолеть такие негативные последствия фрагментации, как этнический сепаратизм, конфессиональные и этнические столкновения, консолидация этнических групп в экономике, коррупция, социальные противоречия и пр., необходимо вмешательство государства, однако его функции и роль сегодня неуклонно сужаются.

Современные глобальные игроки — не только отдельные страны, но и транснациональные корпорации (ТНК), региональные объединения и союзы — применяют новые методы и стратегии; экономический захват рынков сбыта, быстрое перемещение финансовых капиталов, миграция высококвалифицированных людских ресурсов, использование информационной

борьбы и т.п. превращаются из средства решения чисто экономических задач в важные рычаги воздействия на национальную безопасность отдельных стран.

Изменились и концепции ведения войны: усиливается роль стратегий, предусматривающих террористические операции, массовое распространение наркотиков, применение особых видов вооружения и др.

В результате значительно трансформировалась структура международной системы безопасности, что породило новые вызовы и угрозы.

Усиливается геополитическое противостояние между западным и исламским миром, проявляющееся в незатухающем конфликте на Ближнем Востоке и стремлении Запада максимально снизить зависимость от нефти, добываемой в этом регионе. Большинство мусульманских государств сопротивляется западному доминированию и навязыванию «чужих» ценностей; эта борьба зачастую принимает гипертрафированные формы.

Формируется полицентричная модель, в которой центры военной силы не обязательно совпадают с центрами экономической силы и культурного влияния: подобная структура предполагает установление многоуровневой и многомерной системы международных отношений.

1. Современная военно-политическая обстановка в мире

За последнее десятилетие количество военных конфликтов отнюдь не уменьшилось; в ряде регионов по-прежнему растет число локальных войн и вооруженных столкновений.

На военно-политическую обстановку в мире в среднесрочной и долгосрочной перспективе будут существенно влиять такие факторы, как стратегическое соперничество за доступ к энергетическим ресурсам, терроризм, распространение новейших технологий производства оружия массового поражения (ОМП), киберпреступность и др.

С прекращением биполярной конфронтации появились новые возможности для конструктивного сотрудничества государств на региональном и глобальном уровнях;

активное участие ООН и других международных организаций в налаживании подобных взаимоотношений позволяет свести к минимуму угрозу возникновения глобального вооруженного конфликта.

В то же время ведущие страны мира не только не сокращают размеры своих arsenалов, явно превышающих уровень необходимой обороны, но постоянно совершенствуют их, разрабатывая новейшие виды стратегических наступательных вооружений¹.

Глобализация экономики и информатизация международных отношений, с одной стороны, создают беспрецедентные возможности для развития, а с другой — делают мировую систему безопасности все в большей степени уязвимой для терроризма, ОМП и информационного оружия.

Кроме того, все более вероятной становится перспектива обострения и увеличения числа внутригосударственных конфликтов; это в первую очередь касается ряда стран Ближнего и Среднего Востока, Африки, Балканского полуострова, а также некоторых регионов постсоветского пространства (Ферганской долины и Кавказа).

Значительное влияние на военно-политическую ситуацию в Европейском регионе оказывают вызовы безопасности у границ России: постоянное присутствие здесь мощной военной группировки НАТО (в рамках политики расширения НАТО на восток) и американской системы противоракетной обороны (ПРО).

В настоящее время формируется переход от однополярной модели к «многоуровневой высокоподвижной международной и межгосударственной системе»; новые глобальные проблемы требуют новых многосторонних механизмов и соответствующих институтов. Так, государственный секретарь США Х. Клинтон заявила, что «необходимо превратить многополярный мир в многопартнерский мир», в котором Америка переходит от стратегии «единственной сверхдержавы» к обеспечению своего лидерства в полицентрической системе международных отношений². Однако подобных механизмов и институтов пока не существует, и в мире нарастает дестабилизация и хаотизация, вакуум управляемости и безопасности³.

По оценкам экспертов, в ближайшие 10—15 лет развернется острая борьба за доступ к энергоресурсам, которая серьезно повлияет на военно-политическую ситуацию в мире: государства, опасаясь утраты контроля над своими природными богатствами, будут вынуждены наращивать оборонный потенциал, что неминуемо приведет к усилению гонки вооружений.

Более того, очевидный прогресс в области создания современного вооружения (увеличение радиуса действия новых крылатых ракет, усовершенствование авиационных и морских систем доставки зарядов, возросшая разрушительная сила конвенциональных боеприпасов, а также увеличившаяся вероятность их внезапного применения) обеспечивает безопасность в первую очередь тем, кто успел его достичь. Это провоцирует упреждающее применение военной силы.

Кроме того, возрастает угроза появления так называемых дестабилизирующих вооружений — ядерных зарядов малой мощности и стратегических ракет с неядерными боеголовками.

Ряд стран стремятся к выводу оружия (включая и ядерное) в космос и в дальнейшем могут стать инициаторами космических операций; они же могут стать источником сетевых атак и информационных войн.

¹ См.: *Кортунов С.В.* Мировая военно-политическая ситуация. Год 2025 // *Международная жизнь*, 2010, № 4.

² См.: *Рогов С.М.* Американское лидерство в многополярном мире. Основы «Стратегии национальной безопасности» администрации Обамы // *Независимое военное обозрение*, 2010, № 21 (618). С. 6.

³ См.: *Кортунов С.В.* Указ. соч.

Негативной тенденцией планетарного уровня является также стремление США навязать мировому сообществу однополярную модель мироустройства, предусматривающую использование военной силы в одностороннем порядке, и реформировать в своих интересах деятельность таких важнейших международных институтов, как ООН, ОБСЕ и АСЕАН⁴.

Фактически США уже выработали свою стратегию, предусматривающую достижение внешнеполитических целей вне зависимости от воли других государств; в Белом доме полагают, что решающим фактором обеспечения мирового лидерства является военнотехническое превосходство.

Следует отметить, что роль США в системе современных международных отношений определяется их мощным военным потенциалом, задействованным во всех ключевых регионах мира, хорошо отлаженной системой союзов и партнерств, охватывающей большинство влиятельных государств, а также высоким уровнем развития экономики.

В военно-стратегической сфере отрыв США от остальных государств наиболее ощутим: военный бюджет страны составляет около 40% всех мировых расходов на оборону. Согласно оценкам экспертов, по уровню технического оснащения войск и новым видам вооружений США опережают все остальные страны мира как минимум на 15—20 лет.

Кроме того, США контролируют главные морские маршруты и имеют более 700 военных баз по всему миру. Реализуемые военные программы приведут к тому, что военная мощь США в течение ближайших 8—10 лет вырастет еще больше.

Однако, несмотря на силовое преобладание США, американская армия не справляется с задачами противодействия партизанской войне и международным террористическим сетям; об этом свидетельствует опыт проведения операций в Ираке и Афганистане.

По мнению американских экспертов, в среднесрочной перспективе США будут оставаться ключевым государством, но их глобальное воздействие на международные дела и процессы будет неизбежно снижаться; приоритетное значение приобретет их влияние на экономическую, технологическую, военную и дипломатическую сферы.

К аналогичному мнению приходят и российские ученые, которые утверждают, что влияние США в ближайшие годы будет слабеть и в будущем стране грозит «постиракский синдром». Однако к концу 2017 года США намереваются приступить к частичному восстановлению своих международных позиций, хотя уже и не смогут претендовать на роль «единственной сверхдержавы»⁵.

Как утверждают российские эксперты, политика США в отношении России направлена главным образом на то, чтобы не допустить ее возрождения в качестве сильной державы, способной стать «центром притяжения» для новых постсоветских государств. Следует отметить, что с точки зрения военно-стратегической мощи в обозримой перспективе Россия не сможет стать равноправным партнером США (не считая сферы ядерных вооружений).

По мнению российских экспертов, различные планы внешнеполитического, военнополитического, экономического, информационного и другого характера, разрабатываемые США, представляют собой угрозу национальным интересам РФ.

Однако, несмотря на периодически возникающие проблемы и противоречия в отношениях с Западом, России удастся налаживать сотрудничество с НАТО, США и ЕС по ключевым вопросам безопасности, так как страны мира заинтересованы в совместном устранении глобальных вызовов и угроз.

⁴ См.: *Владимиров А.И.* Стратегия государства в военно-политической сфере. Электронный ресурс [http://www.kadet.ru/lichno/vlad_v/Strategiya_Gos.htm].

⁵ *Караганов С.А. и др.* Мир вокруг России: 2017. Контуры недалекого будущего. М.: Совет по внешней и оборонной политике, 2007. С. 7.

В целом Россия выработала стратегию своих взаимоотношений с Западом; в ближайшем будущем она намерена развивать партнерство в области безопасности с США, НАТО и ЕС. Кроме того, предполагается налаживание и укрепление связей со странами СНГ и такими «азиатскими гигантами», как Китай и Индия (в том числе и в рамках ШОС).

2. Военно-политическая обстановка в Азии

Нестабильность военно-политической обстановки в Азии в перспективе способна негативно отразиться на развитии ситуации в мире.

Азиатский регион активно участвует в формировании новой системы глобальных отношений; этот процесс связан с реконфигурацией и перераспределением стратегических сил и соответствующим изменением геополитической и геоэкономической картины мира. На развитие мировой экономики все большее влияние оказывают Китай, Индия и страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР); кроме того, формируются новые международные организации, союзы и альянсы.

Под влиянием технологических достижений и разработки новых концепций применения военной силы, а также пересмотра и переоценки роли Азиатского региона происходят серьезные изменения в геостратегии. С возрастанием роли «китайского фактора» углубляются прежние противоречия в мире и возникают новые; нарастание конкурентной борьбы может вызвать увеличение военно-силовой составляющей.

Китай, укрепляя свой авторитет на мировой арене и, в особенности, в АТР и Центрально-Азиатском регионе (ЦАР), стремится ограничить деятельность отдельных стран (России, США и Индии) в зоне своих стратегических интересов. В то же время, как отмечают многие эксперты, для успешной реализации своих амбициозных планов Китай будет стремиться к развитию двусторонних связей с этими государствами.

Согласно стратегическому курсу Пекина, к середине XXI века Китай должен превратиться в мощную сверхдержаву, способную оказывать решающее влияние на развитие военно-политической обстановки в мире, и в первую очередь в АТР и ЦАР. В связи с этим основные усилия КНР сосредоточены на обеспечении поступательного развития экономики при одновременном укреплении существующего политического режима, а также на создании благоприятных внешних условий для осуществления планов модернизации страны (в том числе и Вооруженных сил).

В докладе «Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир», подготовленном Национальным разведывательным советом США, отмечается: «в течение следующих 15—20 лет немногие страны повлияют на мир сильнее, чем Китай. Если текущие тенденции сохранятся, к 2025 году Китай будет обладать второй по величине экономикой и станет ведущей военной державой... Интересы США в сфере безопасности и экономики могут столкнуться с новыми вызовами, если Китай станет равным соперником, который в военном отношении будет так же силен, как динамичен в экономике и ненасытен в потреблении энергоресурсов»⁶.

Китай придает особое значение развитию военно-технического сотрудничества с Россией, так как заинтересован в получении современных военных технологий при ми-

---

⁶ Доклад Национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир».

нимальных финансовых затратах; при этом акцент делается на перспективные виды вооружений, в производстве которых КНР пока еще значительно отстает.

По мнению ряда китайских экспертов, сегодня интересы КНР в сфере безопасности включают три важных аспекта: безопасность границ, решение проблемы сепаратистских движений Восточного Туркестана и Тибета, а также геополитический фактор. Причем первоочередной задачей для Китая является решение проблемы Восточного Туркестана и Тибета и лишь потом — вопросов геополитической безопасности⁷. При этом Пекин открыто заявляет, что в рамках борьбы с движением «Восточный Туркестан» особенно важную роль для КНР играет Казахстан⁸.

Серьезную угрозу военно-политической стабильности Азии составляет продолжающийся внутривосточный кризис в Ираке, где ведущие политические силы и лидеры не в состоянии прийти к согласию; неурегулированность ситуации на фоне начавшегося вывода американских войск сковывает внешнеполитическую деятельность руководства страны.

По мнению ряда экспертов, «политическим вакуумом», образовавшимся в стране, могут воспользоваться вооруженная оппозиция, террористы и криминальные элементы; ситуация еще больше осложняется массовыми протестными выступлениями обнищавшего населения в различных городах Ирака.

Кроме того, пребывание в стране иностранных вооруженных сил активизирует деятельность исламских радикалов, которые рассматривают территорию Ирака как «поле битвы» с Западом.

Что касается Ирана, то его доктринальные установки не содержат конфронтационной и агрессивной направленности, а США и Израиль рассматриваются здесь в качестве политико-идеологических, но не военных противников. По мнению некоторых экспертов, Иран, проявляя интерес к странам постсоветского пространства (в частности, к странам Южного Кавказа и ЦАР), пытается предотвратить трансформацию этого региона в военно-политический плацдарм США и их союзников, который может быть использован для ослабления внутривосточной системы страны⁹. Однако США рассматривают ядерную программу Ирана и его гегемонистские устремления как основную угрозу военной безопасности региона (в том числе, и стран ЦАР), что делает вполне реальной возможность возникновения военного конфликта.

2.1. Военно-политическая обстановка в Афганистане

На военно-политическую обстановку в Азии существенно влияет и нестабильность в Афганистане. Несмотря на наращивание масштабов военных операций Международных сил содействия безопасности (ИСАФ) на юге и юго-востоке страны, наблюдается высокая диверсионно-террористическая активность талибов в крупных городах и на коммуникациях. Кроме того, наблюдается ухудшение обстановки по стране в целом; власть центрального правительства распространяется лишь на столицу и некоторые провинции Афганистана.

---

⁷ См.: Чжао Хуашен. Китайско-казахстанские отношения: настоящее и будущее // *Analytic*, 2010, № 1. С. 28.

⁸ См.: Там же. С. 35—36.

⁹ См.: Эйвазов Д. Постсоветское пространство сквозь призму интересов безопасности Ирана // *Сардар*, 2010, № 1 (6). С. 86.

В последние годы активность талибов значительно усилилась; если в 2007 году их присутствие отмечалось на 54% территории страны, а в декабре 2009 года — на 72%, то в настоящее время, по сведениям военных наблюдателей, движением охвачены практически все провинции Афганистана.

В 2007—2010 годах талибами был захвачен ряд уездных центров на юге страны, и эти территории все еще находятся под их контролем; здесь созданы альтернативные органы власти, контролируется движение по местным дорогам, собираются налоги, регулируется торговля, строго соблюдаются нормы нравственности и вершится шариатское правосудие. Несмотря на постоянное присутствие в Афганистане интернациональных вооруженных сил, влияние талибов все более усиливается, особенно в зоне боевых действий¹⁰. Все это свидетельствует, что антитеррористические операции международной коалиции не достигли успеха.

Следует отметить, что международные коалиционные силы в Афганистане представлены военнослужащими из 46 стран (все страны — члены НАТО, а также Монголия, Грузия, Украина и ряд других стран, не входящих в состав альянса); с 2003 года их численность возросла с 5 до почти 100 тыс. чел.; однако в большинстве регионов страны они действуют разрозненно и оказываются весьма уязвимы.

Основная часть ИСАФ выполняет задачи по обеспечению безопасности в афганских провинциях, восстановлению социально-экономической инфраструктуры, а также содействию эффективной работе местных органов власти; в боевых действиях на юге и юго-востоке страны участвуют лишь войска США, Великобритании, Нидерландов, Канады и Австралии¹¹.

Десятилетняя антитеррористическая операция в Афганистане не принесла каких-либо ощутимых результатов в стабилизации ситуации в стране; талибы отвергают все попытки властей вовлечь их в мирный диалог, заявляя, что национальное примирение возможно лишь при условии вывода иностранных войск с афганской территории.

Следует также отметить, что проводимая США и их союзниками военная операция не сделала безопаснее жизнь ни в соседних с Афганистаном странах, ни в западном мире; в Европе была раскрыта сеть исламских экстремистов, готовивших серию резонансных террористических актов в Берлине, Лондоне и Париже.

Следы террористических организаций все чаще ведут в соседний с Афганистаном Пакистан, который, оставаясь союзником США, превратился в убежище для экстремистов. Это относится, в частности, к Северному Вазиристану — так называемой «территории племен» на границе с Афганистаном. Предполагается, что именно в этом регионе базируются лидеры «Талибана», а по некоторым данным, и глава «Аль-Каиды» Усама бен Ладен, которого, несмотря на все усилия западных спецслужб, так и не удалось обнаружить.

Как отмечают эксперты, движение «Талибан» невозможно победить, отстреливая рядовых бойцов: ряды воинов ислама постоянно пополняются, так как за три десятилетия военных действий вооруженное насилие стало своего рода «рабочей» специальностью и источником заработка. Кроме того, укрываясь на территории Пакистана, руководство талибов остается в относительной безопасности; именно сюда и поступают финансовые и материальные средства от многочисленных «спонсоров».

Авиаудары беспилотников по Вазиристану хотя и наносят определенный урон силам боевиков, но, с другой стороны, осложняют ситуацию в самом Пакистане, приводя к росту экстремистских настроений.

¹⁰ См.: *Евсеев В.В.* Афганская проблема: взгляд из Москвы // Независимое военное обозрение, 2010, № 10. С. 12.

¹¹ См.: Там же. С. 12—13.

Положение усугубляется активным вмешательством во внутренние дела Афганистана соседних государств (прежде всего, Пакистана, Индии и Ирана), каждое из которых преследует свои цели.

Перманентный региональный кризис усиливает противостояние США и НАТО с мусульманским миром: талибы считают своими врагами все страны, которые в той или иной форме помогают международной коалиции.

На сегодняшний день говорить о перспективах быстрой стабилизации военно-политической обстановки в Афганистане не приходится. Совершенно очевидно, что стабилизировать ситуацию в Афганистане силовыми методами невозможно: ни афганская администрация, ни силы международной коалиции не в состоянии уничтожить базы подготовки боевиков, которые функционируют на территории страны. Для этого необходимо резкое наращивание количества и качества военных сил и средств. А политическое решение невозможно из-за глубоких идеологических расхождений между ними.

Руководство США надеялось, что Пакистан окажет эффективную помощь в стабилизации ситуации в Афганистане; для этого Исламабаду были выделены миллиарды долларов. При этом пакистанские спецслужбы продолжали тайно поддерживать афганских боевиков.

В Пакистане прекрасно понимают, что талибы представляют собой серьезную угрозу стране, однако отказ от поддержки афганских боевиков несовместим с самими основами существования пакистанского государства, в котором весьма сильны позиции радикальных ветвей ислама.

Определенную роль в поддержке, оказываемой Пакистаном талибам, играет также «индийский фактор»: Исламабад с большой тревогой следит за тем, как Дели выстраивает тесные отношения с режимом Х. Карзая, боясь получить в лице «карзаевского» Афганистана индийского союзника в своем стратегическом тылу.

Кроме того, среди офицеров среднего и высшего звена пакистанской армии много пуштунов, которые под влиянием сильных внутриклановых связей испытывают лояльность к пуштунам Афганистана.

На сегодняшний день ведущие позиции в политической жизни Пакистана занимают военные и спецслужбы, а гражданское правительство пока еще не способно вести эффективную борьбу с силами, поддерживающими исламских экстремистов; подобная ситуация представляет собой серьезную угрозу безопасности ЦАР.

2.2. Военно-политическая обстановка в ЦАР

Таким образом, ситуация на Среднем и Ближнем Востоке оказывает деструктивное влияние на страны Центральной Азии (ЦА). Кроме того, на ЦАР окажет значительное негативное влияние нелегитимная (неконституционная) смена власти в Кыргызстане. Правда, в краткосрочной и среднесрочной перспективе прямая военная угроза представляется маловероятной: на передний план выступают проблемы, связанные с терроризмом, активностью экстремистских группировок религиозного толка, сепаратизмом, наркотрафиком из Афганистана и т.п.

Многие проблемы ЦАР негативно отражаются на соседних странах. В частности, регион зачастую оказывается источником и «спонсором» радикальных экстремистских движений и группировок, а его нестабильность отражается на мировой экономической конъюнктуре и ценах на углеводородное сырье.

Анализ военно-политической обстановки в ЦАР показывает, что определяющими тенденциями его развития являются:

- 1) общий рост конфликтного потенциала, обусловленный следующими факторами:
  - ухудшением военно-политической обстановки в Афганистане, связанным с активизацией религиозно-экстремистских сил;
  - постепенным усилением исламского экстремизма на фоне неблагоприятных тенденций в социально-экономической сфере;
  - негативным влиянием мирового финансового кризиса на экономическую жизнь государств региона;
  - обострением межгосударственных противоречий, в том числе в сфере пограничной политики, области распределения водно-энергетических ресурсов и т.д.;
  - наличием сохраняющихся внутренних противоречий и слабостью правящих элит в ряде стран региона;
- 2) геополитическая активизация основных мировых держав, которая выражается в борьбе за контроль над источниками энергоресурсов и маршрутами их транспортировки, в стремлении к размещению на территории ЦА своих военных баз, культивировании конъюнктурной внешней политики государств региона и т.п.;
- 3) проведение странами ЦА политики изоляционизма, обусловленное особенностями личных отношений их лидеров, а также исчерпанием экономических возможностей межгосударственной кооперации народнохозяйственных комплексов республик региона, созданных в советское время.

По нашему мнению, первоочередной мерой для стабилизации обстановки в ЦАР в краткосрочной перспективе может стать развитие традиционных отраслей экономики Кыргызстана и стран, к территории которых относится Ферганская долина.

В долгосрочной перспективе возможно строительство газо- и нефтепроводов, а также транспортных магистралей, ведущих в Китай и Индию.

Разработка и реализация подобных стратегических проектов будут способствовать увеличению занятости населения, решению социальных проблем, развитию инфраструктуры и станут стабилизирующим фактором.

З а к л ю ч е н и е

Таким образом, анализ военно-политической обстановки в мире показывает, что под влиянием глобализации архитектура международной системы безопасности кардинальным образом трансформируется.

При снижении угрозы крупномасштабной (мировой) войны прослеживается тенденция к повышению уровня региональной конфликтности и к нарастанию внутренних конфликтов в различных странах мира; усиливается опасность возникновения локальных войн и вооруженных конфликтов за спорные территории, вызванная этноконфессиональными противоречиями, восстановлением «исторической справедливости» и т.п.

В то же время изменилось само содержание современных военных конфликтов, **общими характерными чертами которых являются:**

- широкое использование непрямых, неконтактных форм и способов действий, дальнего огневого и электронного поражения;
- активное информационное противоборство, дезориентация общественного мнения в отдельных государствах и мирового сообщества в целом;
- стремление сторон к дезорганизации систем государственного и военного управления;
- применение новейших высокоэффективных систем вооружений и военной техники, в том числе основанных на новых физических принципах;
- маневренные действия войск на разобщенных направлениях с широким применением аэромобильных сил, десантов и сил специального назначения;
- участие в конфликтах иррегулярных формирований.

В настоящее время создаются принципиально новые средства ведения боевых действий на основе передовых технологий, прежде всего информационных, что, в свою очередь, неизбежно ведет к изменению характера, форм и способов ведения вооруженного противоборства. В силу этих обстоятельств снижение угрозы возникновения крупномасштабной войны не помогло избежать зарождения и развития новых конфликтных ситуаций, в том числе, и на территории ЦАР.

Так, обострение обстановки в районе афгано-таджикской и афгано-узбекской границы может спровоцировать дестабилизационные процессы в Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане, что крайне негативно повлияет на военную безопасность региона в целом.

Прогнозируя сценарии развития мировой военно-политической обстановки, необходимо учитывать, что глобализация международных отношений серьезно влияет на геэкономические интересы государств региона; на первый план выдвигается проблема учета фактора неопределенности.

Этот фактор расширяет сферу приложения военной силы и сохраняет ее высокую востребованность в качестве эффективного и действенного средства блокирования новых вызовов и угроз — международного терроризма, торговли наркотиками, организованной преступности, пиратства, неконтролируемой миграции и т.п.

Таким образом, можно сделать вывод, что каков бы ни был мировой порядок, фактор военной силы будет оставаться неотъемлемой составляющей (а зачастую и определяющей) международных отношений.

Одной из возможных причин развязывания военных конфликтов различного масштаба в ближайшие 10—15 лет может быть борьба за доступ к энергетическим и другим природным ресурсам на фоне ухудшающейся экологической ситуации.

Соперничество между существующими и возникающими центрами силы в политической, экономической и военной сферах, существование потенциальных очагов напряженности, внутригосударственные вооруженные конфликты, а также наличие у ряда стран мощных вооруженных сил, в том числе и ядерных, будут по-прежнему представлять собой серьезную угрозу для региональной и международной безопасности.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СТРАТЕГИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОАЛИЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

Шаислам АКМАЛОВ

*кандидат политических наук, доцент,
проректор Ташкентского исламского университета
(Ташкент, Узбекистан)*

Введение

Урегулирование ситуации в Афганистане по-прежнему остается одной из острейших проблем современной мировой политики. Сегодня все очевидней становится необходимость невоенных методов умиротворения Афганистана, так как миссия коалиционных войск не принесла желаемых результатов. Каждый новый день войны еще более усугубляет бедственное положение народа Афганистана и осложняет решение самой проблемы¹.

Несмотря на огромные усилия международного сообщества и коалиционных сил, ситуация в стране ухудшается: террористическая деятельность боевиков активизируется, наблюдается дальнейшая радикализация и эскалация противостояния.

Кроме того, на военно-политическую обстановку в Афганистане негативно влияет углубляющаяся нестабильность в соседнем Пакистане; в Кабуле продолжается паралич власти, так как правительство Карзая погрязло в коррупции и некомпетентности².

¹ Из выступления Президента Республики Узбекистан И. Каримова на пленарном заседании саммита ООН «Цели развития тысячелетия». Нью-Йорк, 20 сентября 2010.

² См.: *Дейли Джс.* Прагматичная оценка геополитической и стратегической ситуации в Афганистане // Народное слово, 10 ноября 2009, № 218 (4850). С. 1—2.

Несмотря на девятилетнее пребывание коалиционных сил в Афганистане, ситуация в стране остается крайне нестабильной. Особую обеспокоенность вызывает активизация деструктивных сил на севере страны (особенно в Балхе, Кундузе), а также в провинциях, которые до недавнего времени считались наиболее «безопасными» частями страны. При этом тактика талибов существенным образом изменилась; в последнее время ее неотъемлемой частью стало использование «живых бомб», то есть террористов-смертников.

Десятки международных конференций и встреч, посвященных урегулированию афганской проблемы, не дали реальных результатов, не был выработан какой-либо конкретный план действий. Таким образом, можно говорить о некоем «свыкании» с существующей ситуацией.

В последнее время резко возросло число жертв среди гражданского населения; по данным ООН, только в первой половине 2010 года было убито 1 200 и ранено около 2 000 афганцев, что на 30% превышает аналогичные показатели 2009 года³.

³ Из выступления министра иностранных дел Узбекистана В.И. Норова на международном «круглом столе» «Состояние и перспективы обеспечения безопасности в Афганистане», 15 октября 2010 года, г. Ташкент.

Кроме того, растет недовольство западной общественности значительными потерями среди контингента международ-

ной коалиции: на начало октября 2010 года количество погибших составило свыше 2 100 чел.

Особенности стратегии и тактики международной коалиции в Афганистане

В настоящее время в международных научно-исследовательских и экспертно-аналитических кругах сторонники и противники нынешней стратегии и тактики международной коалиции спорят о перспективах дальнейших военных операций НАТО в Афганистане. Главный предмет споров — вопрос о возможности или невозможности решить проблему военным путем и о выводе войск коалиции, то есть передаче ответственности за безопасность в стране в руки самих афганцев.

В этой связи приоритетное значение придается проектам по формированию в Кабуле и регионах центров для подготовки военных подразделений Афганской национальной армии (АНА) и Афганской национальной полиции (АНП). Согласно расчетам политиков, в 2013 году численность АНА увеличится до 240 тыс., а АНП — до 210 тыс. чел. (в 2010 г. эти показатели составили соответственно 140 и 106 тыс.). Чтобы укомплектовать создаваемые центры инструкторами и другим соответствующим персоналом, НАТО необходимо привлекать гораздо больше специалистов из стран-партнеров.

Следует также отметить, что у политиков и генералитета нет четкого видения того, как можно будет держать под контролем столь многочисленную армию, оснащенную и обученную по современным стандартам, и какое влияние может оказать ее появление в Афганистане на ситуацию в Центральной Азии (ЦА), особенно в долгосрочной перспективе. Кроме того, нет никаких гарантий, что через некоторое время руководство АНА и АНП не окажется в руках Усамы бен Ладена или муллы Омара.

Натовские офицеры отмечают, что без многочисленной армии невозможен контроль над страной, так как ее территория имеет сложный ландшафт, а развитие инфраструктуры находится в зачаточной стадии; кроме того, соседние с Афганистаном государства (Индия, Пакистан и Иран) имеют значительные вооруженные силы.

Оценивая стратегию и тактику международной коалиции в Афганистане, следует также подчеркнуть, что, несмотря на существующие возможности, театр военных действий контролируется ею не в полной мере.

Так, не применяется классический метод борьбы с боевиками, при котором стремятся в первую очередь перерезать пути их тылового снабжения; без регулярных поставок боеприпасов и оружия ни «Талибан», ни «Аль-Каида», ни какая-либо другая террористическая организация не смогли бы вести активную боевую деятельность. В этой связи возникает вполне закономерный вопрос, почему многочисленный воинский контингент, агенты различных спецслужб, космические и электронные системы наблюдения, самолеты АВАКС и прочие средства, используемые в Афганистане (а также вокруг него), не смогли выявить и перекрыть каналы поставок оружия боевикам.

Следует также особо отметить ошибки, допущенные командованием международных сил в ведении информационной войны. Представляется ошибочным публично обозначать стратегические цели и задачи планируемых операций, а также обнародовать конкретные сроки вывода войск из Афганистана, так как это позволяет противнику

рассчитать свои силы, необходимые для того, чтобы продержаться до вывода коалиционных сил.

Все понимают, что информация о крупных операциях и сроках вывода войск предназначалась для американских и европейских избирателей, которым политические лидеры Запада обещали скорую победу в войне; очевидно, что командование сил международной коалиции руководствуется прежде всего политическими соображениями.

Представители НАТО опровергают распространенное мнение, что повышение интенсивности боевых действий в Афганистане напрямую связано с неудачными операциями альянса. Так, Генеральный секретарь НАТО А.Ф. Расмуссен, выступая 15 октября 2010 года на конференции в Институте международных отношений в Париже, заявил, что рост интенсивности столкновений является стратегическим ходом, посредством которого альянс стремится усилить давление на талибов. «Давление на талибов поможет перемирию», — сказал он⁴. Однако очевидно, что во многих случаях интенсивность боевых столкновений нарастает по инициативе «Талибана».

При этом позиции политических лидеров международной коалиции в оценке афганской ситуации не совпадают с позицией военных руководителей. Политики считают целесообразным сокращение контингента, а военные, напротив, подчеркивают необходимость привлечь дополнительные силы. Кроме того, у политиков и офицеров НАТО нет единого мнения о последствиях афганской кампании и о дальнейшей деятельности Североатлантического блока.

Многие эксперты считают, что в афганской войне наступает «переломный момент»; если альянс потерпит крах, то он «утрачивает доверие партнеров, уважение противников, в нем усилятся процессы внутренней фрагментации, которые могут привести к серьезному расколу».

Однако представляется более реальным, что война не повлияет на судьбу НАТО. Независимо от ее исхода альянс будет и дальше расширять глобальное партнерство; афганский опыт позволит укрепить его боеспособность, отработать новые тактики и испытать новейшие военно-технические средства.

Война в Афганистане уже позволила НАТО наладить практическое военное сотрудничество со многими странами, не входящими в альянс: в состав Международных сил содействия безопасности входят представители 47 стран, из которых лишь 28 являются участниками организации.

Кроме того, НАТО углубляет военное партнерство со странами Содружества Независимых Государств (СНГ) и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ); под командованием альянса в Афганистане служат азербайджанские (90 чел.), армянские (40 чел.), грузинские (925 чел.) и украинские (15 чел.) военные.

Операция в Афганистане позволяет НАТО развивать партнерство со странами Азии и арабо-мусульманского мира; в составе сил международной коалиции действуют военные подразделения Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи, Сингапура, Малайзии, ОАЭ, Иордании и др.

Военные действия в Афганистане предоставили НАТО возможность осуществить долговременную комплексную боевую подготовку и отработать координацию действий подразделений стран-участниц; «боевое крещение» получили и новые члены альянса (например, Албания и страны Балтии).

---

⁴ Выступление Генерального секретаря НАТО А.Ф. Расмуссена на конференции в Институте международных отношений в Париже 15 октября 2010 года (см.: *Алисова Е.* Глава НАТО: Мы идем на риск, сокращая оборонные бюджеты [<http://www.russian.rfi.fr/v-mire/20101016-glava-nato-my-idem-na-risk-sokrashchaya-oboronnye-byudzhetu>]).

В Афганистан ввела свои войска и Германия; впервые с тех пор, как нацистский режим потерпел поражение во Второй мировой войне (1945 г.), она задействовала свою армию в наземных боевых действиях.

Американцы используют афганскую кампанию для создания новых военных баз как в Афганистане, так и в странах Восточной Европы и СНГ: в 2005 году они были размещены в Кыргызстане, Румынии и Болгарии. Кроме того, в 2009 году авиабаза «Папа» в Венгрии была использована США для создания первой в мире международной структуры стратегических воздушных перевозок.

Таким образом, война в Афганистане позволила значительно повысить возможности коалиционных войск по координации совместных масштабных операций, существенно повысив эффективность НАТО. Североатлантический блок взял на себя роль международных экспедиционных сил для вооруженного вмешательства и продолжает расширять круг своих задач.

Борьба с наркоугрозой: расхождение взглядов и стратегий

Анализируя современную ситуацию в Афганистане, нельзя не коснуться такой серьезной проблемы, как отсутствие эффективной стратегии борьбы с деятельностью международных наркокартелей. Не секрет, что на сегодняшний день Афганистан является, по сути, источником международной наркоугрозы. В последние годы РФ активно призывает Запад к усилению борьбы с афганским наркотрафиком⁵, однако из-за принципиальных различий в оценке угроз сотрудничество в этой сфере находится на низком уровне. Лишь в 2009 году стороны создали совместную рабочую группу; с того времени Москва передала США информацию о 175 нарколабораториях, существующих на территории Афганистана, и о 34 наркоторговцах, тогда как Вашингтон направил сведения только по некоторым эпизодам⁶.

С 2001 года производство опиума в Афганистане выросло в десятки раз; страна поставляет на мировой рынок 93—94% производимого в мире героина (например, в 2009 г. было вывезено 6,9 тыс. т).

Ежегодно из Афганистана вывозится 900 т опиума и 375 т героина; их основными потребителями являются Европа, РФ и, особенно, Иран (более 80%). За последние 10 лет число людей, погибших от наркотиков, составило более 1 млн; ежегодно уходят из жизни до 100 тыс. чел. из них 30 тыс. — в России.

В США считают, что уничтожение посевов опиумного мака (по мнению специалистов, слишком затратное) может дестабилизировать ситуацию в Афганистане, поэтому борьба с наркобизнесом должна заключаться в основном в пресечении наркопотоков и аресте наркобаронов. Россия же настаивает, что уничтожение опиумных плантаций эффективнее, нежели обнаружение уже попавшего на рынок наркотического товара.

В России ссылаются на «колумбийский опыт» США, когда методом воздушной дефолиации было уничтожено почти 75% всех посевов коки, причем затрачено на это было

---

⁵ В России наркомания считается «катастрофой национального масштаба». Число зарегистрированных наркозависимых россиян превышает 2,5 млн чел; доза героина стоит около 2,5 долл. (это дешевле бутылки водки). В 2009 году в России к различным срокам заключения были приговорены 120 тыс. наркоторговцев (для сравнения, в КНР — 60 тыс.).

⁶ См.: *Искандеров С.* Афганский опиум — наркобизнес или геополитика? 29 июня 2010 [<http://www.1newsaz.com/authors/51/20100629032735857.html>].

Таблица

**Доля Афганистана
в мировом производстве опиума**

Годы	Производство опиума в Афганистане (метр. т.)	Мировое производство опиума (метр. т.)	Доля наркотиков афганского происхождения в мировом производстве (в процентах)
1998	2 693	4 346	62%
1999	4 565	5 764	79%
2000	3 276	4 691	70%
2001	185	1 596	12%
2002	3 400	4 491	76%
2003	3 600	4 765	76%
2004	4 200	4 850	87%
2005	4 100	4 620	89%
2006	6 100	6 610	92%
2007	8 200	8 847	93%
2008	7 700	8 298	93%
2009	7 800	8 100	94%

Источник: «Afghanistan — Opium Survey 2010». United Nations Office on Drug and Crime, November 2010.

всего 50 млн долл. Американские же эксперты утверждают, что уничтожение наркотических плантаций в Колумбии не только не привело к ожидаемым результатам, но и увеличило экспорт наркотиков.

По российским оценкам, в Афганистане (особенно в провинции Гильменд, где производится 60% наркотиков), опиумный мак выращивают не мелкие фермеры, а крупные бизнесмены, нанимающие при сборе урожая крестьян; в связи с этим предлагается создать кадастр земель и ликвидировать плантации наркотиков.

В США же считают, что уничтожение посевов опиума лишит афганских крестьян источника средств к существованию и многие из них вынуждены будут вступить в ряды талибов; таким образом, сложная ситуация, существующая в стране, может еще ухудшиться.

9—10 июня 2010 года в Москве прошел Международный форум «Афганское наркопроизводство — вызов мировому сообществу», на котором были оглашены данные о том, что наркотики производятся в 12 из 34 провинций Афганистана.

По данным американских экспертов, выращиванием опиумного мака занимаются около 3,5 млн афганских крестьян.

В первом квартале 2010 года силы НАТО провели в Афганистане 56 антинаркотических операций, уничтожив 16,3 т опиума, 195 кг морфия, 1,2 т героина, 9,8 т гашиша и 10,1 т химических прекурсоров. США предприняли и дополнительные стимулирующие меры, чтобы побудить афганских крестьян перейти к выращиванию альтернативных сельхозкультур; для этой цели к ежегодным дотациям афганскому сельскому хозяйству (около 500 млн долл.) было добавлено еще 100 млн долл.

В целях ликвидации афганской наркоиндустрии в России был разработан план «Радуга-2», который предусматривает уничтожение силами НАТО 25% посевов опиумного мака при параллельном развитии энергетики и создании более чем 2,5 млн рабочих мест. Кроме того, Россия заявляет о своей готовности оказать помощь Афганистану в восстановлении 140 объектов, в том числе электростанции «Наглу» и тоннеля «Саланг».

По данным Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков, «Россия в этом году подготовит за свой счет свыше 300 афганских наркополицейских» (в предыдущие годы эта цифра составляла 30—50 чел.); планируется также активизация сотрудничества по линии ОДКБ⁷.

Для США и НАТО главной задачей является борьба с терроризмом, а не с афганскими наркотиками, которые практически не попадают на американский рынок. Что касается России, то наркомания превратилась для нее в угрозу национального масштаба. Таким образом, между Россией и США сохраняются кардинальные различия в целях, задачах и стратегии борьбы с афганским наркотрафиком.

Попытки РФ добиться от США уничтожения посевов мака вряд ли увенчаются успехом: в настоящее время существует множество других нерешенных проблем, связанных с обеспечением безопасности в Афганистане. Видимо, России для успешной борьбы с наркотрафиком необходимо, помимо активной профилактики наркомании на своей территории, более тесное взаимодействие со странами — соседями Афганистана, направленное на эффективную охрану границ.

Фактор регионального экономического сотрудничества в свете экономических отношений между Афганистаном и Пакистаном

Очевидно, что для стабилизации обстановки в Афганистане принципиальное значение имеет ситуация в Пакистане и дальнейшее развитие взаимоотношений, в первую очередь торгово-экономических, между этими странами; именно на это направлены сегодня усилия международного сообщества.

Между тем сохраняющиеся между Кабулом и Исламабадом противоречия по вопросам региональной политики не позволяют им в полном объеме реализовать существующие

---

⁷ Из выступления Президента Российской Федерации Д.А. Медведева на международном форуме «Афганское наркопроизводство — вызов мировому сообществу». Москва, 9 июня 2010 [<http://www.kremlin.ru/news/7996>] (см. также: Россия предложила мировому сообществу кардинальные меры против афганской наркоугрозы // Российская газета — Федеральный выпуск № 5204 (125) от 10 июня 2010 [<http://www.rg.ru/2010/06/10/narko.html>]; *Вайц Р.* Афганистан: Россия призывает к расширению взаимодействия ОДКБ и НАТО в деле борьбы с наркотиками, 18 ноябрь 2010 [<http://russian.eurasianet.org/node/58443>]; Выступление председателя ГАК, директора ФСКН России Виктора Иванова 24 марта 2010 года в Брюсселе на расширенном заседании Совета «Россия — НАТО» на уровне послов [<http://www.antidrugfront.ru/publications/02198.html>]).

возможности для сотрудничества. Но и при этом Пакистан является ключевым торговым партнером Афганистана: в 2009 году двусторонний товарооборот составил 1,4 млрд долл.

Пакистанский экспорт составляют продукты питания, стройматериалы, транспортные средства, текстиль, сельскохозяйственная, фармацевтическая и химическая продукция; афганский — полезные ископаемые (уголь, цветные и черные металлы) и сельхозпродукция.

18 июля 2010 года при участии американцев между Афганистаном и Пакистаном было подписано двустороннее соглашение о транзитной торговле через территорию обеих стран. Чтобы ускорить подписание, Вашингтон предоставил пакет финансовой помощи; кроме того, была обнародована пятилетняя программа помощи Исламабаду в размере 7,5 млрд долл., а страны-доноры пообещали значительно увеличить прямую финансовую помощь правительству Афганистана.

Соглашение предусматривает открытие сквозных транзитных маршрутов через территории обоих государств для перевозки в третьи страны афганских и пакистанских товаров; по оценкам специалистов, это позволит к 2015 году увеличить объемы двусторонней торговли до 5 млрд долл.

Афганистан получит право экспортировать товары через пакистанские порты в Аравийском море в третьи страны и сможет осуществлять наземный транзит своих грузов в Индию (по 15 маршрутам).

Пакистан же будет иметь возможность широкого транзита товаров через афганскую территорию в государства ЦА и СНГ; подобная перспектива чрезвычайно важна для страны, экспорт которой в Европу и США ограничен ввиду существования различных тарифных и нетарифных барьеров.

Однако эксперты весьма скептически оценивают «успехи» Вашингтона в укреплении афганско-пакистанского сотрудничества. Они считают, что процесс ратификации соглашения может затянуться на долгие годы.

Налаживанию торгово-экономического сотрудничества между Пакистаном и Афганистаном препятствует ряд нерешенных проблем.

- *Во-первых*, Исламабад старается не допустить расширения афганско-индийского экономического сотрудничества и роста влияния Дели на Кабул и категорически отказывается предоставить право на транзит через свою территорию индийских товаров в Афганистан. Таким образом, договор будет носить половинчатый характер; он предоставит Афганистану возможность экспортировать свои товары через территорию Пакистана в Индию, но та не сможет осуществлять обратный транзит своей продукции (в Афганистан через Пакистан). Это может привести к росту объемов контрабанды.
- *Во-вторых*, Афганистан не может активно развивать сотрудничество с Индией, так как его зависимость от Пакистана постоянно усиливается. Между тем Пакистан продолжает наращивать двусторонний товарооборот с Индией⁸.
- *В-третьих*, Кабул продолжает обвинять Исламабад в подрывной деятельности против Афганистана. Сохраняются взаимные претензии, касающиеся пограничного контроля и «попустительства» контрабанде.
- *В-четвертых*, блокада Ирана Соединенными Штатами препятствует налаживанию транзитной торговли между двумя странами (особенно в западном направлении).

---

⁸ См.: Замараева Н. Пакистан — Афганистан: провал торгового транзитного соглашения: что за этим стоит? [<http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/15-07-10b.htm>]; Галищева Н.В. Южноазиатский вектор внешнеэкономической политики Индии // Мировое и национальное хозяйство, 2010, № 1 (12).

Таким образом, в настоящее время наиболее перспективны с точки зрения развития транзитной торговли между Афганистаном и Пакистаном маршруты в направлении «север — юг», идущие от южных морей в сторону ЦА и обратно.

Одним из главных факторов, сдерживающих развитие регионального торгово-экономического сотрудничества, остаются политические разногласия между Пакистаном и Индией, а также США и Ираном. Пакистан всячески старается сохранить контроль над экономикой Афганистана; именно этим объясняется его жесткий отказ в предоставлении Индии права на осуществление транзитных перевозок в эту страну через свою территорию. А попытки США развить и укрепить афганско-пакистанские экономические отношения без привлечения других стран (прежде всего Индии и Ирана) остаются малоэффективными.

Известный российский специалист по афганской проблематике В. Коргун указывает на необходимость наращивания военного потенциала НАТО, концентрации больших усилий и средств в направлении социальной и экономической реконструкции Афганистана, подключении к решению проблем заинтересованных сторон и соседей этой страны⁹.

Вместо заключения

И мировые (Россия и США), и региональные игроки (Иран, Пакистан, Индия) отчетливо осознают, что достижение мира и стабильности в Афганистане является решающим фактором глобальной безопасности и, в частности, может открыть большие возможности для решения жизненно важных проблем устойчивого социально-экономического развития всех государств ЦА и ЮА.

Хочется верить, что все они понимают: главным препятствием в реализации поставленных целей является деятельность «Талибана» и поддерживающих его сил в некоторых странах региона (в основном в Пакистане).

Государствам, заинтересованным в нормализации социально-политической и экономической жизни в Афганистане, необходимо идти на определенные взаимные уступки, четко осознавая перспективы своего участия во всем комплексе предпринимаемых мер. В противном случае ситуация может еще ухудшиться, вызвав необратимые негативные трансформации в странах ЦА и ЮА, не говоря уже о самом Афганистане.

---

⁹ См.: Коргун В. США в Афганистане // Азия и Африка сегодня, 2008, № 6. С. 46.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

ИРАН И
БОРЬБА ЗА ВЛИЯНИЕ
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

Махир ХАЛИФА-ЗАДЕ

*кандидат политических наук,
сотрудник Центра исследований глобализации —
независимого научного и медиацентра со штаб-квартирой
в Монреале
(Монреаль, Канада)*

Введение

Известно, что на протяжении многих столетий Южный Кавказ имел большое стратегическое значение для великих держав, господствовавших на мировой арене в те или иные периоды истории. Победоносные походы на Кавказ римских войск под командованием полководцев Гнея Помпея в 66—65 годах до н.э. и Марка Антония в 36 году до н.э. знаменуют собой начало борьбы великих держав в этом регионе и убедительно свидетельствуют об их попытках обеспечить свои интересы в этой стратегически важной части мира. И позже, в 75 году н.э., римский император Домициан направил XII легион

«Фульмината» (XII Молниеносный), чтобы поддержать союзные царства — Иверское и Албанское (нынешние Грузию и Азербайджан соответственно). В Азербайджанской Республике у берегов Каспийского моря в Гобустане, в 60—70 км от Баку, найдена высеченная на камне надпись, где упоминается о присутствии там одного из центурионов XII Молниеносного легиона Луция Юлия Максима¹.

¹ [http://www.livius.org/le-lh/legio/xii_fulminata.html]; History of Azerbaijan. Embassy of the Republic of Azerbaijan to the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland [<http://www.azembassy.org.uk/sehife.php?lang=eng&page=0105>].

Стратегические характеристики региона

На протяжении веков за контроль над Южным Кавказом боролись такие великие державы, как Римская и Персидская империи²; Арабский халифат, Персидская империя и Византия³, Османская империя, Персия и Россия⁴. Со времен Великого шелкового пути Южный Кавказ, несомненно, играл важную роль как самый короткий сухопутный коридор, связывавший Китай с Европой. Регион также образует мост между Черным и Каспийским морями и служит воротами на Ближний Восток и в Центральную Азию. В свете этого можно говорить о стратегических аспектах географического положения Южного Кавказа и того места, которое он занимал в системе транспортных коммуникаций.

В эпоху индустриализации и зависимости мировой экономики от нефти и газа роль Южного Кавказа в мире приобрела еще один аспект — энергетический. Это связано с огромными запасами и масштабом добычи углеводородов в Азербайджане. В начале XX столетия на Азербайджан приходилось более половины добычи нефти в мире и 95% ее добычи в России (11 млн т в год)⁵. И сегодня Южный Кавказ, расположенный по соседству с богатым нефтью Персидским заливом, оказывается стратегически важен во многих отношениях для глобальных и региональных держав. Стратегическое значение региона было блестяще описано доктором Зб. Бжезинским, бывшим советником по национальной безопасности при президенте США Джимми Картере в известной книге «Великая Шахматная доска»⁶.

Ключевые внешнеполитические игроки на Южном Кавказе

Современная политика на Южном Кавказе весьма сложна и представляет собой арену острого соперничества глобальных, региональных и локальных игроков. К числу глобальных игроков принадлежат Соединенные Штаты, исламский мир, Россия и европейские страны; к региональным относятся Турция и Иран, а независимые страны Южного Кавказа: Азербайджан, Грузия и Армения — образуют круг локальных игроков. Кроме того, политику в этой части мира формируют несколько действующих здесь мощных международных организаций, таких как ОБСЕ, СНГ, ЕС, НАТО, Организация «Исламская конференция» и ряд других, а также религиозные и гуманитарные организации. Свои интересы в сложной и запутанной сети, воедино связывающей на Кавказе нефть и политику, имеют и влиятельные многонациональные нефтяные корпорации и

² См.: *Stecchini L. C.* History of Iran. The Persian Wars. Iran Chamber Society [http://www.iranchamber.com/history/articles/persian_wars3.php].

³ См.: *Van der Leeuw Ch.* Azerbaijan: A Quest for Identity: A Short History. Palgrave Macmillan, July 2000. P. 48 [<http://us.macmillan.com/azerbaijan-1>].

⁴ См.: Azerbaijan: Seven Years of Conflict in Nagorno-Karabakh. Human Rights Watch/Helsinki (Organization: U.S.), 1994. P. xiii [<http://www.paperbackswap.com/Azerbaijan-Seven-Years-Conflict-Nagorno/book/1564321428/>]; *Marshall T.* Caspian Sea: Oil in a Tinderbox // *Kansas City Star*, 8 March, 1998. P. K-6.

⁵ См.: *Mir Yusif Mir-Babayev.* Baku Barons Day, Foreign Investments in Azerbaijan's Oil // *Azerbaijan International*, Summer 2004. P. 82—85 [http://azer.com/aiweb/categories/magazine/ai122_folder/122_articles/122_foreign_investment.html].

⁶ *Бжезинский Зб.* Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1998.

компании: BP (Великобритания), «Амосо» (США), UNOCAL (США), «McDermott International» (США) и другие.

Таким образом, в XXI столетии Южный Кавказ, как и весь Большой Кавказский регион, остается сложной и неассимилируемой территорией для России и сохраняет свою стратегическую важность для глобальной политики и международной (в т.ч. энергетической) безопасности.

Иран, как уже упоминалось, является на Южном Кавказе одним из ключевых игроков. И, как и на всем протяжении истории, Иран (Персия) по-прежнему остается одной из держав, отстаивающих в соперничестве с конкурентами свои интересы и цели в этом регионе. Так что у современного Ирана есть обширный и глубокий исторический опыт ведения своей собственной стратегической игры в этой части мира.

Главные факторы внешней политики Ирана

Необходимо подчеркнуть, что на протяжении всей своей истории Иран (Персия) умел проводить разумную, точную, сбалансированную и прагматичную внешнюю политику. Этот успешный подход и обеспечил Ирану длительное существование на карте мира и превратил его в мощное современное государство. Кроме того, Иран демонстрировал способность проводить эффективную внешнюю политику и политику безопасности, соответствовавшую стратегической обстановке самых разных исторических эпох. Многовековой опыт Персии в реализации внешней политики и умение проводить в жизнь свою политическую линию свидетельствуют о наличии у Ирана весьма основательных источников, формирующих внешнюю политику страны.

Что касается современной Исламской Республики Иран, то эксперты из «РЭНД корпорэйшн» (исследовательский центр со штаб-квартирой в Калифорнии) отмечают ряд факторов, лежащих в основе внешней политики Ирана и его политики безопасности⁷. По мнению ученых, с момента провозглашения Исламской Республики двумя мощными факторами, определяющими внешнюю политику страны, были и остаются революционный ислам и персидский национализм. Однако на протяжении 20 лет, прошедших со времени исламской революции, роль революционного, или идеологического, элемента неуклонно снижалась. Происходило это под влиянием неудач в попытках распространить иранские революционные идеи в других частях исламского мира, особенно в Центральной Азии и на Южном Кавказе. И те же революционные идеи, как отмечают специалисты «РЭНД корпорэйшн», втянули Иран в конфронтацию со сверхдержавами и стали причиной изоляции страны на мировой арене. Из-за всего этого, как считают многие ученые, влияние революционных идей на внешнюю политику страны уменьшилось и на роль главной движущей силы в ее отношениях с другими странами выдвинулись прагматические, экономические и геополитические факторы.

Следующей по важности движущей силой внешней политики Ирана аналитики «РЭНД корпорэйшн» считают этнический фактор и роль национально-религиозных общин. Эксперты подчеркивают, что тесные связи некоторых этнических меньшинств (азербайджанцев, курдов) с соседними государствами и с этническими общинами, живущими по другую сторону иранской границы, являются еще одним ключевым фактором в

⁷ См.: Iran's Security Policy in the Post-Revolutionary Era. Chapter Two: «Fundamental Sources of Iranian Foreign and Security Policies». Santa Monica: RAND Corporation, 2001 [http://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1320/MR1320.ch2.pdf].

иранской внешней политике. И мы полностью согласны с этим выводом. Важнейшее этническое меньшинство в Иране — азербайджанцы. Этнический состав населения страны на сегодняшний день выглядит следующим образом: персы составляют 51% населения, азербайджанцы — 24%, гилянцы и мазендеранцы — 8%, курды — 7%, арабы — 3%, луры — 2%, белуджи — 2%, туркмены — 2%, другие — 1%⁸. Некоторые этнические группы, такие как курды и азербайджанцы, сконцентрированы главным образом в пограничных областях и поддерживают связи с этническими группами или государствами по ту сторону границы. У азербайджанцев существуют тесные связи с независимой Азербайджанской Республикой на Южном Кавказе, а курды поддерживают контакты с курдскими общинами в Ираке и Турции. Кроме того, у иранских азербайджанцев есть опыт создания своего собственного независимого государства (Азербайджанская Демократическая Республика, возникшая в Южном Азербайджане в 1945—1946 годах при поддержке Советов)⁹. Наконец, для внешней политики и политики безопасности Ирана на Южном Кавказе и в Центральной Азии крайне важно наличие исторического опыта создания собственного независимого государства у его азербайджанского меньшинства и существование независимой Азербайджанской Республики и независимого Таджикистана (персоязычное государство в Центральной Азии).

Следующий фундаментальный фактор, определяющий внешнюю политику Ирана, — экономика. Со времени исламской революции 1979 года Иран сталкивался с серьезными проблемами, связанными с необходимостью модернизации его экономики и армии. Теперь обе эти проблемы оказались в числе самых важных в повестке дня Тегерана. Иран нуждается в иностранных инвестициях и для того, чтобы диверсифицировать свою экономику, и для того, чтобы обеспечить себе доступ к новым технологиям. Однако изоляция Ирана на мировой арене, вызванная напряженностью в американо-иранских отношениях, делает экономическую, военную и технологическую модернизацию страны очень трудной для правительства в Тегеране задачей.

При этом именно отношения с США оказывают преобладающее влияние на всю внешнюю политику Ирана и вызывают к жизни или направляют его действия на глобальном и региональном уровне. Более того, именно разрешение существующих проблем с Западом (прежде всего с Соединенными Штатами) является ключевой стратегической проблемой для иранской внешней политики. Таким образом, Иран, по нашему мнению, рассматривает свою внешнюю политику сквозь призму отношений с США, и к Южному Кавказу правительство Тегерана подходит с тех же позиций.

Ирано-российские отношения и политика Ирана в регионе

Южный Кавказ богат нефтью и газом, а его географическое положение в стратегически важной части мира открывает перед государствами этого региона блестящие возможности для достижения богатства и процветания. Однако Кавказ принадлежит к числу «наиболее небезопасных территорий в сегодняшнем мире, расположенных вдоль дуги, проходящей через Ближний Восток от Балкан до Центральной Азии»¹⁰. К сожалению

⁸ См.: CIA, The World Factbook [<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>].

⁹ См.: Priego A. The Southern Azerbaijan Question and Its Implications for Iranian National Identity // Azerbaijan in the World. Azerbaijan Diplomatic Academy, 1 April 2009, Vol. II, No. 7 [<http://ada.edu.az/biweekly/issues/vol2no7/20090406025632009.html>].

¹⁰ Stephens Ph. A Political Awakening that Recasts the Global Landscape // The Financial Express, 21 July 2007 [<http://www.thefinancialexpress-bd.com>].

нию, Южный Кавказ — это арена изнурительной борьбы между глобальными и региональными державами за геополитическое влияние и за контроль над энергоресурсами Каспия и маршрутами транспортировки энергоносителей. И Иран глубоко втянут в это соперничество.

Известно, что на протяжении последних трех столетий главная угроза для безопасности и территориальной целостности Исламской Республики Иран исходила с севера — со стороны имперской России, а позже — Советского Союза. К счастью для Ирана, после распада СССР государства Южного Кавказа — Азербайджан, Грузия и Армения — стали независимыми и теперь образуют «буферную зону» между Ираном и Россией¹¹. Иран ясно понимает, что из-за имперских амбиций России и ностальгии Москвы по золотым дням Красной империи эта буферная зона жизненно важна для его национальной безопасности. Поэтому он энергично поддерживает независимость всех государств. С другой стороны, существование стран Южного Кавказа порождает новые возможности и вызовы для внешней политики Ирана и его политики безопасности.

Думается, что стратегия Тегерана по отношению к Южному Кавказу вытекает из специфической позиции Ирана на мировой арене, особенно из его конфронтационных отношений с Западом (с США). Отношения с США — это стержень всей стратегии Тегерана во внешней политике и политике безопасности и главный побудительный мотив всех действий Тегерана на глобальной и региональной арене, включая Южный Кавказ. Некоторые эксперты даже полагают, что американо-иранская конфронтация в значительной степени захватывает и Южный Кавказ¹².

Известно, что Иран стремится ограничить давление со стороны Запада и устранить саму возможность такого давления, насколько это в его силах. В полном соответствии с этой стратегией Тегеран активно взаимодействует с Россией. Несмотря на крах советской империи, сегодняшняя Россия по-прежнему видит себя конкурентом США на мировой арене¹³. Россия — постоянный член Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Тегеран учитывает это обстоятельство и рассматривает Москву как главный источник поддержки. Сотрудничество между Ираном и Россией чрезвычайно насыщено: наука, технология, вооруженные силы, ядерная энергия и другие проблемы, а товарооборот измеряется миллиардами долларов.

При этом стратегическое сотрудничество с Ираном выгодно и для России. Иран — огромный рынок для экспорта российских вооружений и ядерных технологий. С 2005 года Россия имеет статус наблюдателя при Организации «Исламская конференция». Влияние Исламской Республики Иран в исламском мире — эффективный инструмент для формирования и поддержания в мусульманских странах образа России как дружественного государства. Кроме того, сотрудничая с Ираном и ОИК, Россия пытается свести к минимуму исламское давление и в самой России, и на Кавказе, и в Центральной Азии. С другой стороны, как глобальный конкурент США, Россия в полном соответствии со старой советской стратегией стремится бросить вызов глобальным позициям Америки, особенно ее позициям в исламском мире.

Россия очень чувствительна к «наступлению» США и НАТО в «ближнем зарубежье» Кремля, особенно на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Она стремится ослабить влияние Запада и снизить его присутствие в этой части мира, а также обеспечить сохране-

¹¹ Ramezanzadeh A. Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis. В кн.: *Contested Borders in the Caucasus* / Ed. by B. Coppeters. Brussels, 1998 [http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/eng/ch0701.htm].

¹² См.: Markedonov S. The Caucasus Approaches of Iran: Main Priorities and Challenges // Research Institute for European and American Studies (RIES), 1 June 2009 [www.rietas.gr].

¹³ См.: Kapila S. Russia: The Inevitability of a New Cold War with the United States // South Asia Analysis Group, 26 August 2008 [http://www.southasiaanalysis.org/%5Cpapers29%5Cpaper2822.html].

ние контроля Москвы над энергоресурсами Каспийского моря и маршрутами транспортировки энергоносителей.

Важно подчеркнуть, что стратегические цели Ирана на Южном Кавказе не противостоят стремлениям Москвы и южнокавказская стратегия Ирана направлена на поддержку преобладания России в этой части мира. Тегерану выгодно действовать в этом регионе под зонтиком и в тени России¹⁴. И Россия и Иран укрепляют свои позиции в борьбе за влияние с Соединенными Штатами, объявившими Каспийский бассейн зоной, жизненно важной для национальных интересов Америки¹⁵. Европейский союз также постепенно усиливает свои позиции. Иными словами, Запад активно реализует набор стратегических программ вроде «Стратегии Шелкового пути», «Партнерства ради мира», «Восточного партнерства» и других, ориентированных на проекцию западного влияния на Южный Кавказ и Центральную Азию. Эти программы необходимы, чтобы расширить присутствие Запада в регионе и полностью реконструировать местный постсоветский порядок, а также уменьшить российское влияние и контроль. Соответственно, России приходится реагировать на эти усилия и противостоять вызовам, грозящим ослабить ее традиционное господство на Кавказе и в Центральной Азии. Наконец, России нужен стратегический партнер, и Иран с этой точки зрения очень ценен.

Здесь нельзя не отметить, что враждебность Ирана к Соединенным Штатам и Израилю подталкивает Тегеран к сближению с Москвой. Более того, Россия стремится насколько возможно затянуть разрешение проблем между Ираном и США. Таким образом она отвлекает стратегическое внимание Вашингтона от своего ближнего зарубежья и создает вашингтонским руководителям серьезную «головную боль». Само собой разумеется, что, поскольку Россия считает себя соперником Соединенных Штатов в борьбе за глобальное доминирование, архитекторы российской внешнеполитической стратегии рассчитывают, что американо-иранская напряженность, а также проблемы Америки в Ираке, в отношениях с Северной Кореей и Афганская война ослабят глобальное доминирование и превосходство США. Наконец, сохранение враждебности в отношениях между Америкой и Ираном обеспечивает зависимость Ирана от Москвы и гарантирует Кремлю миллиардные потоки тегеранских долларов, так необходимых ему для модернизации архаичной российской экономики.

С нашей точки зрения, эволюция иранской внешней политики на южнокавказском направлении свидетельствует, что Тегеран оставил в стороне идеологические соображения ислама или шиизма и принял по отношению к Южному Кавказу прагматический (связанный с поддержкой политики России) и региональный (направленный на развитие двусторонних отношений) подход и сегодня стремится усилить свою роль в экономике и в политике безопасности региона. Некоторые иранские ученые полагают, что «регионализм» мог бы оказаться весьма выгодным подходом для иранской внешней политики. Они утверждают, что региональный подход поможет обеспечить национальные интересы Ирана на региональном и международном уровне и даст ему дополнительные возможности в его отношениях с великими и региональными державами¹⁶. Можно не сомневаться, что развитие двусторонних отношений с государствами Южного Кавказа могло бы значительно повысить возможности Ирана на международной арене.

¹⁴ См.: *Javedanfar M.* Iran Foreign Policy Analysis — Iran's Alliance with Russia, 4 May 2005 [<http://www.meepas.com/russiairanpaanalysis.htm>].

¹⁵ См.: *Engdahl F.W.* The U.S. "s Geopolitical Nightmare // *Asia Times*, 9 May 2006 [<http://www.atimes.com/atimes/China/HE09Ad01.html>]; *Kaliyeva D.* The Geopolitical Situation in the Caspian Region // UNISCI DISCUSSION PAPERS. Research Unit on International Security and Cooperation [<http://revistas.ucm.es/cps/16962206/articulos/UNIS0404130011A.PDF>].

¹⁶ См.: *Barzegar K.* Regionalism in Iran's Foreign Policy // *Iran Review*, 8 February 2010 [www.iranreview.org/content/view/5334/37/].

В свете этого Иран считает Южный Кавказ потенциальной и многообещающей платформой для взаимодействия с Западом. И это ключевой стратегический аспект всей внешней политики Ирана на Южном Кавказе. Иран стремится участвовать в больших международных проектах по добыче и транспортировке каспийских энергоресурсов, проводимых с западным участием. Однако Соединенные Штаты решительно выступают против любого участия Ирана, как выступали против заключения Азербайджаном Конtrakта века с иранским участием. Из-за ядерных амбиций Ирана Соединенные Штаты исключают возможность любого сотрудничества с Тегераном и с подозрением относятся ко всем его действиями.

Однако Иран налаживает экономическое сотрудничество со странами региона и полагает, что двусторонние отношения будут ценным инструментом для усиления его политического влияния и укрепления стратегических позиций. Пример такой стратегии — сотрудничество между Ираном и Арменией с благословения России. Несомненно, армяно-иранское сотрудничество имеет ключевое значение для всего Южного Кавказа и с точки зрения Ирана представляет собой эффективное средство, позволяющее сдерживать рост влияния Турции, противостоять турецко-азербайджанскому стратегическому альянсу¹⁷ и растущей экономической и военной мощи Азербайджана.

Очевидно, что улучшение турецко-армянских отношений ослабило бы роль оси Тегеран — Москва и уменьшило ее значение в регионе. Кроме того, прекращение враждебности в турецко-армянских отношениях резко уменьшит или вовсе подорвет преобладание России на Южном Кавказе. Так что турецко-армянское примирение не отвечает в первую очередь российским и во вторую — иранским стратегическим интересам. И действительно, этот процесс уже зашел в тупик¹⁸. Кроме того, Иран старается ограничить возможности Турции как важного члена НАТО и близкого союзника Америки в Большом Ближневосточном регионе¹⁹, в котором у Ирана есть свои собственные стратегические интересы и политические цели²⁰.

У Ирана есть и обширный исторический опыт и историческое наследие, позволяющие ему успешно вести политику на Южном Кавказе. Однако при всем том возможности Тегерана весьма ограничены. Из-за напряженных отношений Тегерана с США Иран для стран Южного Кавказа не так привлекателен, как Турция. Это — первый ключевой фактор. В отличие от Армении, и Азербайджан, и Грузия видят в Западе (в США) главную защиту своей независимости и противовес преобладающей силе России. Во-вторых, возможности политического сотрудничества сильно ограничиваются исламским характером режима Тегерана; и, в-третьих, Россия остается главным источником поддержания раздоров. Долгосрочным интересам России не соответствует ликвидация или какое-то заметное смягчение напряженности в отношениях между Ираном и США.

Наконец, стратегический внешнеполитический подход Ирана к Южному Кавказу в большей мере прагматический, нежели идеологический. Он основан на этнической принадлежности и этнической близости и ориентируется на предотвращение любых существенных изменений, способных усилить позицию Соединенных Штатов, Европейского

---

¹⁷ См.: *Masimoglu V.* Turkey-Azerbaijan Strategic Alliance Treaty and Russia-Armenia Military Agreement: Status-quo in the Southern Caucasus Remains Unchanged //Analytics, APA News Agency, 20 August 2010 [<http://en.apa.az/news.php?id=128191>].

¹⁸ См.: *Grigorian A.* Russian Hegemony and the Nagorno-Karabakh Conflict Resolution: A Quandary or an Impasse? // Caucasus Edition Journal, 1 October 2010 [www.caucasusedition.net].

¹⁹ См.: *Örmeci O.* Caspian Weekly: Turkey's Role in the Organization of Islamic Conference // JDP Government and the Greater Middle East Project, 29 May 2010, Council on Foreign Relations [http://www.cfr.org/publication/22373/caspian_weekly.html].

²⁰ См.: *Barzegar K.* Op. cit.

союза или НАТО; на поддержку российского преобладания и на обеспечение баланса сил между государствами региона.

Политическая динамика региона и стратегические приоритеты Ирана

После распада Советского Союза можно указать две важные вехи, знаменовавшие собой перемены всего хода геополитической игры на Южном Кавказе. Первая — Контракт века, подписанный Азербайджаном в 1995 году; вторая — российско-грузинская война, вспыхнувшая в августе 2008-го. По нашему мнению, второй сдвиг был прямым следствием первого: последствия этого события показывают, что российско-грузинская война была неизбежна.

Контракт века Азербайджана открыл двери для крупномасштабного проникновения Запада и для потока западных инвестиций не только в нефтяной и газовый секторы Азербайджана, но и в регион Южного Кавказа в целом. А с инвестициями пришло широкое и активное политическое участие Запада в кавказских делах. Соединенные Штаты, НАТО, Европейский союз и Турция начали постепенно укреплять здесь свои позиции, проводить в жизнь ряд стратегических программ вроде «Стратегии Шелкового пути», «Партнерства ради мира» и «Восточного партнерства», а также усиливать сознание тюркской идентичности. Основная задача этих программ и набора инициатив вроде «Каспийской стражи»²¹ — установить прозападный режим безопасности и обеспечить западные (американские) интересы и прямой контроль над энергоресурсами Каспия и маршрутами транспортировки энергоносителей.

Разумеется, в подобных инициативах Иран видит прямую угрозу своей безопасности. Кроме того, Иран (возможно, с одобрения России) первым попытался развернуть ситуацию и остановить продвижение Запада в регион, где Россия и Иран выступают как традиционные игроки, имеющие общие стратегические цели.

Иран реагировал совершенно недвусмысленно и агрессивно, как это было в 2001 году, когда иранский военный корабль заставил судно «Бритиш петролеум» вернуться в порт или когда иранские военные самолеты нарушили воздушные границы Азербайджана и вторглись в воздушное пространство страны²². Тогда только дипломатическое вмешательство Анкары и Вашингтона предотвратило начало полномасштабной войны²³. Эти события ясно показывают недовольство Тегерана и прозападной ориентацией Азербайджана и Грузии, и ростом влияния Соединенных Штатов в Каспийском бассейне в целом.

Следует упомянуть, что Россия в тот момент была занята ликвидацией беспорядков в Чечне. И, возможно, именно чеченские проблемы не дали тогда возможности Москве или оси Тегеран — Москва остановить или по меньшей мере замедлить наступление Запада.

В последовавшие годы Запад в конце концов сумел значительно расширить свое присутствие на Южном Кавказе. Более того, и Грузия — ясно и недвусмысленно, и

²¹ См.: *Goncharov P.* U.S. in Caspian Region and Russia's Position // RIA Novosti, 4 May 2005 [<http://en.rian.ru/analysis/20050504/39817504.html?id>].

²² См.: *Ismailova G.* Azerbaijani Presidential Visit to Iran Again Postponed // Central Asia-Caucasus Institute, Analyst [<http://www.cacianalyst.org/?q=node/448>].

²³ См.: *Ismailzade F.* The Geopolitics of the Nagorno-Karabakh Conflict // Center for World Dialogue, Global Dialogue, Summer/Autumn 2005, Vol. 7, No. 3—4 — The Volatile Caucasus [<http://www.worlddialogue.org/content.php?id=354>].

Азербайджан — неявным образом — стали строить и проводить в жизнь планы по присоединению к НАТО. Для государств региона это было время надежды на решение их проблем безопасности.

Таким образом, на протяжении нескольких лет после подписания Контракта века Россия была вынуждена постепенно отступать из Южного Кавказа и Центральной Азии. И Москва чрезвычайно остро реагировала на приход в эти регионы стран Запада и Азии. Как подчеркивают некоторые эксперты, «один из тактических приемов России в борьбе с таким развитием событий — замедлить наступление Запада...»²⁴ И, по моему мнению, российско-грузинская война вполне могла быть следствием этой стратегии. Стратегические цели Москвы были ясны: прекратить отступление России, вернуть себе стратегическую инициативу и обеспечить российские интересы. К сожалению, просчеты грузинского президента Саакашвили предоставили Москве возможность изменить в свою пользу баланс сил и усилить свои позиции в том, что касается безопасности в регионе.

И, наконец, результатом российско-грузинской войны была еще одна серьезная перемена и формирование нынешнего нового режима безопасности в регионе. Война позволила России существенно усилить свои позиции и влияние. Россия также продемонстрировала глобальным и региональным державам, что Южный Кавказ (как и СНГ в целом) — это ближнее зарубежье России и Москве здесь принадлежит исключительное право на применение силы и на урегулирование сложных ситуаций в соответствии с интересами России. Война дала России блестящую возможность вернуть себе стратегическую инициативу и навязать свое стратегическое господство на окружающих ее территориях. А вопрос о продвижении Грузии и Украины к членству в НАТО оказался снят с повестки дня. Некоторые ученые прямо утверждают: «Западные акторы практически были вынуждены признать военное преобладание России в регионе и действовать лишь там, где это одобряет Россия, и в установленных ею пределах»²⁵.

Логическим развитием нынешних стратегических возможностей России было последовавшее два года спустя продление действия договора об аренде военной базы в Армении до 2044 года²⁶. Это был очередной важный шаг России в реализации преимуществ, полученных от войны с Грузией, и в усилении таким образом своих позиций в регионе.

Иран, резко выступающий против любого западного военного присутствия в регионе, не сделал никаких заявлений против продления Россией аренды военной базы. Так что молчание Тегерана означает одобрение им подобного развития событий.

Тем временем Россия стремится усилить свою роль в урегулировании нагорно-карабахского конфликта²⁷. Очевидно, что Россия хотела бы иметь дивиденды от преимуществ, полученных в результате российско-грузинской войны, и пытается установить свой собственный режим безопасности. В целом можно утверждать, что маятник качнулся в сторону оси Тегеран — Москва.

Однако последние визиты американского министра обороны Роберта Гейтса и государственного секретаря Хилари Клинтон на Южный Кавказ подтверждают, что Соединенные Штаты

---

²⁴ De Haas M. Current Geostrategy in the Southern Caucasus // Eurasianet.org, 6 January, 2007 [http://www.eurasianet.org/departments/insight/articles/pp010707.shtml].

²⁵ Strachota K., cooperation: Górecki W. The Southern Caucasus and Central Asia after the Russian-Georgian War — The Geopolitical Consequences // Center for Eastern Studies, Poland, 24 September 2008 [www.osw.waw.pl].

²⁶ См.: Russia Extends Lease on Military Base in Armenia through 2044 // RIA Novosti, 20 August 2010 [http://en.rian.ru/military_news/20100820/160276128.html].

²⁷ См.: Leaders of Azerbaijan, Armenia Discuss Nagorno-Karabakh Settlement in Russia // RT-Russia Today TV Channel, 27 October 2010 [http://rt.com/Politics/2010-10-27/azerbaijan-armenia-russia-karabakh.html].

по-прежнему не отказываются от участия в непрекращающемся жестком соперничестве в этой стратегически важной части мира²⁸.

Несомненно, если позиции России будут достаточно сильны, ни США ни НАТО не получат возможности развернуть военные базы вблизи границ Ирана. Посему сохранение российского преобладания здесь стратегически важно для иранской внешней политики и политики безопасности и выгодно как для Москвы, так и для Тегерана, у которых на Южном Кавказе одни и те же стратегические приоритеты:

- борьба с американским влиянием и стремление к его ослаблению;
- противодействие достижению краткосрочных и долгосрочных целей США, НАТО, и ЕС;
- сдерживание влияния ЕС и противостояние его стратегическим инициативам;
- противодействие развертыванию военных баз США или НАТО;
- воспрепятствование сотрудничеству Израиля с Грузией и Азербайджаном;
- остановка продвижения Грузии и Азербайджана к членству в НАТО/ЕС;
- принятие таких мер безопасности, которые отвечали бы стратегическим интересам Ирана (и России);
- обеспечение контроля над каспийскими энергоресурсами и маршрутами их транспортировки;
- сдерживание роста влияния Турции и турецко-азербайджанского альянса;
- содействие сохранению враждебности в отношениях между Турцией и Арменией;
- противодействие долгосрочному стратегическому сотрудничеству в треугольнике Турция — Грузия — Азербайджан;
- поддержание стратегического равновесия между Азербайджаном и Арменией, не позволяющее Азербайджану превратиться в региональную державу;
- сохранение за Россией ведущей роли на Кавказе и на Каспии и тем самым поддержание статус-кво.

В конечном счете, сохранять статус-кво и поддерживать преобладание России вполне соответствует интересам Ирана. В этом случае он сумеет обеспечить реализацию своей основной стратегической цели: ограничить рост или снизить влияние США и тем самым помешать попыткам Америки перекроить политический ландшафт региона и обеспечить там доминирование Вашингтона.

Двусторонние отношения Ирана со странами Южного Кавказа

Следует подчеркнуть, что приоритетом для иранской внешней политики в отношении сопредельных стран является выстраивание двусторонних отношений с государства-

---

²⁸ См.: Clinton's Caucasus Campaign Gains Tepid Results // Eurasianet.org, 5 July 2010 [http://www.eurasianet.org/node/61464]; Nichol J. Armenia, Azerbaijan, and Georgia: Political Developments and Implications for U.S. Interests // Congressional Research Service (CRS), 16 September 2010 [http://www.fas.org/sgp/crs/row/RL33453.pdf].

ми Южного Кавказа. Сотрудничество с Азербайджаном, Грузией и Арменией — мощный инструмент усиления влияния Ирана. Оно оказывает определенное политическое воздействие и на ситуацию местных и глобальных акторов. Так, укрепление двусторонних отношений могло бы частично компенсировать вызванную характером режима Тегерана ограниченность его возможностей участвовать в современных масштабных международных проектах на Южном Кавказе и в Каспийском бассейне. Кроме того, Иран считает двусторонние отношения эффективным средством поддерживать стратегическое равновесие между Азербайджаном, Грузией и Арменией.

На протяжении предшествовавшего десятилетия Азербайджан имел возможность наращивать политическую, экономическую и военную мощь, и сегодня «баланс сил в регионе сместился в пользу Азербайджана»²⁹. Кое-кто из европейских исследователей даже утверждает, что Азербайджан нужно считать ключевой страной в регионе, и призывает перенести центр тяжести в политике ЕС с Грузии на Азербайджан³⁰.

Несомненно, Иран отдает себе отчет в стратегической важности Азербайджана и старается, чтобы двери для диалога с Баку все время были открыты. Тегеран серьезно наращивает контакты на высшем уровне, и иранский президент Махмуд Ахмадинежад нанес в Баку несколько официальных визитов для обсуждения различных вопросов региональной повестки дня.

Иран очень обеспокоен растущей мощью Азербайджана и его долгосрочным сотрудничеством с США/ЕС и с Израилем. Как утверждают некоторые эксперты, Иран предпочитает, чтобы Азербайджан по-прежнему оставался втянутым в конфликт с Арменией. В этом случае, по мнению аналитиков, Азербайджан будет «непривлекателен для иранских азербайджанцев и неспособен выделять ресурсы на организацию возмущений в Южном Азербайджане»³¹. Иран выступает в поддержку территориальной целостности Азербайджана, но оказывает масштабную экономическую помощь Армении. Интересно, что, как шиитское государство, Иран проводит по отношению к Азербайджанской Республике, где 87% населения составляют мусульмане-шииты, так называемую «двухколейную» политику. Возможно, Тегеран считает подобную политику эффективным средством, с помощью которого можно притормозить превращение Азербайджанской Республики в новую региональную державу. Кроме того, иранское политическое руководство полагает, что втянутость Азербайджана в конфликт с Арменией помогает сдерживать Турцию и турецко-азербайджанский стратегический альянс, чья сфера действия охватывает энергетику, транспорт, экономическую, политическую и военную области.

В то же время важным элементом в политических расчетах Тегерана остается сохранение враждебных отношений между Турцией и Арменией. Это позволяет поддерживать давление на Анкару и ограничивать возможность проекции турецкой мощи на Южный Кавказ и Центральную Азию. С другой стороны, враждебность в турецко-армянских отношениях повышает стратегическое значение Тегерана для Армении и России.

Наконец, из нынешнего состояния тупика в отношениях между турецко-азербайджанским альянсом и Арменией Иран извлекает прямые политические и экономические преимущества.

Главные экономические выгоды — сохранение положения Ирана как важного экспортера на рынках Армении и как жизненно важного транспортного коридора, связы-

²⁹ *Meister S.* Recalibrating Germany's and EU's Policy in the South Caucasus // DGAP, July 2010, No. 2 [http://aussempolitik.net/themen/eurasien/kaucasus/recalibrating_germany-s_and_eu-s_policy_in_the_south_caucasus].

³⁰ См.: *Ibidem*.

³¹ *Shaffer B.* Iran's Role in the Southern Caucasus and Caspian Basin: Diverging Views of the U.S. and Europe. Belfer Center, Harvard University, July 2003 [<http://belfercenter.ksg.harvard.edu/>].

вающего Армению с иранскими портами в Персидском заливе. А политические преимущества просто огромны: создается противовес альянсу Азербайджана с Турцией; изменяется образ Тегерана и с помощью армянской диаспоры облегчается восстановление отношений между США и Ираном. И это соображение остается ключевым стратегическим элементом в стремлении Тегерана «поддерживать в рабочем состоянии» свои отношения с Ереваном.

Нужно отметить, что Иран воздерживался от какой-либо публичной реакции на российско-грузинскую войну 2008 года. Некоторые авторы полагают, что «за официальным молчанием Ирана стоит комбинация нескольких факторов: от общих с Москвой интересов в противодействии расширению Организации Североатлантического договора (НАТО) — поскольку в свете непоколебимых прозападных настроений тбилисского правительства в этом кризисе можно увидеть главный барьер на пути «расширения НАТО на восток», до того понимания, с которым Иран относится к озабоченности России проблемами своей национальной безопасности»³². Но независимо от позиции Ирана относительно грузинского кризиса ирано-грузинские отношения сегодня быстро развиваются. Так, заместитель министра иностранных дел Грузии Нино Каландадзе утверждает: «Наши отношения вступили в новую фазу». И на совместной пресс-конференции в Тбилиси 27 мая 2010 года официальный представитель Министерства иностранных дел Ирана Рамин Мехманпараст, занимающий пост заместителя министра, сообщил, что Грузия и Иран намерены возобновить прямые авиарейсы, отменить визовый режим для поездок и открыть иранское консульство в Батуми. Кроме того, по его словам, иранская сторона «безоговорочно поддерживает территориальную целостность Грузии»³³.

Ту же самую позицию Иран выражал относительно территориальной целостности Азербайджана. Баку и Ереван испытывают определенное недоверие по отношению к Тегерану, поскольку Иран имеет огромное азербайджанское население, но при этом поддерживает Армению. Однако Тегеран пытается выступать посредником в установлении мира между Арменией и Азербайджаном³⁴. Иран ведет свою собственную игру в классическом персидском стиле, маневрируя между соперниками и преследуя при этом собственные интересы.

Выводы

В условиях растущей зависимости мировой экономики от нефти и газа обеспечение свободной от рисков и бесперебойной поставки энергоносителей будет оставаться одним из приоритетов в стратегической повестке дня мировых держав. В свете этого экспорт энергоносителей из Каспийского бассейна рассматривается как важная альтернатива энергоресурсам Персидского залива. На протяжении прошедших 15 лет Запад вкладывал миллиарды долларов в разведку каспийских энергоресурсов, их разработку и транспортировку в обход России, добывающей монополии в поставке на мировой рынок нефти и газа из этого постсоветского региона.

---

³² Afrasiabi K. Iran Gambles over Georgia's Crisis // Asia Times, 16 August 2010 [http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/JH16Ak01.html].

³³ Цит. по: Socor V. Georgia Develops Functional Relations with Iran // Georgian Daily, 27 May 2010 [http://georgiandaily.com/index.php?option=com_content&task=view&id=18724&Itemid=132].

³⁴ См.: Ramezanzadeh A. Op. cit.; Muradova M. Iran Seeks Role in Karabakh Settlement // Johns Hopkins University, Central Asia-Caucasus Institute, Analyst, 18 March 2010 [<http://www.cacianalyst.org/?q=node/5291>].

Администрация Клинтона и администрация Джорджа Буша-младшего запустили несколько стратегических программ и инициатив, нацеленных на то, чтобы расширить и гарантировать в дальнейшем присутствие Запада на Южном Кавказе и тем самым обеспечить стабильные поставки энергоносителей из этого региона. К сожалению, администрация Обамы не обращает большого внимания на Южный Кавказ. Это выгодно для Ирана и России, но вредно для интересов Америки в регионе. Ослабление стратегического внимания со стороны Вашингтона дает оси Тегеран — Москва возможность постепенно выдавить США из региона и восстановить полный контроль над ресурсами Каспия.

С одной стороны, сохранение напряженности в отношениях между США и Ираном означает, что Иран по-прежнему будет ориентироваться на Россию. И Иран поддержит усилия России по поддержанию «замороженных конфликтов» в регионе: лучше оставить локальные конфликты неразрешенными в ожидании возможностей установить «пророссийский и проиранский порядок», чем позволить разрешить их Соединенным Штатам, которые создадут прозападный режим безопасности.

С другой стороны, руководители в Тегеране отдают себе отчет в том, что отсутствие безопасности на Южном Кавказе создает угрозу и для Ирана. Так что Иран будет стремиться не дать каким бы то ни было образом втянуть себя в «замороженные конфликты» и свести к минимуму или вовсе устранить любую угрозу возникновения новых конфликтов в Центральной Азии. Сохранение угроз для безопасности на Южном Кавказе могло бы непосредственно затронуть и внутреннюю ситуацию в Иране. Кроме того, военные действия поблизости от иранских границ создают серьезную угрозу безопасности самого Ирана. Если вспыхнет новая война между Азербайджаном и Арменией, действия огромного азербайджанского населения Ирана будут непредсказуемы. Неясно также, как отреагировали бы азербайджанцы Ирана на возможность падения нынешнего режима в Тегеране.

«Мы крайне заинтересованы в вопросах безопасности в Кавказском регионе, это весьма чувствительная тема для Тегерана, и мы готовы принять участие в разрешении болезненных проблем в регионе», — заявил министр иностранных дел Ирана Манучехр Моттаки в Тбилиси на совместной пресс-конференции с министром иностранных дел Грузии Григолом Вашадзе³⁵.

Однако можно заметить, что внешняя политика Ирана на южнокавказском направлении опирается в стратегическую дилемму: поддерживать ли статус-кво и таким образом противостоять западному влиянию или содействовать урегулированию конфликтов и обеспечить мир и стабильность у иранских границ.

Несомненно, стабильный Южный Кавказ создаст оптимальные условия, для того чтобы гарантировать надежную поставку каспийских энергоресурсов на западные рынки. Соединенные Штаты имеют серьезные интересы в регионе в целом и в нефтяном бизнесе на Каспии, и это обязывает Вашингтон обеспечивать мир и стабильность в регионе.

---

³⁵ См.: FM: Iran Stands Ready to Play «Significant Role» in Resolving Conflicts in Caucasus // Trend News Agency, 11 November 2010 [<http://en.trend.az/print/1776791.html>].

АБХАЗИЯ, КОСОВО И ПРАВО НА ОТДЕЛЕНИЕ

Марко СИДДИ

*стипендиат программы Марии Кюри,
аспирант Школы социальных и политических наук
Эдинбургского университета
(Эдинбург, Великобритания)*

Введение

26 августа 2008 года Российская Федерация признала независимость Абхазии и Южной Осетии — территорий, отколовшихся от Грузии. В заявлении, разъяснявшем причины, по которым Россия сделала это, президент Дмитрий Медведев ссылался на «свободное волеизъявление осетинского и абхазского народов» и на международные документы, в которых среди прочего подчеркивается и принцип права народов на самоопределение, — прежде всего на Устав ООН, Декларацию 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625) и Хельсинкский Заключительный акт (1975 г.) Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Д. Медведев также разъяснял, что, после того как Грузия, по его утверждению, прибегла к политике геноцида в Южной Осетии и планировала сделать то же в Абхазии, народы Южной Осетии и Абхазии имеют право решить свою судьбу сами¹.

Таким образом, в августе 2008 года Россия поддержала остающийся спорным принцип права народов на внешнее самоопределение (отделение и выход из состава государства) в исключительных ситуа-

циях — принцип, против которого она категорически возражала прежде, особенно в случае с провозглашением независимости Косова. Внешнее самоопределение предполагает «право каждого народа выбирать для себя форму суверенитета». Принцип внешнего самоопределения идет дальше внутреннего самоопределения, касающегося в основном «права народов самим выбирать для себя форму управления» в рамках единого суверенного государства². Таким образом, принцип внутреннего самоопределения относится к гарантиям прав меньшинств, региональной автономии или отношений федерализма в рамках существующего государства. Внешнее же самоопределение связано прежде всего с правом на создание представляющего тот или иной народ международно признанного независимого государства. Иными словами, внешнее самоопределение предполагает выход некоторой части населения из состава страны с согласия центрального правительства или же сепессию без согласия правительства и образование этой группой нового государства. Поскольку состояние и применение международного права определяют прежде всего суверенные государства, а сепессия угрожает их территориальной целостности, принцип внешнего самооп-

¹ См.: Medvedev's Statement on South Ossetia and Abkhazia // The New York Times, 27 August 2008 [http://www.nytimes.com/2008/08/27/world/europe/27iht-27medvedev.15660953.html], 31 January 2011.

² Neuberger B. National Self-Determination: A Theoretical Discussion // Nationalities Papers, 2001, Vol. 29, No. 2. P. 392.

ределения остается предметом ожесточенных дискуссий³.

Спорность этого принципа усугубляется еще и тем, что в рамках концепции самоопределения данное право принадлежит «народам». А определение *народа*, как оно зафиксировано в международных документах и судебных решениях, является весьма неопределенным и допускает самые различные толкования⁴. Признаки языка, расовой принадлежности и религии еще не дают возможности сформулировать надежный критерий, который позволял бы признавать или не признавать ту или иную общность *народом*. К тому же вплоть до настоящего времени в вопросах самоопределения предпочтение в международной практике государств отдавалось не роман-

тическому этническому подходу, ставящему во главу угла этническую принадлежность, язык и религию, а подходу территориальному. С XIX века, особенно в контексте процессов деколонизации и в ходе распада по окончании холодной войны таких многонациональных государств, как Советский Союз, Чехословакия и Югославия, применялся принцип *uti possidetis* («как владеете»), означавший, что границами новых независимых государств становились границы прежних колоний или республик прежних федераций, даже если это означало разделение сообществ, говорящих на одном и том же языке, исповедующих одну религию или принадлежащих к одной этнической общности⁵.

³ См.: *Neuberger B. National Self-Determination: Dilemmas of a Concept // Nations and Nationalism*, 1995, Vol. 1, No. 3, pp. 297—325.

⁴ См., например, часто цитируемое определение, данное докладчиком Подкомиссии ООН по предупреждению дискриминации и защите меньшинств А. Кристеску в работе: *Cristescu A. The Right to Self-Determination*. N.-Y.: United Nations publications, 1981. P. 2—16.

⁵ См.: *Archibugi D. A Critical Analysis of the Self-determination of Peoples: A Cosmopolitan View // Constellations*, 2003, Vol. 10, No. 4. P. 489—492; *Quane H. The United Nations and the Evolving Right to Self-determination // International and Comparative Law Quarterly*, 1998, Vol. 47, No. 3. P. 537; *Koskeniemi M. National Self-determination Today: Problems of Legal Theory and Practice // The International and Comparative Law Quarterly*, 1994, Vol. 43, No. 2. P. 241—269.

Юридические основы права на самоопределение: договоры и практика в период до 2007 года

Прежде чем рассматривать применение принципа внешнего самоопределения к случаю абхазского конфликта, рассмотрим этот принцип в более широком контексте, проанализировав его правовые основания в международных договорах и международном обычном праве.

Что касается юридически обязывающих международных договоров, принцип самоопределения народов провозглашен в ст. 1 (2) и ст. 55 Устава ООН и в ст. 1 обоих Пактов ООН о правах человека: Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах и Международного пакта о гражданских и политических правах⁶. Однако

⁶ См.: Устав Организации Объединенных Наций, ст. 1 и 55 [<http://www.pavlodar.com/zakon/?dok=02536&ugo=08055>]; Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 16 декабря 1966 года [<http://school-sector.relarn.ru/prava/zakony/pact/index.htm>]; <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1375>; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/].

в Уставе ООН понятие «самоопределение народов» никак не определяется и не проводится никакого различия между внутренним и внешним самоопределением. Как замечает Антонио Кассезе, дискуссии, предшествовавшие принятию ст. 1 (2) демонстрируют, что Высокие договаривающиеся стороны, участвовавшие в переговорах, не имели намерения утвердить данной нормой право на сецессию. Нет никаких упоминаний о внешнем самоопределении и в ст. 55. Более того, в ст. 2 (1) и 2 (4) Устава ООН делается акцент на принципах суверенитета и территориальной целостности, что едва ли совместимо с принципом внешнего самоопределения. Таким образом, практическое значение положений Устава ООН, касающихся права на самоопределение, ограничивается мыслью, что везде, где возможно, и настолько широко, насколько это возможно, должно предоставляться право на внутреннее самоопределение. Точно так же и формулировка ст. 1 обоих Пактов 1966 года неявно предполагает, что данная норма относится исключительно к внутреннему самоопределению, о чем свидетельствует ее акцент на праве народов свободно определять свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие⁷.

Международное обычное право предусматривает право на сецессию, но лишь в определенных ситуациях, отвечающих очень четким условиям. Для того чтобы сложилась какая-то норма международного обычного права, необходима, с одной стороны, соответствующая международная практика государств, с другой — наличие *opinio juris* — твердого убеждения, что данная практика представляет собой выполнение определенной правовой обязанности. И практика государств, и *opinio juris* говорят о том, что международное сообщество широко признает право на внешнее самоопределение в ситуации деколонизации (когда колонии объявляют о своей независимости от колониальной державы) или в тех случаях, когда независимость провозглашает государство, ранее противоправно аннексированное другим государством, как это было с бывшими республиками Советской Прибалтики в 1990 году. Широко признается право на внешнее самоопределение и в тех случаях, когда решение, делающее возможным образование нового государства, принимается большинством населения, находится в полном соответствии с национальным законодательством и осуществляется в соответствии с надлежащей, прописанной в Конституции процедурой. Примером здесь может служить отделение Черногории от Федеративной Республики Югославии в 2006 году. С другой стороны, до 2007 года международная практика государств не знала применения права на сецессию в случае грубых нарушений прав человека. Когда ряд государств заявил о существовании такого права в связи с провозглашением независимости Косова в феврале 2008 года⁸, это вызвало глубокий раскол в международном сообществе — подробнее об этом будет сказано ниже.

Аргументы о возникновении права на отделение в исключительных случаях, связанных с серьезными нарушениями прав человека, как о фундаментальном принципе международного права также вызывают в международном сообществе горячие споры. Сторонники подобного толкования обычно ссылаются на Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625), и прежде всего на содержащуюся в ней исключительную оговорку, которая звучит следующим образом: «Ничто в приведенных

⁷ См.: Cassese A. *Self-determination of Peoples: A Legal Reappraisal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 41—43, 52—53; Устав Организации Объединенных Наций, ст. 1, 2, 55; Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 1; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, ст. 1.

⁸ См.: Krueger H. *Implications of Kosovo, Abkhazia and South Ossetia for International Law* // *Caucasian Review of International Affairs*, 2009, Vol. 3, No. 2, pp. 122-123 [http://cria-online.org/7_2.html], 31 January 2011; Archibugi D. *Op. cit.* P. 488, 496—498.

выше пунктах не должно истолковываться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов... и вследствие этого имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории»⁹.

Как утверждает Антонио Кассесе, анализ текста Декларации и подготовительной работы, предшествовавшей ее принятию, показывает, что она не исключает права на отделение для расовых и религиозных групп, сталкивающихся с преследованиями со стороны центрального правительства. Однако это право может иметь силу лишь при строго определенных условиях: если государство упорно в течение длительного времени отказывается предоставить какой-то религиозной или расовой группе право на участие в управлении, грубо и систематически попирает основные права ее членов и отвергает возможности мирного урегулирования. При таком толковании этот перечень исключительных обстоятельств тесно увязывает друг с другом проблемы внутреннего и внешнего самоопределения: если какой-то народ лишен возможности внутреннего самоопределения, он получает основания и право добиваться внешнего самоопределения¹⁰.

Однако толкование А. Кассесе выглядит в некоторых отношениях уязвимым. Подавляющее большинство государств, участвовавших в выработке текста Декларации, отказывались признавать право народов на отделение, если речь не шла о ликвидации колониализма. А вот принцип территориальной целостности государств рассматривался как незыблемый. Это видно уже из того, что он упоминается и в преамбуле к Декларации, и в исключительной оговорке. В преамбуле среди прочего любая попытка, направленная на частичное или полное нарушение национального единства и территориальной целостности государства или страны, объявляется несовместимой с целями и принципами Устава ООН и с духом самой Декларации. К тому же Декларация не является юридически обязывающим членов ООН документом, поскольку была принята лишь как резолюция Генеральной Ассамблеи, и потому не может составлять прочной правовой основы права на внешнее самоопределение, тем более при отсутствии относимой к данному вопросу и непротиворечивой международной практики государств¹¹.

Сторонники права на внешнее самоопределение ссылаются также на Заключительный акт СБСЕ от 1975 года. Хотя Заключительный акт СБСЕ представляет собой лишь политический документ, его значение для концепции самоопределения заслуживает отдельного рассмотрения. Документ был принят с согласия всех основных суверенных субъектов, причастных сегодня к абхазскому конфликту. Его прямо упомянул президент Медведев в своем заявлении по поводу признания Россией Абхазии. В том, что касается внешнего самоопределения, ключевым в Заключительном акте СБСЕ является второй абзац Принципа VIII. В соответствии с Принципом VIII все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Взятое само по себе указание на свободу определять внешний политический статус вполне может быть истолковано как признание права на внешнее самоопределение.

⁹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2625 от 24 октября 1970 [<http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=1356&page=1>]

¹⁰ См.: *Cassese A.* Op. cit. P. 118—123.

¹¹ См.: *Krueger H.* Op. cit. P. 127.

Выражение «все народы» предполагает, что данный принцип применим не только к расовым и религиозным группам, сталкивающимся с преследованиями со стороны государства, как можно заключить из Декларации о принципах дружественных отношений, но и ко всему населению. Кроме того, выражение «все народы» говорит, что принцип применим не только в контексте деколонизации, как считают социалисты и страны третьего мира¹².

Далее, в третьем абзаце содержится напоминание о «важности исключения любой формы нарушения этого принципа [принципа самоопределения]», что можно истолковать как призыв к международному сообществу гарантировать уважение всеми государствами-участниками принципа самоопределения, как он сформулирован в Заключительном акте СБСЕ¹³.

Однако толкование этих абзацев резко меняется, если рассматривать их в более широком контексте всего Заключительного акта СБСЕ в целом. Принцип I документа посвящен уважению всех прав, присущих суверенитету, а Принцип IV провозглашает уважение территориальной целостности государств-участников. Да и сам Принцип VIII утверждает, что государства-участники должны уважать право на самоопределение народов, действуя в соответствии с уставом ООН и соответствующими нормами международного права, включая и нормы, относящиеся к уважению территориальной целостности государств. Далее, в Принципе X провозглашается, что все Принципы Заключительного акта СБСЕ «имеют первостепенную важность, и, следовательно, они будут одинаково и неукоснительно применяться при интерпретации каждого из них с учетом других»¹⁴. Таким образом, Заключительный акт СБСЕ, как и Декларация о принципах дружественных отношений, подтверждает одновременно оба плохо согласующихся друг с другом принципа: принцип права на самоопределение и принцип уважения территориальной целостности, при этом первенство одного из них по отношению к другому никак не разъясняется. Однако уже сам факт, что уважение территориальной целостности упоминается в различных частях документа и прямым образом прописано в первом абзаце того Принципа, который относится к праву народов на самоопределение, может служить серьезным контраргументом против любой интерпретации Заключительного акта СБСЕ, рассматривающей этот документ как поддержку принципа внешнего самоопределения¹⁵.

Можно ли рассматривать случай Косова как прецедент?

Как мы уже говорили, сегодня преобладает мнение, что международное право не предусматривает никакого одностороннего права на отделение для народов, групп и меньшинств, за исключением очень немногочисленных и узко определяемых случаев, связанных с деколонизацией, соблюдением надлежащей конституционной процедуры или же устранением последствий имевших место прежде нарушений международного

¹² См.: *Cassese A.* Op. cit. P. 285—286.

¹³ См.: Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Принцип VIII [<http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=29521>].

¹⁴ Там же. Принципы I, IV, VIII, X.

¹⁵ См.: *Krueger H.* Op. cit. P. 128; Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе. Заключительный акт. Принципы I, IV, VIII.

права, сопряженных с насильственной аннексией государства. В международных договорах, содержащих ссылки на право на самоопределение, также подчеркивается неизбывность принципа уважения территориальной целостности. Право на внешнее самоопределение и уважение территориальной целостности составляют юридическую антиномию, и согласовать два этих принципа нелегко. Следовательно, есть основания утверждать, что право на самоопределение, как оно провозглашается в рассмотренных выше документах, предполагает не право на отделение, а право на надлежащее демократическое представительство¹⁶.

Однако, по мнению Антонио Кассезе и Анжелики Нуссбергер, существует еще один случай, когда в качестве последнего довода может использоваться признание права на внешнее самоопределение. Это ситуация, когда какое-то меньшинство постоянно и решительно исключается из участия в политическом процессе, грубо нарушаются в отношении него основные права человека и нет никаких разумных оснований рассчитывать на разрешение конфликта, поскольку все мирные методы такого разрешения исчерпаны. В подобных обстоятельствах предоставление права на внешнее самоопределение будет последним средством правовой защиты (поэтому в данном контексте используется выражение «сецессия в порядке правовой защиты») для разрешения неразрешимого конфликта. А. Кассезе утверждает, что в подобных случаях может быть уже слишком поздно призывать к мирному разрешению конфликта на основе внутреннего самоопределения, и дело заходит настолько далеко, что становится желательным вмешательство международного сообщества с целью помочь меньшинствам обрести самостоятельную государственность¹⁷. Хотя чрезвычайное право на отделение пока не получило всеобщего признания, утверждения, подобные тем, с какими выступают А. Кассезе и А. Нуссбергер, оказались в высшей степени актуальными, когда в феврале 2008 года Косово провозгласило независимость и ряд членов международного сообщества признали ее. В интересующем нас контексте мы рассмотрим случай Косова с точки зрения его воздействия на международное право в том, что касается права на внешнее самоопределение, и его значение как прецедента для отделения Абхазии от Грузии.

До 1989 года Косово было автономной провинцией Сербии, затем президент Слободан Милошевич отменил этот статус. Во время распада Югославии при определении границ новых государств применялся принцип *uti possidetis*, что означало, что границы республик Социалистической Югославии превратились в новые межгосударственные границы. В результате Косово осталось в составе Сербии. Однако в конце 1990-х годов напряжение нарастало, поскольку правительство Сербии продолжало проводить политику репрессий, а этнические албанцы перешли к вооруженным действиям, создав Армию освобождения Косова. Нарастающая жестокость действий сербских сил вызывала жертвы среди гражданского населения и породила поток беженцев. Это со временем побудило страны НАТО начать кампанию воздушных бомбардировок Сербии. Действия сил НАТО заставили президента Милошевича согласиться с мирным планом, предложенным Большой восьмеркой и одобренным Советом Безопасности ООН в Резолюции 1244. Косово передавалось под управление международной администрации, но формально оставалось в составе Федеративной Республики Югославии. Изменить этот статус могла только новая резолюция Совета Безопасности, но неспособность Совета принять какое

¹⁶ См.: *Krueger H.* Op. cit.; Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. I. P. 17; *Nussberger A.* The War between Russia and Georgia — Consequences and Unresolved Questions // *Guttingen Journal of International Law*, 2009, Vol. 1, No. 2. P. 347—348.

¹⁷ См.: *Nussberger A.* Op. cit. P. 348—349; *Cassese A.* Op. cit. P. 120—123, 359—362. Более подробный анализ по вопросу гуманитарной интервенции дан в работе: *Neuhold H.* Human Rights and the Use of Force. В кн.: *Liber amicorum Luzius Wildhaber* / Ed. by St. Breitenmoser et al. Zürich: St. Gallen; Baden-Baden: Dike, 2007. P. 479—498.

бы то ни было решение и провал всех попыток урегулировать конфликт путем переговоров привели к тому, что албанские де факто власти 17 февраля 2008 года в одностороннем порядке провозгласили независимость Косова¹⁸.

Однако до сих пор независимость Косова признали лишь 74 из 192 стран — членов ООН. Международная практика государств воздействует на интерпретацию международных договоров, а потому единообразная и последовательная практика, если бы таковая существовала, могла бы повлиять и на интерпретацию относящихся к самоопределению положений Устава ООН и Пактов 1966 года, однако в вопросе о признании Косова мировое сообщество раскололось. Страны, признавшие независимость Косова, составляют чуть больше трети всех членов ООН. При этом страны, заявившие о признании, не привели никаких ясных юридических обоснований этого. Так, входящие в Совет ЕС страны, признавшие Косово (22 государства из 27 стран — членов Европейского союза) в Заявлении о независимости Косова утверждали, что Косово представляет собой особый случай и потому его признание ни в какой мере не ставит под вопрос положения Устава ООН, Пактов 1966 года и Заключительного акта Хельсинкского совещания. В свете такого утверждения случай Косова не оказывает никакого поддающегося определению влияния на интерпретацию положений международных договоров¹⁹.

Отсутствие единообразной или преобладающей линии поведения государств в вопросе о независимости Косова не дало сложиться и какой-то норме международного обычного права, определяющей допустимость сецессии при определенных обстоятельствах. Нельзя здесь говорить и о формировании необходимого *opinio juris*, поскольку в вопросе о существовании подобного права сообщество государств оказалось далеко не едино. Страны, отказавшиеся признать Косово, — это как раз те страны, которые сталкиваются с сепаратистскими движениями или с возможностью их возникновения, и потому только их положительное отношение позволило бы родиться новой и реалистичной международной норме на этот счет. И даже если бы возникла новая норма международного права, государства, отказывающиеся согласиться с такой нормой, должны были бы рассматриваться как «настойчиво возражавшие»²⁰, и не приходится рассчитывать, что они сочли бы себя связанными данной нормой в действиях внутри страны и на международной арене. Даже те страны, что признали Косово, категорически отрицали, что порождают этим действием новую международную обычную норму, и утверждали, что Косово — это не прецедент, а особый случай. Таким образом, независимость Косова не порождает никаких последствий для международного обычного права, поскольку единственный случай, по поводу которого международное сообщество оказалось глубоко расколотым, не отвечает требованиям, необходимым для возникновения новой обычной нормы²¹.

Исходя из этих соображений и в свете уклончивых ответов, которые дал Международный суд в недавнем консультативном заключении по провозглашению независимости Косова, можно утверждать, что провозглашение независимости Косова является юридически неоправданным и неправовым актом, поскольку не имеет под собой достаточных

¹⁸ См.: *Neuhold H.* The United Nations as a Security Organization: The Balkan Laboratory. В кн.: *Studies in Applied International Law* / Ed. by Ch. Benicke *et al.* Giessen, 2007. P. 16.

¹⁹ См.: Council Conclusions on Kosovo, 2851st External Relations Council Meeting. Brussels, 18 February 2008. В кн.: *Krueger H.* Op. cit. P. 133—134.

²⁰ В международном обычном праве существует так называемое «правило настойчиво (в других версиях — решительно) возражающего», согласно которому для государства, которое на этапе превращения какой-то международной практики в обычай настойчиво возражало против того, чтобы данной практике придавался статус международного обычая, соответствующий обычай не является обязывающим. — *Перев.*

²¹ См.: *Krueger H.* Op. cit. P. 134-135; Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. I. P. 140—141.

юридических оснований²². Таким образом, утверждение, что Косово создает юридический прецедент, необоснованно. Кроме того, прецеденты сами по себе не являются источником международного права: они лишь указывают, что складывается новая норма обычного международного права, — если подкрепляются международной практикой государств за определенный период и если существует убеждение, что данная практика отражает правовую норму²³.

Случай Абхазии

Сторонники мнения об особом характере случая Косова доказывают, что Косово представляет собой исключение в нескольких отношениях, и отмечают прежде всего масштаб нарушений прав человека, устойчивое отсутствие власти, представляющей население, участие международного сообщества и тот факт, что в определении будущего статуса участвовали различные стороны²⁴. Однако изучение абхазского случая демонстрирует, что утверждение об особом характере случая Косова имеет под собой весьма шаткие основания.

Между Косовом и Абхазией прослеживается сильное сходство. Обе территории до 1990 года пользовались довольно широкой автономией в составе многонационального государства и лишились этого статуса в ходе распада многонационального государства. Действия грузинского правительства в 1992—1993 годах и сербского правительства в 1998—1999 годах весьма похожи в том, что касается эскалации конфликта и использования вооруженных сил; весьма сходными были последовавшие за этим потоки беженцев, межэтническая ненависть, этнические чистки и зверства с обеих сторон. И действия сербских воинских частей и военизированных формирований, и нападения грузинских регулярных войск и ополчения приводили к серьезным нарушениям прав человека²⁵. Как и сербское правительство, правительство Грузии отказывало меньшинству в праве на внутреннее самоопределение и не допустило мирного разрешения конфликта. Прибегнув к военной силе в 1992 году, Грузия игнорировала и результаты референдума 1999 года в Абхазии, когда большинство проживавших в отколовшейся провинции проголосовало за предложение образовать с Грузией федерацию, в рамках которой обе республики были бы независимы и имели одинаковый статус. Более того, в июле 2006 года правительство Саакашвили явным и недвусмысленным образом прервало переговоры, сместив главных участников переговоров с грузинской стороны в тот момент, когда в переговорах наметился существенный прогресс, и, что еще важнее, введя войска в Кодорское ущелье в нарушение международных соглашений. В августе 2008 года Саакашвили прибег к военной силе в другой отколовшейся от Грузии территории, Южной Осетии, — вновь в нарушение

---

²² См.: *Krueger H.* Was Kosovo's Split-off Legitimate? Background, Meaning and Implications of the ICJ's Advisory Opinion // *Caucasian Review of International Affairs*, 2010, Vol. 4, No. 3 [http://cria-online.org/12_7.html], 30 January 2011. О консультативном заключении Международного суда по вопросу Косова также можно получить информацию на сайте [www.icj-cij.org/docket/files/141/16012.pdf], 31 января 2011.

²³ См.: Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. II. P. 140.

²⁴ См.: *Benedek W.* Implications of the Independence of Kosovo for International Law. В кн.: *International Law between Universalism and Fragmentation, Liber amicorum in Honour of Gerhard Hafner* / Ed. by I. Buffard *et al.* The Hague: Nijhoff Publishers, 2008. P. 411.

²⁵ Более подробно о нарушениях прав человека в Абхазии см.: Report of the Secretary-General's Fact-Finding Mission to Investigate Human Rights Violations in Abkhazia, Republic of Georgia, 17 November 1993 (цит. по: Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. II. P. 146).

международного права и международных соглашений. И хотя нападение Грузии не было направлено против Абхазии, оно очевидным образом отразилось на переговорах и отношениях между Тбилиси и Сухуми, породив у Сухуми опасение, что он станет следующей жертвой агрессии со стороны Грузии²⁶.

Сторонники тезиса об особом характере случая Косова говорят, что 90% двухмиллионного населения Косова составляют этнические албанцы, в то время как абхазы составляют лишь 43% из двухсоттысячного населения Абхазии — даже если не считать 230—250 тыс. этнических грузин, покинувших Абхазию в качестве беженцев после войны в 1992—1993 годах²⁷. Кроме того, утверждается, что в Косове наблюдалось исключительное по масштабу участие международного сообщества в переговорах о статусе, которое и привело к рекомендации специального посланника ООН Марти Ахтисаари в пользу «независимости под надзором». Наиболее убедителен первый из двух аргументов. Этнические абхазы действительно не составляют большинства населения Абхазии, особенно если принять в расчет грузинских беженцев, которым должно было бы быть предоставлено право вернуться и принять участие в решении о статусе. Второй аргумент, как представляется, не принимает во внимание тот факт, что международное сообщество активно участвовало и в разрешении абхазской проблемы с начала 1990-х годов. В 1993 году начала работу миссия наблюдателей ООН в Грузии (UNOMIG); в 1994 году, в соответствии с Московским соглашением о прекращении огня, были созданы миротворческие силы Содружества Независимых Государств. Кроме того, в декабре 1993 года была организована Группа друзей Грузии, включавшая Францию, Германию, Российскую Федерацию, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты Америки. Позднее этот форум был переименован в Группу друзей Генерального секретаря ООН (по урегулированию грузино-абхазского конфликта) и его цель состоит в поддержке усилий по мирному разрешению конфликта, предпринимаемых в рамках механизма, известного как Женевский процесс. Женевский процесс пользуется поддержкой широкого круга международных субъектов, сопредседателями его являются Организация Объединенных Наций, Европейский союз и Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе²⁸.

Таким образом, анализ показывает наличие множества сходных черт между случаями Косова и Абхазии и заставляет серьезно усомниться в том, что Косово действительно представляет собой особый случай. Следовательно, видится весьма сомнительным, что право на отделение в исключительных обстоятельствах, сопряженных с нарушением прав человека, с отказом в создании представляющего население правительства и с отсутствием перспектив мирного разрешения конфликта применимо к одному лишь Косову. Бенедикт Харзл утверждает даже, что статус ситуации Косова как особого случая — не более чем сказка, которую Запад не устает повторять, отрицая реальность. В определенных обстоятельствах аргументы в пользу независимости Абхазии могут выглядеть даже сильнее, поскольку Абхазия пользуется статусом де-факто государственности дольше, чем Косово, с начала 1990-х годов, и была независимой республикой в составе Советского Союза до того, как Сталин односторонним актом понизил ее статус до автономной рес-

²⁶ См.: Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. I. P. 22—23; Vol. II. P. 195—197; *Harzl B.* Conflicting Perceptions: Russia, the West and Kosovo // *Review of Central and East European Law*, 2008, Vol. 33, No. 4. P. 508; *Weller M.* Settling Self-determination Conflicts: Recent Developments // *The European Journal of International Law*, 2009, Vol. 20, No. 1. P. 134; *Nussberger A.* Op. cit. P. 362.

²⁷ См.: *Benedek W.* Op. cit. P. 403; *Tolksdorf D.* Kosovo Precedent — Applicable in Many Parts of the World, but Not Directly in the South Caucasus // *Caucasian Review of International Affairs*, 2009, Vol. 3, No. 1. P. 106—107 [http://cria-online.org/6_10.html], 31 January 2011.

²⁸ См.: Report of the Independent International Fact-Finding Mission on the Conflict in Georgia. Vol. II. P. 80—91. Текст Московского соглашения о прекращении огня см. на сайте [<http://www.civil.ge/rus/article.php?id=16423>], 22 февраля 2011.

публики. Соответственно, Косово, по утверждению Харзла, создает прецедент с весьма далеко идущими последствиями для других отколовшихся регионов, особенно на Южном Кавказе²⁹. Аргумент Харзла, безусловно, имеет смысл в том, что касается политики: как показывает случай Абхазии, признание независимости Косова побуждает и другие отколовшиеся регионы заявлять права на отделение в силу существования исключительных обстоятельств, определять которые берутся они сами. Однако в строго юридическом смысле случай Косова не имеет никакого значения, поскольку он не привел ни к изменению толкования тех международных договоров, в которых упоминается право на самоопределение, ни к возникновению новой нормы международного обычного права, подтверждающей право на внешнее самоопределение при исключительных обстоятельствах. Это становится особенно очевидным в свете случая Абхазии, которую признали всего четыре государства: Россия, Венесуэла, Никарагуа и Науру³⁰.

З а к л ю ч е н и е

Провозглашение независимости Абхазии и признание ее некоторыми из членов международного сообщества составляют нарушения международного права. Поэтому случай Абхазии вместе со случаями Косова и Южной Осетии усугубляет тенденцию, серьезно подрывающую юридическую силу международного права. Можно смело предположить, что в ближайшем будущем попытки сепаратизма учащаются. Те, кто добивается сепаратизма, станут менее склонны к компромиссам и будут обосновывать свои требования утверждением об особом характере их случаев. Государства, которым принадлежат сепаратистские регионы, также будут проявлять меньшую склонность к компромиссам и чаще будут прибегать к силе для сокрушения сторонников сепаратизма, не идя на уступки. В этих условиях третьи страны получают более широкие возможности для вмешательства в собственных интересах в связанные с сепаратизмом конфликты³¹. Как отмечал Антонио Кассесе, существует опасность, что верх возьмут самые архаичные и реакционные элементы самоопределения: утверждение этнонациональной идентичности как основы и цели самоопределения и требование создания этнонациональных государств как реализации права на самоопределение. В результате все меньшинства будут рассматриваться как устойчиво «чужие» и принуждаться к ассимиляции, что противоречит именно тем ценностям, на поддержку которых направлен принцип самоопределения³².

Как считают Б. Харзл и Д. Аркибуджи, необходимы общие для всех, согласованные правовые рамки, так как в условиях самоопределения ситуация не может оцениваться самими заинтересованными сторонами. Д. Аркибуджи выступает за формирование наднационального космополитического правопорядка и специальных органов, наделенных полномочиями оценивать конфликтующие притязания в случаях требования внешнего самоопределения. Если исходить из уже существующих институтов, такие космополитические рамки могла бы задать Организация Объединенных Наций. Однако внутренние расколы в Совете Безопасности не позволили ему принять окончательное решение по статусу Косова и действенным образом отреагировать на кризис на Южном Кавказе в августе 2008 года, несмотря на то что Россия не замедлила поставить в Совете вопрос об агрессии со стороны Грузии. Пытаясь отстаивать одновременно и принцип уважения тер-

²⁹ См.: *Harzl B.* Op. cit. P. 491, 508—518.

³⁰ См.: *Krueger H.* Op. cit. P. 136—137.

³¹ См.: *Ibid.* P. 141—142; *Harzl B.* Op. cit. P. 513.

³² См.: *Cassese A.* Op. cit. P. 364.

риториальной целостности, и право на внешнее самоопределение в исключительных обстоятельствах, входящие в Совет Безопасности ООН государства парализовали деятельность этого органа и подорвали его авторитет³³.

³³ См.: Harzl B. Op. cit. P. 502; Archibugi D. Op. cit. P. 488—489; Muzalevsky R. The Russian-Georgian War: Implications for the U.N. and Collective Security // Journal of Central Asian and Caucasian Studies, 2009, Vol. 4, No. 7. P. 35—39.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ КНР НА КАВКАЗЕ

Давид БАБАЯН

кандидат исторических наук, независимый эксперт

Введение

Китай соприкасался с Кавказом на протяжении столетий — достаточно вспомнить Великий шелковый путь. Но связи оставались исключительно торгово-экономическими и культурными, в сферу геополитических интересов Китая данный регион никогда прежде не входил. Сказать, что сегодня Кавказ стал приоритетным направлением китайской геополитики также было бы не совсем верно. Например, до сих пор с официальным визитом регион не посещали ни глава Китая, ни председатель правительства. Даже китайские министры редко посещают регион: официальные делегации в разные страны Кавказа в основном возглавляют чиновники на уровне замминистров. Тем не менее уже в ближайшем будущем взаимоотношения между Китаем и странами региона могут получить новый импульс: ведь сама география попросту предопределяет вовлечение Китая в кавказскую геополитику.

КНР выработала свой специфический геополитический стиль, который вполне наглядно проявляется как на Кавказе, так и в близлежащих регионах. В основе этого стиля лежит, если так можно выразиться, кластерный, или «гроздевидный», подход: развивая сотрудничество с какой-то из стран региона, Пекин в обязательном порядке выстраивает отношения и с соседними странами, зачастую выступающими в качестве ее соперников и конкурентов. При таком подходе сравнительно небольшой исторический опыт геополитического соприкосновения со странами региона оказывается скорее преимуществом: он позволяет Пекину относительно безболезненно обходить политические, исторические, психологические и иные конфликты, существующие между странами и народами региона.

В нынешних условиях активность КНР на Кавказе преимущественно ориентирована на углубление экономических

связей, улучшение социально-экономического положения в странах региона и, таким образом, ослабление влияния нежелательных для Китая идеологий (исламского фундаментализма и пантюркизма). Из-за этого усиление позиций Пекина в регионе оказывается выгодно и России, и таким региональным странам, как Иран.

Для Москвы усиление позиций Китая на Южном Кавказе и углубление его связей

с Северным Кавказом выгодно и с точки зрения совместного геополитического противодействия Турции и Западу, и в контексте задач по улучшению социально-экономической ситуации в северокавказских субъектах, необходимому для борьбы с экстремизмом. Для Тегерана же Пекин выступает естественным союзником в геополитическом противостоянии Турции и Западу.

Южный Кавказ

Южный Кавказ, как известно, — один из наиболее проблематичных регионов планеты, страдающий от неразрешенных конфликтов и серьезных противоречий. Китай стремится максимально дистанцироваться от политических проблем, в первую очередь от процесса урегулирования конфликтов. Китайская активность в этой сфере в основном ограничивается упоминаниями в официальных заявлениях необходимости мирного урегулирования региональных конфликтов.

Азербайджан

Основы взаимоотношений между Азербайджаном и Китаем были заложены президентом Азербайджана Гейдаром Алиевым. Важным этапом в развитии отношений между двумя странами стал 2005 год, когда с официальным визитом в Китае побывал президент Азербайджана Ильхам Алиев¹. В рамках этого визита в Пекине был организован азербайджано-китайский бизнес-форум, на котором присутствовали представители 40 азербайджанских и 400 китайских компаний. Между бизнес-структурами обеих стран было подписано около 20 контрактов, в частности о создании в Азербайджане базы для развития на основе китайского ноу-хау компьютерных технологий, производства стекловолоконных кабелей, передвижных буровых установок для нефтегазовой сферы, материалов для хранения и упаковки сельхозпродукции и т.д.

Особый интерес для китайской стороны представляет энергетическая сфера. Пекин постепенно втягивается в конкурентную борьбу за нефтегазовые ресурсы Каспия. Китай уже присутствует в нефтяном секторе Азербайджана. Его энергетический гигант — компания «Sinorpec» имеет долю в проектах «К&К» и «Гобустан» с инвестициями более 250 млн долл. Отметим, что проект «К&К» связан с разработкой крупнейшего прибрежного нефтяного месторождения в Азербайджане и в течение последних лет поддерживает ежегодный объем добычи на отметке 300 тыс. т². В декабре 2010 года представители Госу-

¹ См.: State Visit of President of the Azerbaijan Republic Ilham Aliev to the People's Republic of China // Embassy of the Republic of Azerbaijan in the People's Republic of China [<http://www.azerbembassy.org.cn/eng/President.htm>], 17 March 2005.

² См.: China Oil Giants Join Hands for Caspian Sea Oil Field // People's Daily [<http://english.people.com.cn/90001/90776/90882/6900258.html>], 23 February 2010.

дарственной нефтяной компании Азербайджана (ГНКАР) посетили Китай и Сингапур, где был подписан контракт на поставку нефти в Китай³.

Китайская сторона активно помогает Азербайджану в реконструкции и ремонте тепловых и гидроэлектростанций. Здесь лидером выступает Национальная корпорация электрооборудования Китая (China National Electric Equipment Corporation), или CNEEC. В 2007 году эта корпорация выиграла тендер на реконструкцию Азербайджанской теплоэлектростанции и модернизацию ее семи энергоблоков. На долю этой электростанции приходится 45% всей вырабатываемой в стране электроэнергии⁴. После окончания работ мощность энергоблоков составит 2 600 МВт. В 2010 году CNEEC получила право и на ремонт Мингечаурского каскада ГЭС, который состоит из Мингечаурской и Варваринской гидроэлектростанций⁵. Эти гидроэлектростанции также играют важную роль в энергетическом балансе Азербайджана. После реконструкции мощность каскада возрастет с 360 до 420 мегаватт.

Азербайджан и Китай активно сотрудничают и в других областях, в частности в культурно-образовательной сфере. Достигнута договоренность об открытии в 2011 году Института Конфуция в Азербайджане.

Однако до сих пор на КНР приходится лишь незначительная доля объема внешней торговли Азербайджана. Так, в 2009 году товарооборот между двумя странами составил около 614,7 млн долл., это лишь 3% от общего объема внешней торговли Азербайджана⁶. По данному показателю Китай уступал не только США, России, Франции, Турции или Германии, но даже Тайваню, объем товарооборота с которым в 2009 году превысил 690 млн долл. Но по сравнению с 2000 годом товарооборот между странами увеличился в 22 раза⁷!

Армения

Взаимосвязи между Китаем и Арменией также развиваются достаточно динамично. Дипломатические отношения между двумя странами были установлены в 1992 году⁸. Обе стороны высоко оценивают двустороннее сотрудничество. Так, китайский лидер Ху Цзиньтао назвал Армению надежным другом и выразил готовность и далее углублять всестороннее сотрудничество с ней⁹. А по словам президента Армении Сержа Саргсяна, развитие отношений с Китаем является одним из внешнеполитических приоритетов республики¹⁰.

³ См.: SOCAR Delegation Visits China and Singapore // Official Website of State Oil Company of Azerbaijan Republic [http://socar.az/2913-news-view-en.html], 13 December 2010.

⁴ См.: Азербайджанская ТЭС в январе — апреле утроила объем выработки электроэнергии // Интерфакс-Азербайджан [http://www.interfax.az/index.php?option=com_content&task=view&id=64646&Itemid=9], 12 мая 2010.

⁵ См.: Chinese Company Repairs Mingechevir Cascade // Contact.az [http://www.azcontact.com/topics_en.asp?id=4800&pb=5&vr=en&yr=2010&mn=12&day=6&pg=2&cl=1&cmpg=1&cmcl=1&sbpg=1&sbcl=1&srch=0&ms=NaN&clnd=0&mdn=1], 6 December 2010.

⁶ См.: Azerbaijan in Figures. External Trade Turnover Indicators of Azerbaijan 2009 // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan [http://www.azstat.org/publications/azfigures/2010/en/018.shtml].

⁷ См.: External Economic Activities // The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan [http://www.azstat.org/MESearch/details].

⁸ Об этом подробнее см., например: Китайско-армянские отношения // Посольство Китайской Народной Республики в Республике Армения [http://am.chineseembassy.org/rus/zygx/t392051.htm].

⁹ См.: Chinese Leader Wants Closer Ties with «Friendly» Armenia // Radio Free Europe/Radio Liberty [http://www.rferl.org/content/Chinese_Leader_Wants_Closer_Ties_With_Friendly_Armenia/2031447.html], 3 May 2010.

¹⁰ См.: Президент Серж Саргсян принял участие в церемонии открытия Всемирной выставки «Шанхай Экспо-2010» // Официальный вебсайт Президента Республики Армения [http://www.president.am/events/visits/rus/?visits=1&id=155], 29 апреля 2010.

В числе основных сфер сотрудничества различные отрасли обрабатывающей промышленности. Крупнейшим проектом здесь является совместное предприятие по производству хлоропренового каучука «Шанси-Наирит». Предприятие создано на основе договора между ереванским заводом «Наирит» и китайским акционерным обществом «Синтетический каучук Шанси», подписанного в 2003 году. Доля армянской стороны в предприятии — 40%. Годовой объем производства составляет 30 тыс. т; в его строительство инвестировано 220 млн долл., а годовой доход предприятия оценивается в 100 млн долл.¹¹

Китайская сторона также участвует в разных энергетических проектах в Армении, например в реконструкции и ремонте тепловых станций. Одна из таких станций находится в столице Армении, другая — в городе Раздан, где китайская сторона осуществляет 80% ремонтных и реконструкционных работ пятого блока Разданской ТЭС. Соответствующий договор был подписан между китайской компанией «НРСС-3» и армянской компанией «АрмРосГазпром» в 2008 году. После реконструкции работающая на природном газе турбина будет производить до 440 мегаватт электроэнергии — больше, чем вырабатывает Мецаморская АЭС¹².

Китай также выразил намерение участвовать в весьма важном с геополитической точки зрения транспортном проекте — строительстве железной дороги, которая свяжет Армению с иранскими портами Персидского залива. Вопросы, связанные с данным проектом, обсуждались и на встрече президентов Армении и Китая в мае 2010 года. Общая протяженность предполагаемой железной дороги составляет 470 км, из них 410 км — в пределах Армении, стоимость же ее оценивается в 1,5—1,8 млрд долл.¹³ Учитывая развитость транспортной сети Ирана, после завершения строительства Армения может получить доступ к центральноазиатским рынкам, к Пакистану, Индии, Китаю и странам АСЕАН. Точно так же и Китай получит дополнительный выход к Кавказу со всеми вытекающими из этого политико-экономическими последствиями.

Армяно-китайские связи развиваются и в других сферах экономики. В 2010 году в Армении было зарегистрировано 41 предприятие с китайским капиталом. Их основная деятельность — оптовая продажа продуктов питания, напитков и сигарет, ресторанный бизнес, производство бытовых электроприборов и одежды, а также розничная торговля лекарственными и медицинскими товарами, косметическими средствами и аксессуарами, оптовая торговля текстильными изделиями и обувью¹⁴.

Динамично развиваются отношения между двумя странами и в культурной сфере. Первый на Кавказе Институт Конфуция был открыт именно в Армении. Его учредителем с китайской стороны является университет Шанси.

О развитии китайско-армянских отношений особенно наглядно свидетельствуют показатели внешнеэкономического оборота. В 2000 году общий объем двусторонней торговли составил 5,98 млн долл., и тогда Китай занимал 22 место в экспортном балансе Армении¹⁵. В 2009 году объем торговли между двумя странами составил уже почти 302,5 млн долл., превывсив показатель 2000 года более чем в 50,5 раза. В балансе экспорта

¹¹ См.: Президент Армении открыл в Китае завод по производству каучука // РИА «Новости» [<http://www.rian.ru/economy/20100504/230325032.html>], 4 мая 2010.

¹² См.: Armenia Economy: Energy Sector — the New Growth Driver // ViewsVire [http://www.eiu.com/index.asp?layout=VWArticleVW3&article_id=1704034955&region_id=&country_id=870000287&channel_id=190004019&category_id=500004050&refm=vwCat&page_title=Article&rf=0], 11 November 2008.

¹³ См.: Chinese, Armenian Leaders Discuss China's Participation in Armenia-Iranian Railway Construction // RIA Novosti [<http://en.rian.ru/world/20100502/158845910.html>], 2 May 2010

¹⁴ См.: Армения и Китай рассматривают возможность создания СП по переработке базальта // АРКА [<http://www.arka.am/rus/economy/2010/09/21/21507.html>], 21 сентября 2010.

¹⁵ См.: Экспорт и импорт Республики Армении по странам. Статистический ежегодник Армении 2001. Ереван: Национальная статистическая служба Республики Армении, 2001. Таблица 337.

Китай с 22 места переместился на 11-е (на его долю пришлось 2,5% экспорта), а в балансе импорта занял уже 2 место (8,6% от общего объема импорта), уступив лишь России¹⁶. Такая динамика роста не наблюдалась ни у одного другого внешнеторгового партнера Армении.

Грузия

Дипломатические отношения между Китаем и Грузией были установлены 9 июня 1992 года подписанием соответствующего протокола¹⁷. Китайско-грузинские отношения развиваются и на уровне регионов¹⁸. В 2007 году между городами Рустави и Харбин был оформлен меморандум о сотрудничестве. Аналогичный документ в ноябре 2009 года был подписан и между грузинским Поти и китайским Циндао. В 2007 году договор о намерениях по сотрудничеству был подписан между грузинским регионом Кахети и Синьцзян-Уйгурским автономным районом. В ноябре 2008 года между двумя этими регионами было подписано соглашение о сотрудничестве.

Одной из перспективных областей сотрудничества представляется транспортная сфера. По некоторым данным, КНР проявляет интерес к железнодорожному проекту Баку — Тбилиси — Карс¹⁹, хотя до конкретных шагов дело пока не дошло.

В 2010 году китайские компании «China Sino-Hydro Corporation» и «China Railway 23rd Bureau Group» победили на организованном грузинской стороной международном тендере по реконструкции Рикотского тоннеля — стратегически важнейшего транспортного узла, соединяющего Восточную и Западную Грузию, а также в тендере на строительство железной дороги в объезд Тбилиси, которая также является значимым с точки зрения развития транспорта и транспортной безопасности Грузии проектом²⁰. Стоимость одной только объездной железной дороги составляет 353,5 млн долл. Предусматривается строительство 30-километрового участка железной дороги, а также мостов, тоннелей и других сооружений.

Одним из самых значимых совместных проектов является строительство Хадорской ГЭС мощностью 24 мегаватт на реке Панкиси. Гидроэлектростанция была сооружена китайской компанией «Sichuan Electric Power Import and Export Company»²¹. Строительство началось в 2001 году и завершилось в ноябре 2004-го. Хадорская ГЭС является самой крупной гидроэлектростанцией, построенной в Грузии с момента провозглашения независимости.

¹⁶ См.: Статистический ежегодник Армении 2010. Ереван: Национальная статистическая служба Республики Армении, 2010. С. 483—485.

¹⁷ Об этом подробнее см.: Relations between Georgia and the People's Republic of China // Ministry of Foreign Affairs of Georgia [http://www.mfa.gov.ge/index.php?sec_id=381&lang_id=ENG].

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ См.: Baku — Tbilisi — Kars Railway Project Draws China's Interest // Georgian Business Week [http://www.gbw.ge/news.aspx?sid=b0d41470-6f73-4ba0-b565-fd618eb8b776], 8 December 2008.

²⁰ Подробнее об этих проектах см.: *Chen Runyun*. Mutual Benefit & Common Development: Economic and Commercial Cooperation between China and Georgia. В кн.: Chinese Business in Georgia. Georgian Business Consulting Group Ltd. P. 8—10 [http://ge.mofcom.gov.cn/accessory/201010/1288000194529.pdf]; Рикотский тоннель закрыт на ремонт // Новости-Грузия [http://newsgeorgia.ru/economy/20100608/213252253.html], 8 июня 2010; Tbilisi Railway Bypass Project, Georgia // Railway Technology [http://www.railway-technology.com/projects/tbilisirailwaybypass], 23 November 2010.

²¹ См.: Dams Built by Chinese Companies and Financiers // International Rivers [http://www.internationalrivers.org/files/ChineseOverseasDams0409.xls], 13 April 2009; China Dams Overseas // Energy Probe Research Institution [http://eprf.probeinternational.org/node/8501], 6 September, 2010; The Khadori Hydropower Plant was Built and Commissioned with the Participation of Chinese Capital in 2004 // Georgia Investment Guide [http://www.investmentguide.ge/print_version.php?sec_id=45&lang_id=ENG]; «China» Hydropower Plant in Kakheti // Chinese Business in Georgia 2010. Special magazine, P. 14—15.

Китай и Грузия развивают сотрудничество и в научно-образовательной и культурной сферах. В конце ноября 2010 года в Грузии открылся Институт Конфуция²². Важную роль в развитии двусторонних культурных связей играет и грузино-китайский культурный центр «Шелковый путь», который был основан в 1992 году²³. В центре собираются интеллектуалы из различных сфер, которые интересуются китайской культурой. Основной целью центра является развитие и углубление культурных и экономических связей между двумя странами.

Однако развитие грузино-китайских отношений не является стабильным, нередко наступает период спада. Особенно наглядно это проявляется в динамике внешнеторгового оборота между странами²⁴. В 2000 году объем торговли между КНР (включая Гонконг) и Грузией составил 4,1 млн долл., а в 2009-м — почти 213,2 млн долл., увеличившись в 51,8 раз. Такой динамики роста нет ни у одного другого внешнеторгового партнера Грузии. На втором месте — Тайвань, объем товарооборота за тот же период здесь увеличился в 23,1 раза. С другой стороны, в 2007 году товарооборот между двумя странами составлял 219,4 млн долл., в 2008 году — более 330 млн долл. Получается, что за последние годы динамика здесь негативная. Кроме того, по объему товарооборота с Грузией Китай существенно уступает другим странам. Так, в 2009 году внешнеторговый оборот ЕС в торговле с Грузией превосходил показатель Китая в 7,2 раза, Турции — более чем в 4,7 раза, России — в 1,4 раза, США — в 1,2 раза. В 2009 году доля КНР во внешнеторговом обороте Грузии составила лишь 3,8%.

Однако ситуация может измениться уже в ближайшем будущем. В данном контексте особое значение имеет визит в Китай грузинского премьер-министра Ники Гилаури, состоявшийся в конце октября — начале ноября 2010 года²⁵. На встречах с руководством Китая грузинская сторона внесла ряд достаточно перспективных с экономической точки зрения предложений. Тбилиси предложил, например, проекты расширения и модернизации морского порта Поти, осуществление ряда крупных проектов в сфере гидроэлектроэнергетики, открытие в Грузии филиала Китайского банка развития, налаживание прямого авиационного сообщения между двумя странами с превращением тбилисского международного аэропорта в транзитный узел в системе авиасообщения между Китаем и Европой. Во время своего визита грузинский премьер заявил, что интерес к Грузии в Китае намного больше, чем предполагалось²⁶, и подчеркнул, что его страна в течение ближайших нескольких лет ожидает из Китая и Индии потенциальных инвестиций в размере 500 млн долл.²⁷ А грузинский президент Саакашвили приводит цифру в 600 млн долл.²⁸

²² См.: Georgia Opens its Confucius Institute // Xinhua [http://news.xinhuanet.com/english2010/culture/2010-11/27/c_13624282.htm], 26 November 2010.

²³ Подробнее о центре см.: Georgian-Chinese Cultural Center «Silk Road» // Chinese Business in Georgia 2010. Special magazine. P. 96—97.

²⁴ Об этом подробнее см.: Statistical Yearbook of Georgia 2006. Tbilisi: Department of Statistics under Ministry of Economic Development of Georgia, 2007. P. 273—281; External Trade // National Statistics Office of Georgia [http://www.geostat.ge/index.php?action=page&p_id=137&lang=eng].

²⁵ Более подробно о визите см., например: Prime Minister's Visit to China and India // Official Website of the Government of Georgia [http://www.government.gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=187&info_id=31506], 23 December 2010; *Patsuria N.* Georgian Prime Minister Touts Chinese and Indian Investor to Invest in Georgia // The Weekly Georgian Journal [http://georgianjournal.ge/index.php?option=com_content&view=article&id=963:georgian-prime-minister-touts-chinese-and-indian-investor-to-invest-in-georgia&catid=4:economy&Itemid=6], 3 November 2010; *Edilashvili N.* Georgia Seeks Partnerships in China and India // Georgia Today [http://www.georgiatoday.ge/article_details.php?id=8437], 12 November 2010; Georgian PM Hopes to Boost Co-op with China // Xinhua [http://news.xinhuanet.com/english2010/indepth/2010-10/28/c_13579218.htm], 27 October 2010; Georgian PM Visits China, India // Georgia Update. Weekly edition. A Publication of the Government of Georgia, 28 October 2010, P. 2.

²⁶ См.: *Edilashvili N.* Op. cit.

²⁷ См.: Georgia Update. Weekly edition, 4 November 2010. P. 1.

²⁸ См.: *Edilashvili N.* Op. cit.

В отношении полупризнанных и непризнанных акторов Южного Кавказа КНР придерживается весьма осторожной тактики, избегая каких-либо прямых контактов на государственном уровне. Если же такие контакты и происходят, то они носят сугубо гуманитарный характер, минимизируя возможные нежелательные для Китая геополитические последствия.

Северный Кавказ

Северный Кавказ является одним из стратегически важных и одновременно наиболее нестабильных регионов Российской Федерации. Потеря Северного Кавказа чревата для Москвы непредсказуемыми геополитическими последствиями. На карту, в частности, будет поставлена судьба России как великой державы. Дестабилизация Северного Кавказа не соответствует и интересам Китая: изменение геополитического статуса Северного Кавказа может усилить влияние нежелательных для Китая социально-идеологических тенденций в Центральной Азии и в наиболее уязвимом для него Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). Поэтому для России участие Китая в северокавказских делах важно не только с социально-экономической, но и с геополитической точки зрения.

Китай уже сегодня является одним из основных торгово-экономических партнеров северокавказских и соседних с ними субъектов РФ²⁹. На его долю приходится 21,5% всей поставляемой туда продукции машиностроения. Поднебесная входит также в четверку ведущих экспортеров химической продукции. Китай занимает лидирующие позиции и во внешней торговле всего Северо-Кавказского федерального округа. На его долю приходится 17,1% импортируемой регионом металлургической продукции, и по данному показателю он занимает первое место. Заметное положение занимает Китай и в структуре импорта текстиля и текстильных изделий. На его долю приходится около 20% импорта этих товаров — вторая позиция после Турции.

В 2009 году Китай занимал 6 место среди внешнеторговых партнеров Краснодарского края. На его долю приходилось 4,53% от объема внешней торговли, что в денежном выражении составляло 290 млн долл.³⁰ В экспорте края доля Китая была незначительна, но КНР была вторым крупнейшими партнером края по импорту, на ее долю приходилось 10,4% всего импорта, что составляло 287 млн долл.

Одним из направлений сотрудничества между КНР и Кубанью является строительство. Благоприятные условия для сотрудничества в этой сфере создает запланированная на 2014 год зимняя Олимпиада в Сочи. Инвесторы из Поднебесной выразили готовность профинансировать строительство как минимум десяти гостиничных объектов общим фондом около 13 тыс. номеров. Стоимость этого проекта в Сочи может достигнуть 2 млрд долл.³¹ Другим масштабным проектом в сфере строительства является подписанное в апреле 2010 года соглашение между российской компанией «Донинвест» и китайской корпорацией «China Gezhouba Group Corporation» по строительству морских терминалов в Сочи³².

---

²⁹ Об этом подробнее см., например: Внешняя торговля ЮТУ за 9 месяцев 2010 года // Южное таможенное управление [<http://yutu.customs.ru/ru/statistics/>].

³⁰ См.: Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Департамента внешнеэкономической деятельности Краснодарского края (2010—2013 гг.) // Департамент внешнеэкономической деятельности Краснодарского края [http://www.gokuban.ru/department/drond/index.php?sphrase_id=2081], Краснодар, 2010.

³¹ См.: *Конейченко Н., Михалев Н.* Олимпиада Made in China // РБК Daily [<http://www.rbcdaily.ru/2010/04/06/market/469225>], 6 апреля 2010.

³² См.: Апрель 2010 — корпорация CGGC // Официальный вебсайт компании «Донинвест» [http://doninvest-sochi.ru/index.php?option=com_frontpage&Itemid=1], 14 апреля 2010.

Китай сотрудничает с Краснодарским краем и в сфере машиностроения. Можно отметить подписанное в середине октября 2009 года соглашение между Краснодарским краем и китайской компанией «Yantai Shuchi», согласно которому компания будет собирать 500 автобусов «Shuchi» на 35—60 мест на Тихорецком машиностроительном заводе имени Воровского³³.

Сотрудничество Краснодарского края с Китаем затрагивает и другие сферы, в частности игровой бизнес. В феврале 2010 года операторы из китайской игровой зоны Макао заявили о намерении построить на территории игровой зоны «Азов-Сити» собственные казино, всепогодный спорткомплекс для занятий зимними видами спорта, развлекательную инфраструктуру, в том числе гостиницы и торгово-развлекательные центры. По предварительным оценкам, китайские инвесторы могут вложить в строительство свыше 5 млрд рублей³⁴.

По итогам 2009 года Китай занял 7 место по объему внешней торговли со Ставропольским краем³⁵. На его долю пришлось 5,2% от всего внешнеторгового оборота края, что составило 74,3 млн долл. В структуре экспорта КНР заняла 16 место, на его долю пришлось 14,1 млн долл., а вот в импорте края Китай занял второе место (60,2 млн долл.). По сравнению с 2002 годом объем внешней торговли возрос в 3,3 раза, причем импорт — почти в 27 раз.

Одна из перспективных отраслей сотрудничества — туризм. В марте 2010 года администрацией города Пятигорск, компанией-заказчиком «Энергия» и китайской компанией «Norinco International Cooperation Ltd» было подписано соглашение, в соответствии с которым китайская сторона построит в Пятигорске туристическо-оздоровительный комплекс «Сана» стоимостью 7,5 миллиарда рублей³⁶. Комплекс должен быть введен в эксплуатацию в 2012 году, срок его окупаемости составит 8,5 лет.

Развитие отношений между Китаем и Ингушетией находится на начальном этапе, но уже сейчас КНР входит в число основных внешнеторговых партнеров Ингушетии³⁷. Среди наиболее значимых китайских проектов здесь можно назвать строительство в республике завода по производству запчастей для выпускаемых в России китайских автомобилей. Данное соглашение было подписано на всемирной выставке «Экспо-2010», прошедшей с мая по октябрь в Шанхае. Как отметил глава республики, пока таких предприятий в России нет, и специалисты полагают, что продукция завода будет востребована³⁸.

В декабре 2010 года представители компании «Южная российская инвестиционно-финансовая корпорация» и ингушского завода легких сплавов «Вилс» по приглашению китайской стороны посетили КНР³⁹. В результате переговоров стороны определили перс-

³³ См., например: Китайские автобусы Shuchi будут собирать в Краснодарском крае // Avto.ru [http://avto.ru/news/news_18289.html], 23 октября 2009.

³⁴ См.: Инвесторы из Китая намерены построить в «Азов-Сити» спорткомплекс и гостиницы // Интерфакс [<http://www.interfax.ru/print.asp?sec=1466&id=122682>], 8 февраля 2010.

³⁵ См.: Информация о внешнеэкономическом сотрудничестве Ставропольского края с Китайской Народной Республикой // Министерство экономического развития Ставропольского края [http://www.stavinvest.ru/?__=1293].

³⁶ См., например: Рудковский С. Китайская корпорация построит в Пятигорске курортный комплекс // РИА Новости [<http://www.rian.ru/tourism/20100309/213152606.html>], 9 марта 2010.

³⁷ См.: Ларина А. Казне на поправку. Новая налоговая политика в Ингушетии заставила чиновников на местах искать способы пополнения бюджета // Российская газета. Спецвыпуск «Ингушетия», 2 июня 2010, № 5197 (118).

³⁸ См.: В Ингушетии будут производить запчасти для китайских автомобилей // Постоянное представительство Республики Ингушетия при Президенте Российской Федерации [<http://www.postpredstvo.ru/2010/12/6180.html>], 9 декабря 2010.

³⁹ Об этом подробнее см.: Заключено соглашение о сотрудничестве с китайской компанией «Manzhouli Neuyan» в области развития промышленных объектов на территории Российской Федерации // Официальный вебсайт ОАО «Южная российская инвестиционно-финансовая корпорация» [<http://www.urifcorp.ru/china.html>], 21 декабря 2010.

пективы совместной деятельности. Главной целью сотрудничества является организация технологических процессов на территории субъектов РФ при содействии китайских специалистов. Были намечены основные направления развития промышленных объектов, которые включают создание современного производства электроинструментов в Ингушетии, поставку линий по производству гипсокартона и гофротары, линий по выпуску различной бытовой техники.

Несмотря на то что Чечня является одной из самых нестабильных республик Северного Кавказа, китайская активность здесь также ощутима. Это имеет для Пекина и важное политическое значение. Российские спецслужбы не раз заявляли об участии граждан Китая из СУАР в боевых действиях в Чечне на стороне боевиков⁴⁰. Понятно, что Пекин крайне не заинтересован в интернационализации экстремизма, и если сепаратисты из Китая участвовали в боевых действиях в Чечне, то вполне возможно и участие чеченских формирований в сепаратистской активности в СУАР. Поэтому социально-экономическое возрождение Чечни важно для Пекина.

Одним из направлений китайской активности в Чечне является нефтегазовая сфера. В 2005 году появилась информация, что Чечня совместно с Китаем работает над реализацией проектов в нефтегазовой области⁴¹.

Чечня и Китай сотрудничают и в гуманитарной сфере. В данном контексте хотелось бы отметить помощь Китая в лечении чеченских детей, больных детским церебральным параличом (ДЦП)⁴². Сотни чеченских детей с диагнозом ДЦП прошли курсы лечения традиционной китайской методикой у специалистов Шаньсийского реабилитационного центра, работающих в республике с начала июня 2009 года. Для обучения методам лечения ДЦП в Шаньсийский реабилитационный центр в 2008 году была командирована и группа чеченских врачей.

Одной из основных сфер сотрудничества Китая и Карачаево-Черкесии является обрабатывающая промышленность, в частности машиностроение. Здесь можно упомянуть весьма успешный инвестиционный проект китайской компании «Лифан» совместно с автомобильной компанией «Дервейс» из Карачаево-Черкесии по производству автомобилей⁴³. В ноябре 2010 года завод расширил ассортимент выпускаемой продукции. Ввод в эксплуатацию новых производственных мощностей позволит выпускать на авторемонтном заводе 100 тыс. автомобилей в год⁴⁴. С пуском завода в республике появится до 5 тыс. рабочих мест, при том что на момент пуска завода безработными в Карачаево-Черкесии были официально признаны 7,5 тыс. человек⁴⁵. Объем налоговых платежей в бюджеты разных уровней может достигнуть 5 млрд рублей в год, что позитивно отразится на социально-экономической ситуации в республике⁴⁶.

⁴⁰ См., например: *Собянин А.* Уйгурский сепаратизм // Эксперт, 28 августа 2000, № 31.

⁴¹ См.: Чечня и Китай работают над реализацией проектов в нефтегазовой области // RosInvest.Com [<http://www.rosinvest.com/news/122270/>], 25 августа 2005.

⁴² Об этом подробнее см.: Более 260 детей с диагнозом ДЦП прошли лечение китайской методикой // Официальный сайт главы и правительства Чеченской Республики [<http://chechnya.gov.ru/page.php?r=126&id=5906>], 25 августа 2009.

⁴³ См.: *Семенов А.* В Карачаево-Черкесии построят еще один автозавод // Кавказский узел [<http://adygeia.kavkaz-uzel.ru/articles/122214>], 28 августа 2007.

⁴⁴ См., например: Автомобильный завод «Дервейс» запустил новую линию НАИМА // Официальный сайт президента и правительства Карачаево-Черкесской Республики [<http://www.kchr.info/index.php?do=search#/news/4890-avtomobilnyj-zavod-dervejjs-zapustil-novuju.html>], 8 ноября 2010.

⁴⁵ См.: В Карачаево-Черкесии автозавод предоставил 3 000 новых рабочих мест // Кавказский узел [<http://adygeia.kavkaz-uzel.ru/articles/139115>], 12 июля 2008.

⁴⁶ См.: 15 января автомобильная компания «DERWAYS» открывает новые цеха по промышленной сборке автомобилей // Официальный сайт президента и правительства Карачаево-Черкесской Республики [<http://www.kchr.info/news/4090-15-janvarja-avtomobilnaja-kompanija-derways.html>], 12 января 2010.

Однако взаимоотношения между КНР и Карачаево-Черкесией не ограничиваются лишь сферой машиностроения. Китай занимает второе место во внешнеторговом обороте республики, и на его долю приходится 20,3% от всего объема внешней торговли Карачаево-Черкесии⁴⁷, что составляет 15,1 млн долл. Причем в стоимостном объеме импорта доля Китая составляет 36,1%, и здесь он занимает первое место.

КНР проявляет активность и в Кабардино-Балкарии. В ноябре 2006 года официальная делегация Кабардино-Балкарской Республики во главе с президентом приняла участие в Российской национальной выставке в Пекине, организованной в рамках «Года России в Китае»⁴⁸. Кабардино-Балкария предложила китайской стороне инвестиционный проект по восстановлению производственных мощностей Тырнаузского горно-обогатительного комбината по добыче и переработке вольфрамо-молибденового сырья. Тогда была достигнута предварительная договоренность о возможном сотрудничестве. Республика также предложила Китаю сотрудничество в производстве табака из китайского сырья. Обсуждалась перспектива создания на базе одного из санаториев Нальчика китайского оздоровительного центра. Правда, названные проекты не получили дальнейшего развития.

В мае 2010 года ряд торговых организаций Китая проявили интерес к продукции нальчикской компании «Станкозавод» — единственного в РФ предприятия, специализирующегося на выпуске унифицированного комплексного оборудования для обработки и облицовки кромок мебельных щитов, на производстве кромкообрабатывающих и кромкооблицовочных автоматических линий и станков для производства мебели⁴⁹. Было заключено несколько контрактов и сформирован портфель заказов на перспективу.

Китай — один из основных внешнеторговых партнеров Кабардино-Балкарии. В 2009 году на его долю пришлось 14,3% импорта республики и по этому показателю он занимал второе место в списке внешнеторговых ее партнеров⁵⁰.

Сотрудничество между Китаем и Северной Осетией — Аланией развивается достаточно динамично. Алания активно сотрудничает также с провинциями Поднебесной. В 2006 году она стала побратимом провинции Сычуань⁵¹. Важным событием в двусторонних отношениях можно считать достигнутую в марте 2007 года договоренность об открытии во Владикавказе Северо-Осетинского центра торгово-экономического сотрудничества с КНР. Важным экономическим начинанием стало соглашение между Аланией и провинцией Сычуань о создании в республике специализированной зоны для легкой промышленности⁵². Несмотря на то что акцент в данной зоне делается на легкую промышленность, тут будут налажены и другие производства, в частности бытовой техники.

---

⁴⁷ Об этом подробнее см.: Внешнеэкономическая деятельность Карачаево-Черкесской Республики за 2009 год // Министерство экономического развития Карачаево-Черкесской Республики [http://minek-kchr.ru/load/otdel_vneshneehkonomicheskikh_svjazej_i_vnebjudzhethnykh_investicij/vneshneehkonomicheskaja_dejatelnost_karachaev_cherkesskoj_respubliki_za_2009_god/9-1-0-44], 18 ноября 2010.

⁴⁸ Подробнее о визите см.: Китайцы проявили интерес к Кабардино-Балкарии // Официальный сайт президента Кабардино-Балкарской Республики [<http://2008.president-kbr.ru/events/connections/?id=93&aktiv=3>], 16 ноября 2006.

⁴⁹ См.: Станкозаводом заинтересовались в Китае и СНГ // Инвестиционный паспорт Кабардино-Балкарской Республики [http://www.kbr-invest.ru/index.php?p=news&news_id=452], 18 мая 2010.

⁵⁰ См.: Международные связи // Портал правительства Кабардино-Балкарской Республики [<http://pravitelstvokbr.ru/k-br/%5Ckbr-main.nsf/html/MEJDUNARODNESVYAZI>].

⁵¹ Об этом подробнее см.: Северная Осетия и Китай: сотрудничество продолжается // Администрация главы Республики Северная Осетия — Алания и правительства Республики Северная Осетия — Алания [<http://www.rso-a.ru/vlast/gov/head/detail.php?ID=4874>], 10 июня 2009.

⁵² См.: Гурджибева З. Связующая нить. В Северной Осетии планируется создать специализированную зону для легкой промышленности // Российская газета, 24 июня 2009, № 4937.

Северная Осетия и Китай сотрудничают и в гуманитарной сфере. Так, после террористического акта в Беслане китайская сторона ежегодно принимает группы детей, пострадавших в результате бесланских событий, для прохождения ими реабилитационных программ⁵³. Подобное отношение Пекина получило высокую оценку Москвы. Президент России Д. Медведев особо отметил, что Россия никогда не забудет участия, которое проявили к судьбе бесланских детей жители Китая и, в частности провинции Сычуань⁵⁴.

Внешнеэкономические связи Республики Дагестан с КНР активно осуществляются на уровне хозяйствующих субъектов, между представителями малого и среднего бизнеса⁵⁵. В ноябре 2006 года в Пекине был подписан протокол о намерениях по сотрудничеству между правительством Дагестана и китайской компанией «Huawei Technologies Co., Ltd». А в рамках меморандума о сотрудничестве между Ассоциацией строителей России и Ассоциацией строителей Китая по развитию промышленности строительных материалов и увеличению объектов строительства в Российской Федерации были достигнуты соглашения о реализации ряда важных проектов в Дагестане, в частности о строительстве гостинично-рекреационного комплекса, завода по производству полированного стекла мощностью 24 млн кв. м в год, кирпичного завода мощностью 75 млн шт. красного кирпича в год и т.д.

Одним из наиболее значимых дагестано-китайских проектов было соглашение, подписанное в 2009 году с китайской компанией «Norinco International Cooperation Ltd» о строительстве в Дагестане цементного завода мощностью 3,6 млн т в год⁵⁶. Завод должен быть сдан в эксплуатацию в течение трех лет.

Между Китаем и Дагестаном достигнуто также соглашение о создании сборочного производства китайских микроавтобусов на базе махачкалинского завода «Авиаагрегат»⁵⁷. В мае 2010 года Дагестан и Китай подписали соглашение о сотрудничестве с харбинской инвестиционной компанией «Гуасинь Дунфан» о строительстве завода по выпуску листового стекла методом флоат-технологии⁵⁸.

Ряд китайских компаний стремятся принять участие в реализации проекта строительства международного логистического комплекса «Каспий Ложистик»⁵⁹. Это достаточно масштабный проект сооружения международного логистического хаб-центра. При этом предполагается интенсивное развитие портовой инфраструктуры, сопровождаемое диверсификацией грузопотоков; развитие транспортного коридора «Север — Юг». «Каспий Ложистик» будет ориентирован как на обслуживание региона, так и на транзитные потоки в рамках названного транспортного коридора, соединяющего Россию с Южным Кавказом.

⁵³ См., например: Северная Осетия и Китай: сотрудничество продолжается.

⁵⁴ См.: Северная Осетия готова принять детей из Китая // Администрация главы Республики Северная Осетия — Алания и правительства Северная Осетия — Алания [<http://www.rso-a.ru/vlast/head/activity/detail.php?ID=2987>], 23 мая 2008.

⁵⁵ Подробнее о хронологии дагестано-китайских отношений см.: Сотрудничество с Китаем // Агентство инвестиций и внешнеэкономических связей Республики Дагестан [<http://investrd.ru/2009-09-16-08-12-51/202-2009-09-15-13-33-19.html>], 16 августа 2010.

⁵⁶ См., например: China's Norinco to Build \$610m Cement Plant in Dagestan // Marchmont Capital Partners [http://www.marchmontnews.com/story.php?story_id=10277], 5 November 2009.

⁵⁷ См.: В Дагестане китайцы откроют цемзавод и производство по сбору автомобилей // Деловой мир Дагестана [<http://www.dmdag.ru/news.php?id=334&PHPSESSID=740d2207562e0d03db2e9e11b6a6a469>], 12 марта 2010.

⁵⁸ См.: Пекин — Кубань ДАГЭКСПО // Деловой мир Дагестана [<http://www.dmdag.ru/journal2.php?jid=1&jnum=14&jcat=C0000043&jaid=81>], 14 мая 2010.

⁵⁹ См.: Реализация инвестиционного проекта «Строительство международного логистического комплекса «Каспий Ложистик» // Агентство инвестиций и внешнеэкономических связей Республики Дагестан [<http://investrd.ru/news/35-news/268—1-l-r.html>], 21 апреля 2010.

В целом, внешнеторговые отношения между Китаем и Дагестаном развиваются достаточно интенсивно⁶⁰. Так, если в 2000 году общий объем товарооборота составлял 336,4 тыс. долл., то в 2009 году он составил 11,4 млн долл., увеличившись в 34 раза.

Вместо заключения

Как видно из приведенных данных, Китайская Народная Республика достаточно активно взаимодействует с Кавказским регионом. Есть все основания полагать, что текущие геополитические и геоэкономические процессы на Кавказе и, соответственно, увеличение его значимости в отношениях евразийских держав будут способствовать усилению активности Поднебесной на данном региональном направлении.

---

⁶⁰ См.: Внешняя торговля Республики Дагестан // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан [<http://dagstat.gks.ru/digital/region7/DocLib/Внешнеэкономическая%20деятельность.htm>].

ВОДНОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВ РЕГИОНА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ

Бахтияр БАКАС УУЛУ

*кандидат экономических наук, член Совета директоров,
председатель Комитета по аудиту ОАО «Дос-Кредобанк»
(Бишкек, Кыргызстан)*

Кадыржан СМАГУЛОВ

*магистр политологии, докторант
Казахского национального университета им. аль-Фараби
(Алматы, Казахстан)*

Введение

Вода в Центральной Азии (ЦА) во все времена была не только источником жизни, но и источником споров. Регион испокон веков является аграрным, и выращиваются тут в основном водоемкие рис и хлопок, однако увлажнение большей

части территории крайне недостаточное: испаряемость осадков в ЦА выше, чем в других водоемких регионах Земли. Отсюда недостаточная густота речных сетей: на пространствах пустынных равнин Центральной Азии она составляет 2 м на 1 кв. км, в то время как в северной половине русской равнины аналогичный показатель равен 300—350 м на 1 кв. км.

Лишь в горных районах количество осадков заметно увеличивается, соответственно, увеличивается и сток. Основные водные ресурсы контролируются Кыргызстаном и Таджикистаном: в сумме на эти страны приходится 80,7% общего стока региона. Обе республики используют воды рек для выработки электроэнергии, как для экспорта, так и для внутреннего потребления, тогда как Казахстан и Узбекистан — только в ирригационных целях. При этом Таджикистан и Кыргызстан увеличивают сброс воды в холодные зимние периоды, чтобы задействовать ГЭС в силу возрастания потребления электроэнергии. А летом, наоборот, сокращают сброс, пополняя объемы воды в водохранилищах, чтобы зимой вновь задействовать гидроэлектрический потенциал. Однако подобные действия приводят зимой к подтоплению территорий в Казахстане и Узбекистане, а летом — к дефициту поливной и питьевой воды. По оценкам отдельных экспертов, ежегодный совокупный экономический ущерб центрально-азиатским странам от затопления сельскохозяйственных угодий в зимнее и дефицита воды в летнее время составляет порядка 770 млн долл.¹

В бывшем СССР эту проблему пытались решить с помощью объединенной энергосистемы, в функции которой входил контроль и рациональное использование стока рек, а также распределение электроэнергии во избежание перегрузок сетей. Данная цель достигалась путем энергетического обмена: Казахстан и Узбекистан

поставляли в Кыргызстан и Таджикистан газ, уголь и нефтепродукты, а те, в свою очередь, отпускали воду в вегетационные периоды и снабжали Казахстан и Узбекистан электроэнергией. Слаженный энергетический обмен цементировал страны. Однако с распадом Советского Союза и разрывом хозяйственных связей страны региона остались один на один с водноэнергетическими проблемами.

В 1998 году независимые страны ЦА пытались решить проблему на основе рамочного соглашения между Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном о совместном и комплексном использовании водноэнергетических ресурсов Нарын-Сырдарьинских водохранилищ и Токтогульского гидроузла.

Следует отметить, что на сегодня использование общих водных ресурсов в ЦА переходит из разряда экономических в политические вопросы. Требуются общие интеграционные механизмы, первым из которых должно стать эффективное Соглашение о воде и энергетике². В свою очередь, интеграция помогла бы консолидировать усилия для улучшения социально-экономического положения в государствах региона, создать большой интегрированный рынок емкостью в 50 млн потребителей и зоны свободной торговли, повысить эффективность взаимных инвестиций, согласовать внешнеполитические действия.

Таким образом, страны ЦА находятся в тесной взаимной зависимости в вопросах использования водных ресурсов. Следует учесть, что в перспективе дефицит воды в регионе будет только нарастать вследствие роста численности населения, развития промышленного и сельскохозяйственного производства и увеличения площадей орошаемых земель³.

² См.: Смагулов К. Объединение водой и светом // *Vox Populi* (Алматы), 2008, № 2.

³ См.: Водноэнергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор Евразийского банка развития. Алматы, 2008. С. 4.

¹ См.: *Пармонов В.* Водноэнергетическая проблема Центральной Азии и политика России [<http://www.sfu-kras.ru/node/6759>], 21 февраля 2011.

Вода — истощающийся ресурс

По мнению экспертов Организации Объединенных Наций, в текущем десятилетии закончилась эпоха дешевого продовольствия. Это значит, что во всем мире усилится конкуренция за продукты питания и истощающиеся источники его производства. В ЦА это сигнал к обострению борьбы за контроль над водными ресурсами региона. К данному фактору добавляется изменение климата, подтверждаемое результатами стационарных наблюдений и многочисленными научными исследованиями.

Согласно данным гидрологических ежегодников национальных гидрометеорологических служб (Главгидрометов), средняя арифметическая величина суммарного стока по бассейну Аральского моря за период наблюдений (1911—2000 гг.) составляет 112,609 куб. км/год, в том числе 77,093 куб. км/год — по бассейну Амударьи и 34,076 куб. км/год — по бассейну Сырдарьи⁴. Оценка среднемноголетнего стока позволяет достаточно четко выделить три 19-летних цикла за период с 1934 года по 1992 год в районе бассейна Амударьи и шесть 12-летних циклов за период с 1928 года по 1997 год на Сырдарье. Величина среднемноголетнего стока, рекомендуемая Научно-информационным центром Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии ЦА (НИЦ МКВК) для бассейна реки Амударья — 79,280 куб. км/год; для бассейна реки Сырдарья — 37,203 куб. км/год⁵. Годовые показатели водных ресурсов вследствие колебаний водности изменяются от маловодных лет до многоводных, варьируются в следующих пределах: по Амударье — от 58,6 куб. км до 109,9 куб. км, по Сырдарье — от 23,6 куб. км до 51,1 куб. км.

В прошлом веке сложилась неблагоприятная экологическая обстановка, связанная с чрезмерным изъятием стока рек. Так, все Приаралье объявлено зоной экологического бедствия, так как изъятие стока из питающих его рек Амударьи и Сырдарьи превышает 90% нормы годового стока. Согласно мировым данным, если за период с 1900 по 1950 год среднее увеличение водопотребления за десятилетие составляло 156 куб. км, то с 1950 по 1960 год — 630 куб. км, то есть возросло в 4 раза, а в последующие годы возрастало на 800—1 000 куб. км за десятилетие.

С тенденцией потепления климата связан устойчивый интенсивный процесс сокращения поверхности ледников. По прогнозам, к 2025 году площади ледников в Кыргызстане сократятся на 30—40%, что приведет к уменьшению водности на 25—35%⁶. Согласно данным Института гидроэнергетики Национальной академии наук Кыргызстана, ледники в настоящее время отступают в три раза быстрее, чем в 1950-х годах. По отдельным исследованиям, ледники отступают на 50 м в год. При сохранении таких темпов в Кыргызстане полностью исчезнут все мелкие ледники и останется лишь несколько крупных. Пик таяния и, следовательно, стока местных рек придется примерно на 2020—2030-е годы, и затем объем стока может уменьшиться на 40%. Если таяние ледников будет столь же интенсивным, как сейчас, то примерно через 20 лет ЦА окажется на грани экологической катастрофы.

Строительство в прошлом веке Токтогульской ГЭС с 215-метровой железобетонной плотиной позволило образовать водохранилище многолетнего регулирования с объемом вод 19,5 млрд куб. м. Это дало возможность значительно повысить водообеспеченность

⁴ См.: Поверхностные воды [http://www.cawater-info.net/bk/water_land_resources_use/docs/water_res.html], 21 февраля 2011.

⁵ Официальный сайт Научно-информационного центра Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии (НИЦ МКВК) [<http://sic.icwc-aral.uz/>], 21 февраля 2011.

⁶ См.: Ситуационный анализ [http://gef.undp.kg/main1_r.html], 21 февраля 2011.

потребителей в бассейне реки Сырдарья и увеличить площади орошаемых земель в Казахстане и Узбекистане на 400 тыс. га, а на площади 918 тыс. га повысить обеспеченность поливной водой с 70 до 90%. Однако таяние ледников и в итоге снижение уровня стока рек могут катастрофически отразиться на сельскохозяйственной деятельности в Казахстане и Узбекистане.

Риски

Ни Кыргызстан, ни Таджикистан не способны самостоятельно построить такие крупные заявленные объекты, как Камбар-Атинские и Рогунская ГЭС. Это связано с множеством факторов — слабостью данных государств, отсутствием постоянных и долгосрочных источников финансирования, недостатком квалифицированных кадров и опыта, жестким противодействием соседних стран. Внешние же инвесторы не стремятся вкладываться в них, чему есть ряд объективных причин: нестабильность политической ситуации, высокий уровень коррупции, угроза потери инвестиций.

Пример строительства Камбар-Атинской ГЭС-2 показывает, что в нынешних условиях невозможно построить и сдать в эксплуатацию генерирующую станцию, удовлетворяющую всем требованиям по безопасности, экологическим требованиям и нормативам окупаемости средств. Так, ориентировочная стоимость работ на ГЭС составила 270 млн долл., а при строительстве первого энергоблока было затрачено более 200 млн долл., из которых 26 млн долл. было украдено, что естественным образом отразилось на качестве. Уже сейчас всплывают факты недостаточно качественного проведения взрывных и строительных работ, что сказывается на росте рисков прекращения работы ГЭС.

Согласно технологическим требованиям, Камбар-Атинскую ГЭС-2 необходимо было строить после или одновременно с Камбар-Атинской ГЭС-1, так как существует риск очень быстрого вывода ее из строя из-за заиливания. В свою очередь, проект строительства Камбар-Атинской ГЭС-1 является крупнейшим из всего каскада Камбар-Атинских ГЭС с установленной мощностью 1 900 мВт и ориентировочной стоимостью 1,7 млрд долл. В соответствии с проектом, плотина будет построена путем направленного взрыва, что может привести к риску изменения структуры земной коры.

Риск экологической катастрофы, наводнений, обмеления водотоков грозит существенным ухудшением отношений между Кыргызстаном и Таджикистаном, с одной стороны, и Казахстаном и Узбекистаном — с другой. Если последний еще сможет компенсировать потери воды в вегетационный период, то Казахстан фактически не получит поливной воды. С учетом увеличения Китаем водозаборов на Иртыше и Или, грозящих высыханием озер Балхаш и Зайсан, уменьшение притока Сырдарьи скажется на Казахстане самым худшим образом.

Сегодня уже понятно, что главной причиной возникновения проблем является неэффективное и коррумпированное управление. Негативную роль играет и нежелание правительств соседних стран понять предназначение Токтогульского водохранилища, которое было построено в советские годы как часть единого регионального комплекса и за функционирование которого предусматривалось возмещение в виде компенсационных поставок альтернативных энергоносителей. Ведь это целая цепочка взаимосвязанных проблем. Каждая страна преследует собственные национальные интересы, поэтому единственное решение — нахождение компромисса, каждая из сторон должна идти на уступки.

Политические маневры региональных государств

Нагнетание напряженности в отношениях Узбекистана с Таджикистаном и Кыргызстаном привело к тому, что 1 декабря 2009 года Ташкент официально объявил о выходе из Объединенной энергетической системы ЦА (ОЭС), из которой еще в 2003 году вышел Туркменистан. После этого Таджикистан перестал получать туркменскую электроэнергию (1,2 млрд кВт/ч), так как она проходила по линиям электропередачи Узбекистана, и оказался в полной энергоизоляции. В Кыргызстане же около трети энергопотребителей оказались в полной электроэнергетической изоляции. При этом следует отметить, что Узбекистан на протяжении всего периода независимости целенаправленно проводил политику по формированию собственной энергобезопасности. Так, в 2009 году была введена в эксплуатацию линия электропередачи (ЛЭП 500 кВ) по маршруту «подстанция Гузар — подстанция Сурхан», которая позволила подавать электроэнергию в Сурхандарьинскую область напрямую, в обход Таджикистана, и увеличить экспорт узбекской электроэнергии в Афганистан до 300 МВт. В будущем Узбекистан планирует привлечь в электроэнергетику 3,5 млрд долл. инвестиций⁷.

Следует однако отметить, что непосредственно перед выходом Узбекистана из ОЭС посол РФ в Таджикистане Шоислам Шокасымов сообщил таджикским властям, что Ташкент готов продолжить с Душанбе сотрудничество в энергетической сфере на основе двусторонних межправительственных соглашений. Таким образом, очевидно, что Узбекистан не стремится к интеграционным процессам, а придерживается двустороннего формата отношений с соседями. По мнению некоторых экспертов, это связано с тем, что интеграционные объединения требуют делегирования суверенитета наднациональным органам, чего нынешний президент РФ Ислам Каримов делать не желает. Вспомним хотя бы нежелание Ташкента участвовать в ЦАС, выход из ЕвразЭС. Другой причиной является соперничество Узбекистана и Казахстана — и персонально Ислама Каримова и Нурсултана Назарбаева — за лидерство в ЦА. Очевидно, что при создании интеграционного объединения лидирующую роль будет играть не Узбекистан, а экономически более мощный Казахстан.

Сразу вслед за выходом Узбекистана из ОЭС казахстанская дипломатия активизировала действия по созданию энергокольца вокруг Узбекистана. Так, была достигнута договоренность о создании совместной с Кыргызстаном объединенной энергосистемы, к которой впоследствии присоединился и Таджикистан. Казахстан заявил, что построит линию электропередачи Кемин (Кыргызстан) — Алматы общей стоимостью 140 млн долл. В связи с этим между правительствами РК и КР был подписан протокол о строительстве высоковольтной ЛЭП из Кыргызстана в Казахстан⁸, согласно которому планируемой датой завершения разработки ТЭО является 30 июня 2012 года. Параллельно в правительстве Казахстана стало обсуждаться строительство нового координационного диспетчерского центра «Энергия II» в Алматы в противовес ташкентскому КДЦ «Энергия»⁹. Более детальное рас-

⁷ См.: Узбекистан планирует привлечь в электроэнергетику \$3,5 млрд инвестиций [http://www.fergananews.com/news.php?id=13410], 21 февраля 2011.

⁸ Вопрос строительства ЛЭП 500 кВ Кемин — Алматы обсуждается Министерством энергетики КР, ОАО «НЭС Кыргызстана», Министерством индустрии и новых технологий Республики Казахстан, АО «KEGOC» в рамках протокола встречи кыргызской и казахстанской рабочих групп по рассмотрению вопросов двустороннего сотрудничества и оказанию помощи КР от 14 июля 2010 года [http://www.akipress.kg], 21 февраля 2011.

⁹ См.: Доклад Саткалиева А.М. — Президента АО «KEGOC»: «Аспекты международного сотрудничества в сфере развития магистральной инфраструктуры энергетического комплекса» [http://www.kazenergy.com], 21 февраля 2011.

смотрение этих решений показывает, что строительство подстанции Датка недалеко от Джалал-Абада (Кыргызстан) позволит выдавать ей напрямую всю электроэнергию с нижнего каскада ГЭС — Курпсайской, Ташкумырской, Шамалдысайской и Уч-Курганской — в обход Узбекистана¹⁰. Также Бишкек подписал с Китаем соглашение по проекту «Датка — Кемин», согласно которому линия в 500 кВ пройдет от подстанции Датка через Камбар-Атинские ГЭС-2 и ГЭС-1 в сторону Нарынской области до подстанции Кемин, что улучшит электроэнергетическое обеспечение севера Кыргызстана. В свою очередь, казахстанская сторона присоединилась к данным проектам и спонсирует строительство ЛЭП Кемин — Алматы, а Таджикистан планирует строительство линии от Датки до Худжанда с выходом на Афганистан. При этой схеме энергосистемы Таджикистана, Кыргызстана и Казахстана будут работать параллельно с ЕЭС России, а диспетчеризацию перетоков электроэнергии и мощности будет осуществлять новый КДЦ «Энергия II» в Алматы.

По мнению старшего научного сотрудника Института международных исследований МГИМО МИД России Л. Гусева, создание новой центральноазиатской энергетической системы выгодно Таджикистану, так как уменьшит его зависимость от Узбекистана, учитывая, что в 2009 году уже была запущена ЛЭП «Юг — Север», соединившая северную и южную части Таджикистана в обход Узбекистана¹¹.

Другим направлением деятельности казахстанского правительства стало обсуждение возможности ввода в действие ТЭС на богатом кыргызском угольном месторождении Кара-Кече, разведанные запасы которого оцениваются примерно в 4 млрд т¹². Возведение данного объекта с предполагаемой мощностью в 1 200 МВт и перспективой роста до 2 400 МВт будет завершено в течение четырех лет. Более того, эта станция позволит разгрузить каскад Токтогульских ГЭС в зимний период и накапливать там воду для более рационального использования в весенне-летний период. Это благоприятно скажется на обеспечении водой и устранении дефицита электроэнергии в южных областях Казахстана.

Однако наиболее ценным для Астаны является возможность создать посредством участия в строительстве Кара-Кечинской ТЭС и сооружения линий электропередачи от Токтогульской ГЭС через Кара-Кечинскую ТЭС до Иссык-Куля новое энергетическое кольцо ЦА, работа которого будет координироваться с КДЦ «Энергия-II» в Алматы. Ранее Казахстан завершил строительство Коксарайского контррегулятора и планирует возвести комплекс машинной водоподдачи на казахстанском участке канала Достык. Тем самым удастся решить по меньшей мере две проблемы: Во-первых, обезопасить от подтопления населенные пункты в русле Сырдарьи и, во-вторых, самостоятельно контролировать попуски воды из Шардаринской ГЭС по каналу Достык, что повысит выработку электроэнергии и позволит расширить посевные площади и, следовательно, в определенной мере обеспечить продовольственную безопасность.

Внешние игроки

Несмотря на упомянутые стремления Астаны, следует понимать, что ни одна из ведущих держав, имеющих свои интересы в ЦА (Россия, Китай, США, Иран) не заинтересо-

¹⁰ См.: ЛЭП Датка — Кемин обеспечит электроэнергией север Кыргызстана [<http://www.tokmak.kg/nevkg/ekonomkg/5458-lyep-datka-kemin-obespechit-yelektroyenergiej.html>], 21 февраля 2011.

¹¹ См.: Жаворонкова В. Объединенная энергосистема в Центральной Азии выгодна для Таджикистана — эксперт Леонид Гусев [<http://ru.trend.az/print/1640529.html>], 21 февраля 2011.

¹² См.: Карыбеков Э., Доскали Н. Новая модель Объединенной энергосистемы Центральной Азии: Монография. Алматы, 2009. С. 31.

вана в объединении стран региона. Ведь нынешняя разобщенность стран региона, нарастание противоречий между ними — хорошее подспорье для продвижения их долгосрочных стратегических интересов в ЦА. Так, США активно продвигают проект «Центральная Азия — Южная Азия» («CASA-1000»), цель которого — создание системы передачи электроэнергии из Кыргызстана и Таджикистана в Афганистан и Пакистан¹³. Более того, Афганистан будет иметь вторичную выгоду, взимая плату за транзит энергии, экспортируемой в Пакистан¹⁴. Реализацией данного проекта Вашингтон стремится решить сразу три задачи: не дать возможности странам Центрально-Азиатского региона интегрироваться; посредством транзита электроэнергии по территории Афганистана пополнить афганский бюджет, что позволит увеличить расходы на переход к мирной жизни; увеличить энергопоставки в Пакистан. Россия стремится интегрировать страны ЦА под своим руководством через механизмы ЕврАзЭС, СНГ и ОДКБ. Китай, противодействующий созданию крупного мусульманского интеграционного объединения в непосредственной близости от своих границ, пытается вести свою политику посредством ШОС. Одновременно Пекин стремится помешать объединению государств ЦА, участвуя в разрешении водноэнергетических вопросов, решая при этом и свои внутренние проблемы. В частности, Китай участвует в строительстве малых ГЭС в Кыргызстане, чтобы обеспечить свои западные провинции электричеством; параллельно вдоль линий электропередачи строятся железные и автомобильные дороги в Кыргызстан; таким образом Китай привязывает Бишкек к себе.

С 2006 по 2009 год в Таджикистане с помощью Китая были построены две линии электропередачи: ЛЭП-100 и ЛЭП-500, которые соединили страну с электроэнергетической системой КНР. Выйдя в 2003 году из ОЭС, энергосистема Туркменистана работает в параллели с энергосистемой Ирана. Однако параллельная работа энергосистем государств ЦА с внерегиональными странами ведет к увеличению зависимости этих государств, так как у внешних сил появляются рычаги давления на них.

Вместо заключения

Из-за несовпадения интересов региональных стран, усиливаемого действиями внешних игроков, говорить об интеграции стран и общем решении водноэнергетических проблем сегодня не приходится.

Кыргызстан и Таджикистан, по всей видимости, продолжат безуспешные попытки строительства крупных ГЭС и получения с других региональных стран платы за воду. Со своей стороны, Узбекистан будет стремиться всячески блокировать подобные инициативы, в том числе и через использование многосторонних структур.

В данном случае ключевыми станут действия Казахстана, который, приняв либо одну, либо другую сторону, может серьезно повлиять на развитие ситуации. Так, если Астана примет сторону Узбекистана, это усилит разобщенность региональных стран в вопросе водопользования и развития электроэнергетики. В случае принятия позиции Кыргызстана и Таджикистана, с учетом заинтересованности России в вопросах строительства ГЭС, Казахстан имеет все шансы стать ключевым участником и модератором в вопросах управления водными ресурсами в ЦА. Он может создать водноэнергетическое

---

¹³ См.: Эргашева З. Таджикистан из-за холостого сброса воды из Нурекского водохранилища потерял \$150 млн [<http://news.tj/ru/news/tadzhikistan-iz-za-kholostogo-sbrosa-vody-iz-nurekskogo-vodokhranilishcha-poteryal-150-mln>], 21 февраля 2011.

¹⁴ См.: Выступление помощника госсекретаря США Роберта О. Блейка-младшего (Университет Райса, 19 января 2011 г., Хьюстон, штат Техас) [<http://www.12.uz/ru/news/show/comments/5601/>], 21 февраля 2011.

кольцо вокруг Узбекистана, то есть в руках у Астаны окажется рычаг давления на Ташкент, действенное использование которого впоследствии будет способствовать созданию интеграционных объединений стран Центрально-Азиатского региона.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ АРМЕНИИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ

Амалия САРИБЕКЯН

*кандидат экономических наук,
член Совета Центрального банка Армении
(Ереван, Армения)*

Введение

Мировой финансовый кризис ярко высветил противоречия в социально-экономическом развитии Армении: как показали события, возникло множество рисков, связанных с появлением новых подходов к ведению хозяйства и глобальными изменениями, происходящими в мире.

Принятые антикризисные меры привели к некоторым положительным сдвигам, однако для обеспечения стабильного экономического роста и повышения уровня жизни этого недостаточно. Необходим переход на качественно новую ступень экономического роста, что предполагает проведение активной политики, *основанной на применении новых критериев*. Особое место в решении данной проблемы занимает определение новой отправной точки экономического развития, а также выявление возможных (или оптимальных) альтернативных решений и правильное установление приоритетов.

Для успешного решения стоящих перед республикой задач необходимо в первую очередь полностью выявить реальные возможности для увеличения национального потенциала, что предполагает пересмотр существующей системы ценностей и переоценку имеющихся ресурсов.

К сожалению, в Армении наблюдается большой разрыв между идеями и их воплощением в жизнь, что препятствует самоорганизации народа; необходимо переосмыслить восприятие исторического прошлого. Народу нужна философия, основанная не только на материальном фундаменте, но и на культурных и, прежде всего, нравственно-психологических ценностях.

Именно с этой точки зрения особенно важно определить приоритетные направления развития национального потенциала с учетом способностей и возможностей самоорганизации нации и наметить пути наиболее эффективного внедрения новой социально-экономической политики.

Комплексные подходы к развитию экономики в посткризисных условиях

Если судить по уровню и темпам экономического развития, можно утверждать, что Армения вышла из кризиса, хотя еще осталось много нерешенных задач. Однако кризис создает не только проблемы, но и новые возможности для успешного и динамичного развития экономики.

Современный период экономического развития Армении требует принципиально новых взаимосвязанных подходов, предполагающих следующее:

*максимальное осмысление предстоящих действий и возможностей →
установление приоритетов развития экономики → выработка эффективных
путей их реализации → выбор оптимальных вариантов развития →
их последовательная реализация.*

Кроме того, требуется комплексное осуществление мероприятий (см. блок-схему на рис. 1).

Как видно из блок-схемы, с переходом на каждый последующий этап необходимо постоянно корректировать предстоящие действия и отправные точки, являющиеся стартовыми для решения последующих задач, а также устанавливать новые приоритеты и цели развития, стратегические подходы и очередность необходимых мероприятий.

Приведенная схема позволяет определить, какие достижения имеются на каждом новом этапе экономического развития и в каком направлении следует двигаться дальше, каковы стартовые условия и возможные пути осуществления стоящих задач, каким образом будут решаться те или иные проблемы, каков потенциал страны, какие из альтернативных вариантов предпочтительнее и т.п.

Одной из важнейших задач является *определение стартовых условий для перехода на каждый последующий этап и установление нового ориентира развития*: неверный выбор отправной точки может привести к негативным результатам.

Следует также принимать во внимание, что каждая страна сама определяет цели своего будущего развития: одни пытаются сохранить достигнутый уровень, другим необходимо переходить к следующему этапу, третьи считают важным не сбиться с избранного пути и/или не отстать и т.д.

Основополагающую роль в успешном решении стратегических экономических задач играет правильный учет *связи «цель — ресурсы» и их взаимовлияния*.

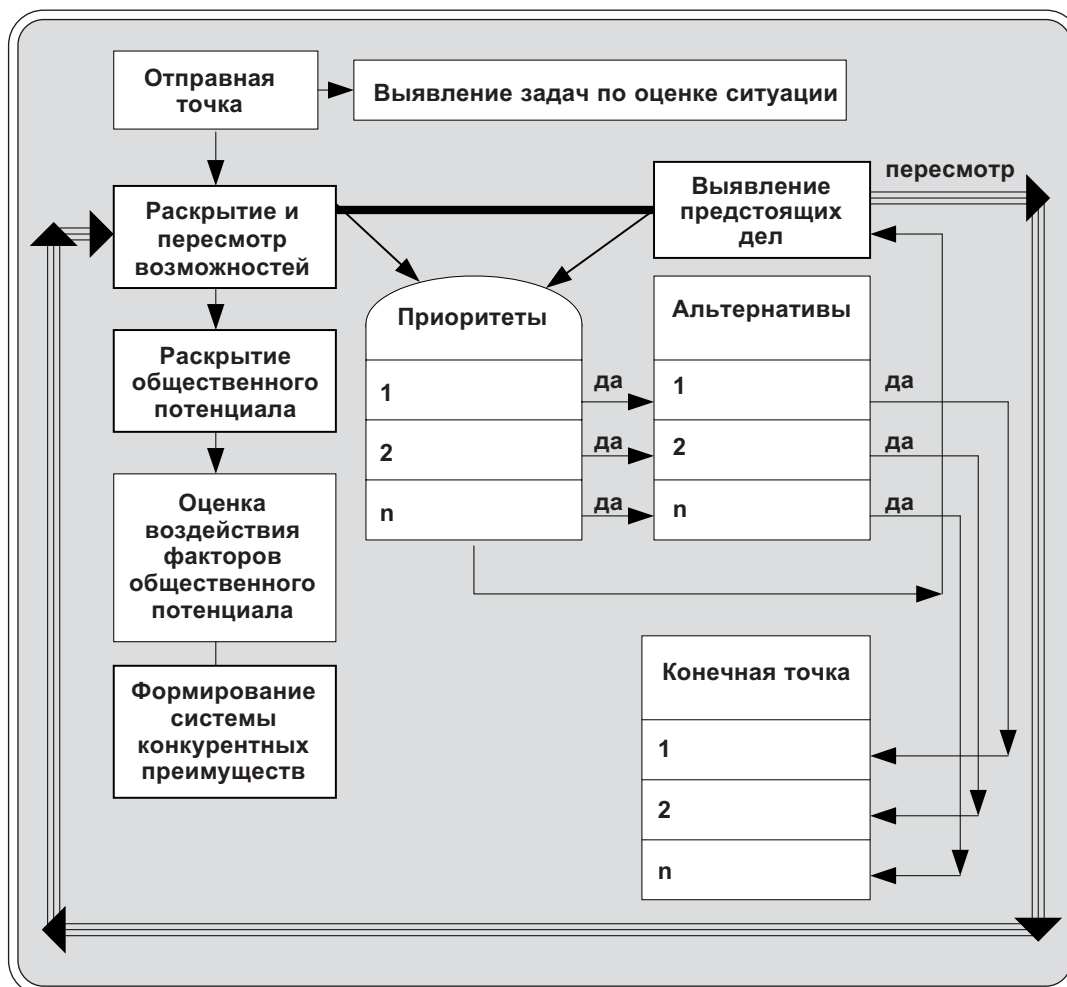
Чрезвычайно важно также правильно оценить классическую связь «цель — управляемые переменные — ресурсы». Тот факт, что выбор цели влияет на выбор используемых средств (ресурсов), вполне очевиден; менее очевидна обратная зависимость: влияние наличных ресурсов на постановку целей. Между тем хорошо известный принцип «по одежке протягивай ножки» вполне применим и к данному случаю.

С другой стороны, подобный «суровый» подход может помешать социально-экономическому прогрессу: он требует ставить амбициозные цели и не жалеть ресурсов для их достижения. А заведомая ориентация на ограниченные ресурсы заставит снизить значимость и масштабность целей.

Серьезной предпосылкой эффективного развития является *правильное выделение приоритетов экономического развития и четкое определение их очередности*. Приоритеты

Рисунок 1

Целостная система социально-экономического развития

должны определяться, исходя из конкретной ситуации; кроме того, их может быть и несколько.

Ситуация может потребовать пересмотреть установленные приоритеты или вовсе отказаться от них; не исключается также вариант, при котором их реализация может быть отложена или, наоборот, ускорена.

Разнообразие приоритетов и их очередность могут быть обусловлены количеством и характером использования имеющихся в стране ресурсов; зачастую для успешного экономического развития необходима их экономия. Выбор приоритетов может быть основан на представлениях о том, что именно необходимо для модернизации экономики, или на культуре, являющейся важным источником национальных ресурсов; значительную роль в развитии страны играют образование, человеческий капитал и т.д.

Несомненно, что экономические приоритеты должны отражать, с одной стороны, общие системные характеристики и глобальные процессы, а с другой — состояние и процессы национальной экономики.

Первоочередное значение имеют задачи, обеспечивающие достижение национальных интересов; так, правильный выбор оптимального варианта развития экономики позволит Армении полностью интегрироваться в мировое хозяйство.

Для эффективного претворения в жизнь выбранных целей и приоритетов необходимы соответствующие механизмы; в частности, немаловажную роль в достижении таких целей сможет сыграть система мобилизационной экономики.

Мобилизационная экономика представляет собой систему общественно-экономических отношений, основанную на действии механизма, который в первую очередь обеспечивает:

- максимальное выявление и целевое размещение материальных и нематериальных ресурсов;
- максимальное использование этих ресурсов;
- четкое определение целей и приоритетов развития и постоянный контроль за выполнением поставленных задач;
- модернизацию экономики и прогресс (как результат вышеперечисленного).

Мобилизационная экономика предполагает применение новых, нетрадиционных подходов; при непосредственном участии государства осуществляется политика максимального выявления и целевого использования всех национальных ресурсов (историко-культурных, умственных, психологических, финансовых и природных).

Одним из достаточно эффективных методов управления является также **синергетика**, которая может стать серьезным источником новых возможностей обеспечения ресурсами. Синергия — это эффект от взаимодействия и взаимного усиления совместно используемых ресурсов разного рода, который может оказаться гораздо выше, чем результат простого сложения потенциала всех компонентов данной системы.

Более того, синергетика способна выявлять универсальные механизмы управления и обеспечивать наиболее эффективную самоорганизацию; с помощью различного сочетания тех или иных составляющих национального потенциала она способна создавать гораздо более широкое пространство альтернатив.

Важнейшая предпосылка создания синергетического эффекта — оптимальное определение состава рабочей группы, распределение ролей внутри нее и пр. Важное место принадлежит также анализу условий достижения синергии, максимальному выявлению ресурсов, их целостному использованию и оценке их доступности.

Раскрытие и целевое использование социально-экономического потенциала как главное условие прогресса

В современных условиях действия, направленные на целостное и последовательное использование национального потенциала, могут серьезно помочь в выявлении возможностей экономического развития страны и дальнейшего прогресса¹.

---

¹ См.: Управление изменениями (Серия — «Классика Harvard Business Review»). М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. С. 20, 52; *Хакен Г.* Информация и самоорганизация. М.: Мир, 1991. С. 27; *Hidalgo C., Klinger B., Barabasi A.-L., Hausmann R.* The Product Space and its Consequences for Economic Growth // Science Magazine, 2007. P. 193.

Это, в свою очередь, предполагает применение программно-целевого подхода в осуществлении политики, направленной на «бесперебойную деятельность экономической системы, и четкость снабжения ресурсами и коммуникациями, обеспечение равновесия в хозяйствовании, уточнение роли и значения государства...»²

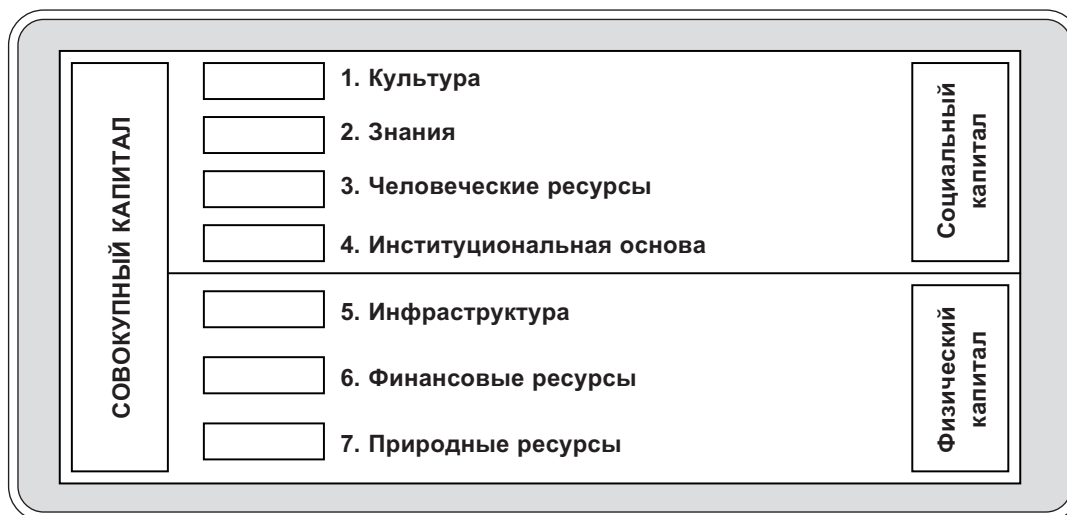
В свете рассматриваемого подхода первостепенное значение приобретает максимально полное раскрытие социально-экономического потенциала и его целостное использование.

Социально-экономический потенциал и его составляющие

Возможность проводить целостную и обеспеченную ресурсами инвестиционную политику зависит, в первую очередь, от максимального раскрытия и рационального использования социально-экономического потенциала страны. Социально-экономический потенциал представляет собой совокупность нематериальных и материальных ресурсов, к которым можно отнести духовный и культурный уровень нации, ее экономический и идеологический базис, способность общества к самоорганизации, а также образовательные, финансовые и природные возможности страны (см. рис. 2).

Рисунок 2

Составляющие социально-экономического потенциала

Общественно-экономический потенциал можно разделить на 7 основных групп; 4 из них предлагается условно отнести к социальному капиталу (культура, знания, человеческие ресурсы и институциональная основа), а остальные — к физическому. Социально-экономический потенциал формируется также на основании производных от вышеперечисленных составляющих (см. табл. 1).

² Маркосян А. Основные проблемы экономической безопасности. Ереван: Нораванк, 2005. С. 47.

Таблица 1

Содержание целостного потенциала

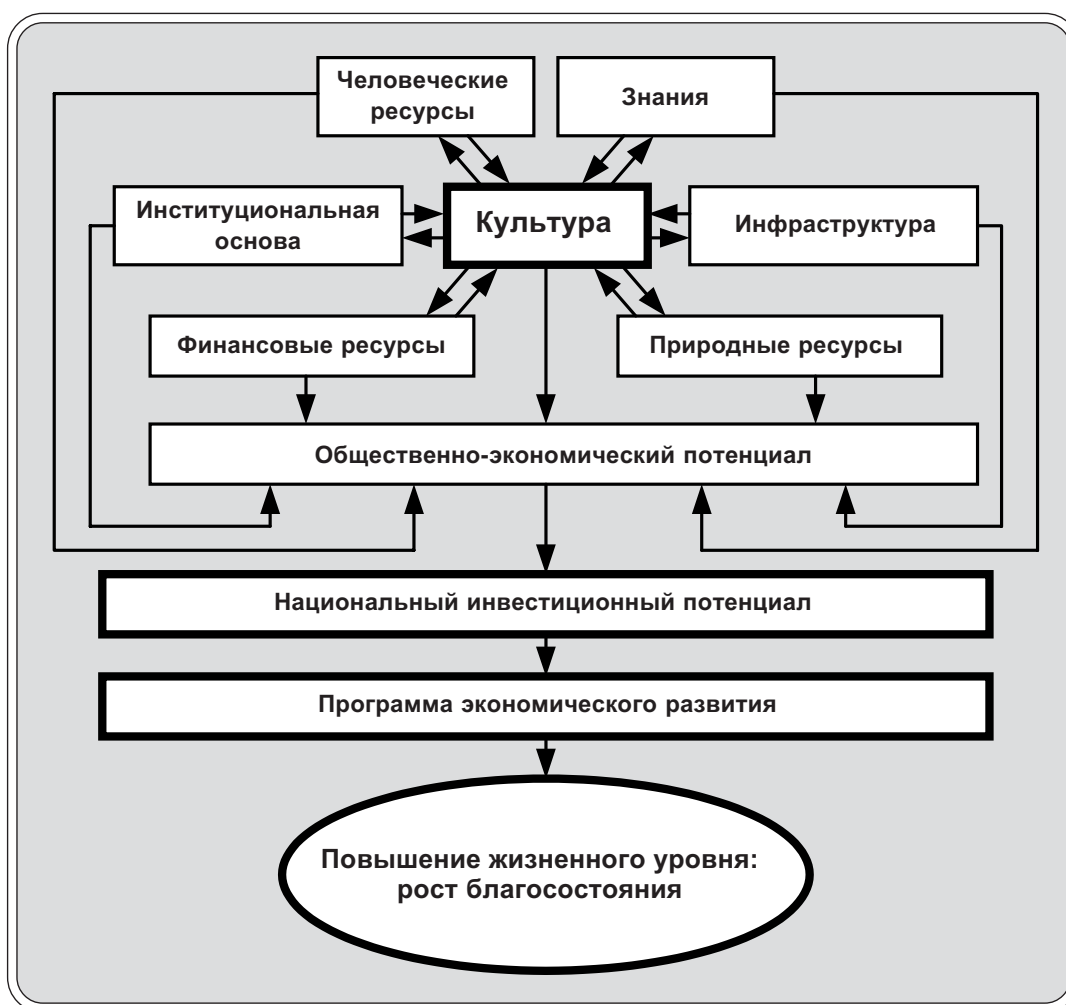
Социальный капитал	Культура	Искусство	Музыка, живопись, архитектура
		Нормы	Приемлемое поведение, традиции и прочее
		Национальная психология	Язык, созидательное отношение, доверие
	Человеческие ресурсы	Здоровье и демография	Физическое и умственное здоровье, структура населения по полу и возрасту
		Образование и переподготовка	Первичное, вторичное; среднее, высшее и т.д.
		Отношение и мотивация	Личная ответственность, ориентирующие действия
	Знания	Качественные и количественные данные	Статистика, мнения
		Концепции, программы	Теории, процессы
		Учебные заведения	Вузы, в том числе университеты, и прочее
	Институциональная основа	Здоровая, прозрачная система управления	Нетеневое, открытое управление
		Система правосудия	Прогнозируемость норм регулирования, защищенность права собственности и прочее
		Прилегающие структуры	ТПП, общественные организации, союзы
Физический капитал	Финансовый потенциал	Финансовая система	Рынки, институты, инфраструктура
		Частные структуры	Компании: ЗАО, ОАО, ООО, корпорации и прочее
		Общественные организации	Союзы, клубы, СПО и прочее
	Инфраструктура	Транспорт и коммуникации	
		Энергетика	
		Водоканал	
	Природные ресурсы	Рудно-сырьевая база	
		Окружающая среда	
		Месторасположение, погода и т.д.	

**Логика реализации
целостного национального потенциала**

Один из ключевых факторов экономического прогресса — слаженность и последовательность действий по реализации потенциала страны с учетом глобализации хозяйственной жизни, а также ресурсное обеспечение.

С этой точки зрения формирование целостного национального потенциала представляется достаточно сложной задачей: в этом процессе задействовано 7 переменных, и от того, насколько оптимально они будут сочетаться, зависит **экономическое развитие и благосостояние** страны, а также **формирование ее национального инвестиционного потенциала** (см. рис. 3).

Рисунок 3

При формировании целостного национального потенциала очень важно учитывать тесную взаимосвязь и взаимообусловленность всех его составляющих. Это, с одной стороны, затрудняет их целевое и гармоничное использование, а с другой — спо-

способствует максимально целостному формированию национального инвестиционного потенциала, эффективному определению экономических приоритетов и успешному достижению целей.

Немаловажен правильный выбор соответствующих международным критериям характеристик системы (структурных, сущностных, характеристик общественно-экономического потенциала и целостного национального потенциала экономического прогресса), которые в дальнейшем обеспечат бесперебойную деятельность хозяйственной системы страны.

С этой точки зрения довольно интересна характеристика сущностных особенностей социально-экономического потенциала Армении.

Социально-экономический потенциал Армении и первоочередные национальные задачи

Раскрытие социально-экономического потенциала представляет собой довольно сложный процесс: все семь его составляющих под воздействием различных факторов постоянно изменяются качественно и количественно³. Причем в зависимости от конкретных целей и приоритетов, а также сроков реализации намеченных задач (в рамках краткосрочных, среднесрочных или долгосрочных программ) относительная важность каждого из семи видов капитала⁴ и очередность мероприятий по их использованию могут меняться.

В этой связи необходимо правильно оценивать ценностно-системную основу каждого периода и определить «формулу» национальной самоорганизации; в противном случае последствия могут быть необратимы (нация может просто-напросто исчезнуть).

Во все времена существования армянского народа главнейшим приоритетом национальной самоорганизации являлась семья. Но не наступило ли время для перехода к другим формам самоорганизации, каковыми являются сильное государство и здоровая нация?

Здесь весьма показателен пример евреев, которые, потеряв государственность, сохранили свою национальную самоорганизацию и благодаря этому всегда занимали особое место среди других народов, доказывая свою жизнеспособность.

С другой стороны, в США роль семьи и нации как элементов самоорганизации весьма невелики, зато сильны позиции государства.

В качестве назидательного примера можно привести образ жизни японцев, который полностью соответствует системе их национальных ценностей: эта система внедрена в

---

³ Например, в результате некоторых глобальных тенденций (в частности, повышения длительности жизни) возможности для получения образования увеличились, что, в свою очередь, оказало существенное воздействие на развитие технологий, производительность труда и процесс создания материальных благ. В результате некоторых изменений экономической философии командно-административная система уступила место рыночной экономике, а это, в свою очередь, привело к ускорению кругооборота мировой торговли, расширению новых рынков и распространению глобальных процессов. Быстрыми темпами стала развиваться финансовая система, что привело к нарушению равновесия между реальным и финансовым секторами, спровоцировало кризис и т.д. Таких взаимосвязанных и взаимообусловленных причинно-следственных цепей много, однако более подробно рассматривать обозначенные вопросы в рамках данной работы нецелесообразно.

⁴ Капитал — использованный ресурс, ставший составной частью национального инвестиционного потенциала.

семейные, общественные и, что еще более интересно, в экономические отношения. Японский бизнес полностью построен на основе религиозной идеологии, а корпоративное управление — на национальных традициях, взаимном доверии и общих интересах; «правила игры» для всех одинаковы.

Может быть, и Армении стоит перейти к формуле «крепкая семья — сильное государство — сильная нация»?

Национальные приоритеты социально-экономического потенциала

Глобализация и социально-экономическое развитие в разных странах нередко принимают разные формы, так как базируются на различных идеологических основах и формулах самоорганизации. Более того, в зависимости от конкретного периода и ситуации развитие может по-разному происходить и в одной и той же стране. Это обусловлено в первую очередь особенностями социально-экономического потенциала, а также количественными и качественными особенностями отдельных составляющих национального инвестиционного потенциала.

В условиях посткризисного развития способность государства к продуктивному и эффективному использованию социально-экономического потенциала может обеспечить дальнейший прогресс страны.

Результаты опроса о национальных приоритетах социально-экономического потенциала Армении

В течение почти 10 лет мы опрашивали студентов первого курса магистратуры экономического факультета Ереванского государственного университета по предмету «Общественное управление». Предметом опроса была оценка национальных приоритетов социально-экономического потенциала Армении и степени воздействия каждого из них на развитие страны. Выбор категории для опроса был обусловлен двумя обстоятельствами:

- Во-первых, на наши вопросы отвечали именно те, кому в недалеком будущем предстоит самим принимать решения относительно различных компонентов социально-экономического потенциала;
- Во-вторых, ежегодный опрос студентов-первокурсников одного учебного заведения и одной и той же специальности позволяет проводить панельные исследования, прослеживая изменения во времени.

Как видно из табл. 2, опрос дает весьма интересные результаты.

Высшие оценки получили научно-образовательный потенциал и человеческий капитал. Оценки эти оставались в течение обозреваемого периода достаточно устойчивыми (в пределах 0,7—0,8 и 0,6—0,8 соответственно); менее важной респонденты сочли роль физического капитала. Причем на протяжении всего опроса оценки принципиально не менялись (за исключением оценки природных ресурсов); в частности, финансовым ресурсам было выставлено 0,2—0,3, а инфраструктуре — 0,20—0,35.

Таблица 2

Оценки социально-экономического потенциала
(2001—2010 гг.)
Целевая группа респондентов — экономисты,
обучающиеся в магистратуре
(«0» — низшая, «1» — высшая оценка)

	Культура	Наука	Человеческие ресурсы	Институционализм	Инфраструктура	Финансовый потенциал	Природные ресурсы
2001	0,35	0,70	0,60	0,63	0,35	0,26	0,61
2002	0,42	0,76	0,56	0,62	0,25	0,34	0,55
2003	0,49	0,75	0,65	0,63	0,30	0,22	0,47
2004	0,48	0,74	0,76	0,63	0,26	0,15	0,48
2005	0,41	0,72	0,55	0,60	0,31	0,33	0,58
2006	0,65	0,82	0,63	0,61	0,26	0,21	0,32
2007	0,64	0,83	0,68	0,60	0,26	0,24	0,24
2008	0,69	0,72	0,76	0,51	0,22	0,36	0,24
2009	0,72	0,69	0,80	0,47	0,30	0,33	0,18
2010	0,80	0,77	0,79	0,44	0,23	0,33	0,17

Весьма интересна динамика оценки респондентами некоторых из факторов, влияющих на формирование национального потенциала (см. рис. 4).

Например, в 2010 году оценка роли природных ресурсов снизилась по сравнению с 2001 годом с 0,61 до 0,17, а культуры, наоборот, повысилась — с 0,35 до 0,80. Неприятной неожиданностью явилось факторное изменение оценки институционального капитала (оценка его роли снизилась с 0,63 до 0,44); вполне возможно, что подобное изменение связано с реалиями общественной жизни.

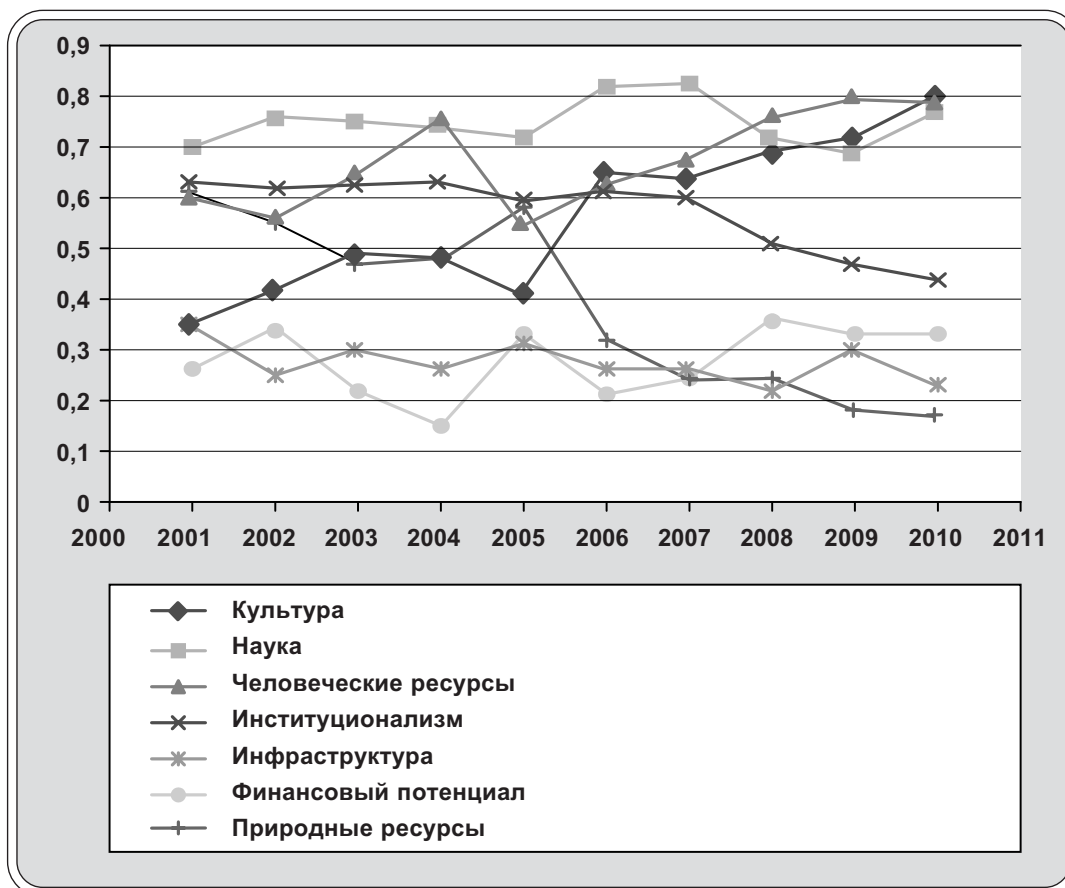
Вероятно, институционализм рассматривается в качестве производной от историко-культурного капитала и национальной психологии, которая считается наиболее важным фактором, влияющим на остальные.

Опрошенные магистранты отдают предпочтение культуре и национальной психологии, рассматривая историко-культурные и нравственно-психологические ценности в качестве основы потенциала развития страны: «Если сегодня мы не сможем совершить прорыв в нравственно-психологической сфере, прогресс в остальных сферах будет затруднен».

Таким образом, на сегодняшний день наиболее важным является *социальный потенциал*, а также его способность к самоорганизации; необходимо также учитывать важную

Рисунок 4

Динамика оценок различных составляющих
социально-экономического потенциала
(2001—2010 гг.)
(«0» — низшая, «1» — высшая оценка)

роль исторически сложившейся национальной психологии как важного фактора экономического развития и процветания народа.

В 2010 году в Армении был проведен новый опрос общественного мнения⁵, так как предыдущий (10-летней давности) не смог дать ответов на множество существующих вопросов; в результате были подтверждены некоторые оценки и выводы прежних опросов и внесена определенная ясность в понимание проблемы развития социально-экономического потенциала.

⁵ Генеральной совокупностью этого исследования были все домашние хозяйства республики (800 тыс.), единицей изучаемой совокупности — присутствующие в данной семье на момент опроса лица старше 18 лет. В выборку домашних хозяйств были включены все административные районы Еревана и города всех областей республики, а также сельские местности, специальным образом отбирившиеся для достижения максимальной репрезентативности.

Отбор домашних хозяйств был проведен с использованием метода стратифицированной случайной выборки: в городах с использованием одноэтапного, а в сельских местностях — двухэтапного отбора.

Сравнительные оценки, полученные в результате опроса двух генеральных совокупностей: магистрантов и населения в целом — продемонстрировали как сходство, так и определенные противоречия (см. табл. 3).

И население в целом, и магистранты дали самые высокие оценки научно-образовательному и человеческому капиталу.

Таблица 3

**Сравнительные оценки
социально-экономического потенциала
по отдельным группам респондентов (2010 г.)
(«0» — низшая, «1» — высшая оценка)**

Потенциал Группа	Культура	Наука	Человеческие ресурсы	Институциональная основа	Инфраструктура	Финансы	Природные ресурсы
Магистранты	0,80	0,77	0,79	0,44	0,23	0,33	0,17
Население в целом	0,40	0,74	0,69	0,56	0,24	0,62	0,24

Научно-образовательный капитал считают важным все респонденты независимо от возраста, доходов, уровня образования и места проживания; оценки колеблются в пределах 0,73—0,78.

Аналогичная картина наблюдается и в отношении человеческого капитала.

Особый интерес представляют оценки, которые обе группы дали культуре и природным ресурсам. Общественность «поставила» культуре всего 0,40, а оценка магистрантов — 0,80.

Причем если в случае с магистрантами основное факторное перемещение в течение 10 лет происходило между культурой и природными ресурсами с повышением оценок культуры, то население в целом при сравнительно низкой оценке культуры очень высоко оценило роль финансового фактора (0,62).

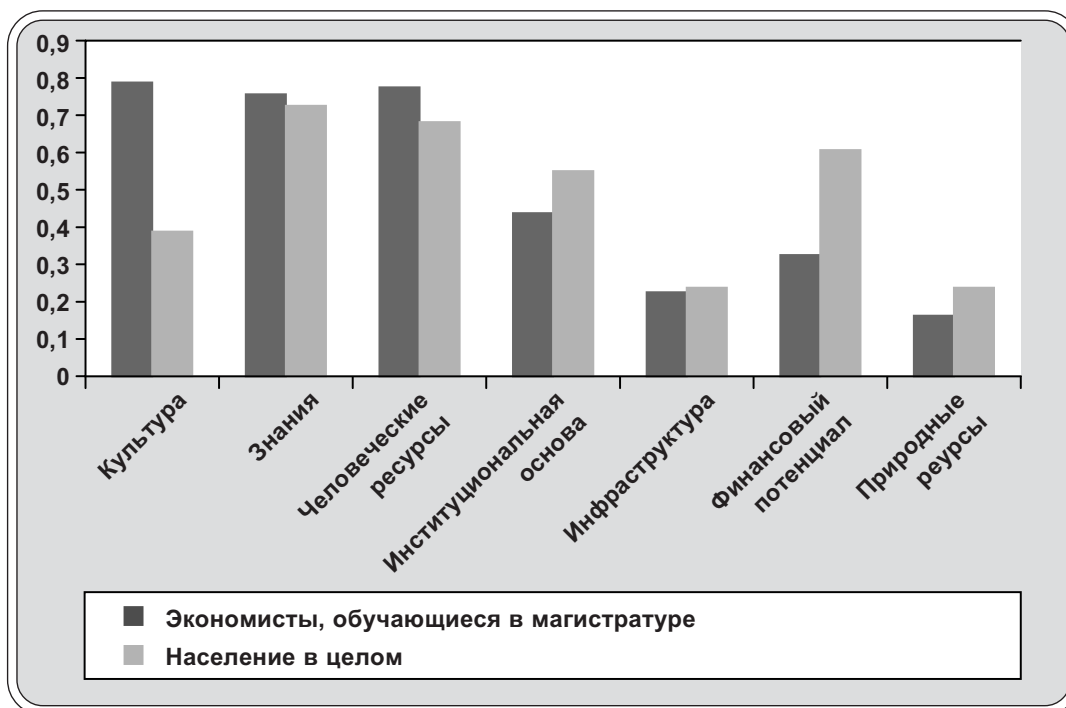
На сегодняшний день дефицит финансового капитала стал причиной многих проблем жизни населения страны, и вполне возможно, что восприятие населения окрашено этим обстоятельством. Магистранты же считают, что «при достаточном уровне образованности и информированности всегда можно найти свободные финансовые средства и необходимые механизмы и способы их привлечения».

Следует обратить внимание на низкие оценки, которые обе группы дали природным ресурсам (0,24 и 0,17 соответственно). Вероятно, здесь сыграло роль распространенное представление: «Природные ресурсы — это то, что нам дано как факт, это постоянная величина, и поскольку их прирост вряд ли ожидается, то следует больше думать об их наиболее эффективном использовании; вот тут-то и становятся важными факторы культуры, национальной психологии мышления и научно-образовательного капитала».

В результате обоих опросов так и не удалось ответить на все вопросы; кроме того, выявилось множество дополнительных проблем, решение которых может в дальнейшем обнаружить скрытые возможности и выработать новые подходы.

Рисунок 5

Сравнение результатов опроса
среди двух генеральных совокупностей
(«0» — низшая, «1» — высшая оценка)

Содержательные особенности национального инвестиционного потенциала и роль культуры

В проведенных исследованиях особый интерес представляют вопросы, касающиеся культуры (в узком смысле она рассматривается как собственно национальная культура, а в широком — как система мышления, образования и организации); в современных условиях глобализации традиционные представления о ней меняются.

Все более актуальным становится вопрос о роли и месте культуры в жизни общества, в первую очередь с точки зрения обеспечения ресурсами, необходимыми для общественно-экономического развития страны. Решение этой проблемы напрямую зависит от конкурентоспособности экономики, где решающую роль играет качество рабочей силы, то есть уровень знаний людей, занятых в материальном производстве («человеческий капитал»).

В понятие «человеческий капитал» входит способность человека (а также компании, предприятия или страны в целом) выполнять работу по созданию товаров, добавленной стоимости и услуг, необходимых для расширенного воспроизводства.

В наши дни культура является не только системным агрегатом материальных и духовных ценностей, но и привычной формой осуществления той или иной деятельности;

она внедрена в любую организационную структуру, в макро- и микросферы, и, естественно, в любой проект социально-экономического развития.

От уровня культуры экономической деятельности существенно зависит рост производительности труда; в наши дни управление даже самой маленькой организацией зависит не столько от материальных ресурсов, сколько от умения наиболее полно использовать потенциал персонала.

Следующим важным фактором развития и процветания страны является умственный потенциал нации, то есть *знания*; неслучайно в странах с высокой образованностью населения наблюдается устойчивая тенденция стабильного экономического развития.

Экономика, основанная на знаниях, уже давно стала стратегическим резервом и главным фактором производства. Инвестиции в человеческий капитал сегодня наиболее оправданны.

В передовых странах мира 75—85% ВВП обеспечивают не энергоносители, а экономика, основанная на знаниях, то есть от уровня национальной культуры во многом зависит развитие общества; на современном этапе именно научно-технологический и умственный потенциал определяют статус государства на международной арене, а также степень его интегрированности в международные структуры.

Среди приоритетов развития страны следует особо выделить *человеческий потенциал и человеческий капитал*; это обусловлено как демографическими особенностями, так и требованиями поддержания физического и духовного здоровья нации.

Четвертой составляющей национально-инвестиционного потенциала является *институциональная основа*. Если национальное мышление, образовательный потенциал и человеческий капитал в краткосрочной перспективе остаются относительно постоянными (хотя с течением времени могут трансформироваться), то институциональный потенциал более гибок, быстрее поддается преобразованию и совершенствованию. С другой стороны, институциональная основа во многом предопределяется той же культурой, в частности национальной психологией.

Среди *физических составляющих* социально-экономического потенциала первостепенным является капитал, связанный с состоянием *инфраструктуры*.

За ним следуют *финансовые ресурсы*; они не менее важны, однако в подавляющем большинстве стран мира имеются в избытке. При наличии благоприятной институциональной основы и привлекательной инвестиционной среды, а также при достаточной образованности и информированности населения всегда можно найти место, способы и формы привлечь этот ресурс.

Потенциал нации обусловлен также территорией, на которой она проживает, и ее *природными ресурсами*; обусловленный ими капитал изначально является постоянной величиной («что есть — то есть»). Для Армении вопрос максимального использования имеющихся ресурсов имеет первостепенное значение, так как в стране нет ни нефти, ни газа, а другие природные ресурсы очень скудны; поэтому делается упор на роль инфраструктуры и производственных мощностей, которые смогут помочь нации максимально проявить свой потенциал и осуществить прорыв в экономическом развитии. И вновь на первый план выдвигается национальная психология, образование, человеческий капитал и т. д.

Таким образом, для развития страны и процветания нации самым важным являются не экономические или финансовые ресурсы, а правильная самоорганизация, то есть максимальное выявление и мобилизация существующего потенциала (исторического, ценностного, умственного, психологического, финансового и ресурсного) и его сбалансированное использование.

Следует отметить, что отношение к государству отдельного индивида и общества в целом формируется на базе множества факторов: природных и финансовых ресурсов, национальных достижений в спорте, искусстве и науке, навыков и знаний людей, их успехов, удовлетворенности работой, счастливой жизни и др.

Вместо заключения

Таким образом, для дальнейшего повышения эффективности экономического развития одинаково важны и оценка существующей в стране ситуации, и выявление проблем, и максимально точное определение общественного потенциала и возможностей.

Каждая страна сама должна установить идеологическую основу своего развития и предложить формулу национальной самоорганизации. Правильная оценка общественного потенциала Армении и его грамотное целевое использование позволит модернизировать экономику и повысить ее конкурентоспособность, а также найти наиболее приемлемые альтернативные варианты развития, основанные на национальных особенностях и одновременно совпадающие с мировыми тенденциями.

Несомненно, любые изменения всегда порождают определенный дисбаланс в жизни и мышлении людей; происходит пересмотр и переоценка некоторых ценностей, подходов и норм.

Это означает, что необходимо быстро и гибко приспосабливаться к изменениям, происходящим в мировой экономике; для этого нужно обладать такими знаниями, ценностями и возможностями, которые в условиях изменившейся ситуации помогут институтам страны выработать новую стратегию.

Необходимо еще раз подчеркнуть особую роль культуры, созданной поколениями наших предков; она является неиссякаемым источником эффективного социально-экономического развития.

В этом контексте образовательный капитал также имеет особое значение, так как способность воспринимать, усваивать и эффективно использовать новые знания все больше и больше предопределяет весь экономический потенциал нации.

Таким образом, для усиления общественно-экономического потенциала Армении необходимо следующее:

- восстановление, сохранение и развитие культурных традиций, а также укрепление всей системы национальных ценностей посредством использования инновационных подходов;
- установление системной связи между культурой, образованием и наукой с целью обеспечения гармоничного развития каждого гражданина;
- обеспечение формирования информационных потоков как гаранта сохранения и развития национальной самобытности, а также включения в глобальные культурные процессы.

КИТАЙСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ В КАЗАХСТАНЕ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Константин СЫРОЕЖКИН

*доктор политических наук, профессор,
главный научный сотрудник Казахстанского института
стратегических исследований при Президенте РК
(Алматы, Казахстан)*

Введение

Оценивать уровень китайского присутствия в Казахстане, а главное, отношение к нему власти и общественного мнения — задача неблагодарная, хотя не только интересная, но и необходимая с позиций национальной безопасности. Давать такую оценку очень сложно, и не только из-за того, что вокруг этой темы существует множество мифов, но и потому, что часть материалов не доступна исследователю. Причем по совершенно непонятной для меня логике. Именно эта «секретность» зачастую порождает мифы, сопровождающие казахстанско-китайские отношения, и фобии по отношению к Китаю.

Еще хуже обстоят дела с информацией о крупных казахстанско-китайских проектах. Она полностью закрыта, а та, что попадает на страницы казахстанской и зарубежной прессы, мягко говоря, вызывает много вопросов. Особенно в той части, которая касается особенностей кредитования проекта, участия каждой из сторон в его реализации и дальнейшей эксплуатации, окупаемости проекта, его экономической и геополитической значимости для Казахстана и Китая и т.д. Что здесь скрывать, совершенно непонятно. Открытая публикация двустороннего документа всегда лучше, чем слухи и домыслы вокруг него. Очень уж двусмысленно смотрятся чиновники, когда начинают искать оправдание тому, о чем можно было бы сказать открыто.

Аналогичным образом складывается ситуация с трудовой китайской миграцией. Мифов и фобий вокруг этой проблемы хоть отбавляй, а серьезных исследований практически нет. И неудивительно. Официальная статистика органов внутренних дел не внушает опасений, но глаза обывателя при посещении любого казахстанского рынка говорят об обратном. О том же говорит хотя и отрывочная, но весьма убедительная статистика зарегистрированных в органах юстиции предприятий с участием китайского капитала. При ознакомлении с этой статистикой у простого обывателя складывается впечатление, что Китай «метит территорию», а этот вывод — одна из составляющих теории «китайской экспансии».

Много вопросов вызывают «геополитические» рассуждения некоторых авторов по поводу китайского присутствия в Центральной Азии и в Казахстане. Укреплением позиций Китая в Центрально-Азиатском регионе, особенно в Казахстане, заметно невооруженным глазом, однако этот факт никак не может служить основанием для вывода о том, что «Китай начнет поглощать бывший СССР с Казахстана»¹. Еще более фантастично звучит вывод других

¹ См.: Асламова Д. Китай начнет поглощать бывший СССР с Казахстана // Комсомольская правда, 17—18 ноября 2009.

«экспертов», которые, анализируя изменившуюся геополитическую ситуацию в Центральной Азии и кадровые перемены в Казахстане, приходят к следующему: «Главный вопрос сегодня заключается лишь в том, по какой линии будет произведен раздел Казахстана между Россией и Китаем»².

Я бы так жестко вопрос не ставил. Проблемы, конечно, есть. Но это не значит, что Китай пришел в регион и начал здесь все делить и поглощать. Что-то он, безусловно, приобретает, но приобретает, покупая компании у других иностранных инвесторов. Это нормальная практика. Причем не только для Китая и не только в рассматриваемом регионе. Если есть деньги, их нужно тратить. У Китая денег много. Два с лишним триллиона только золотовалютных резервов, государственный инвестиционный фонд — 200 млрд долл., масса частных инвестиционных фондов с немалыми возможностями. Вот Китай эти деньги и тратит. И правильно делает, потому что сейчас есть возможность по дешевке скупить проблемные компании, сырьевые ресурсы. Любое государство, будь у него возможность, вело бы себя аналогичным образом.

Что касается апокалипсических прогнозов российских журналистов, оставляю это на их совести. Хотя ответ на вопрос о причинах такого взгляда на геополитическую реальность читается в самих этих материалах: «Россия теряет монопольные позиции на транзит нефти и газа из стран

² См.: Маслов О., Прудник А. Казахстан начала XXI века как Польша перед 1939 годом // Ежедневное независимое аналитическое обозрение, 30 января 2007 [<http://www.polit.nnov.ru/>].

Каспийского региона, а также вырисовывается перспектива отсечения России не только от углеводородов Казахстана, но и от углеводородов Туркмении»³. На мой взгляд, это выглядит не так уж и угрожающе для России. Напротив, конкурентная среда должна научить российские нефтегазовые компании работать эффективнее, а не просто «сидеть на трубе».

Проблема в другом. Мы живем в эпоху экономической глобализации, и Китай, в отличие от своих стратегических партнеров России и Казахстана, в нее уже вписался. Во всяком случае, об этом говорит китайская концепция «выхода за пределы», которой он следует с 2003 года. И все, что он делает и в Казахстане, и в России, осуществляется по правилам игры, принятым в глобализирующемся мире. А фобии в отношении Китая (а где-то и по отношению к России) связаны с двумя обстоятельствами. Во-первых, это из категории ментальных страхов. Во-вторых, продиктовано нашим соседством: даже к очень хорошему соседу отношение всегда специфическое, а если этот сосед еще и успешен, то подсознательный негативизм к нему усиливается на порядок.

Фобии, в принципе, вещь не очень хорошая. В первую очередь потому, что способствуют формированию стереотипов и не позволяют видеть реальные угрозы и вызовы. Однако, если та или иная фобия возникает, значит, какие-то основания для этого есть. Постараюсь в меру имеющейся информации «отмерить» проблематику, связанную с китайским присутствием в Казахстане.

³ См.: Там же.

Мифы и фобии

Если попытаться скомпоновать мифы и фобии, связанные с китайским присутствием в Казахстане, они сведутся к нескольким постулатам.

- Во-первых, при государственном размежевании Казахстан уже уступил значительную часть своих территорий Китаю, чей интерес к минеральным ресурсам

Центральной Азии диктует в качестве главной цели внешней политики «продвижение на север», и в зону китайской экспансии попадают Сибирь и Дальний Восток, а также Казахстан⁴.

- Во-вторых, подготовка в Синьцзяне плацдарма для последующего броска на территорию Центральной Азии и Казахстана⁵. А если шире — готовящийся раздел Казахстана между Китаем и Россией⁶. К чести казахстанских авторов, нужно сказать, что последнего типа идеи в их головах пока не вызревали.
- В-третьих, угроза демографического поглощения Казахстана Китаем⁷. Здесь несколько аспектов. Первый — собственно демографический рост в приграничных с Казахстаном районах Китая (прежде всего в СУАР КНР), возникновение проблемы «избыточности трудовых ресурсов», а следовательно, их миграция в Казахстан. Второй — «планируемое переселение» в СУАР ханьцев из внутренних районов Китая и, как следствие, обострение этнической конкуренции и «вытеснение» из региона проживающих в нем казахов и уйгуров. Третье — «наводнение Казахстана ханьцами» в рамках легальной и незаконной трудовой миграции. Вывод авторов звучит действительно угрожающе: «Куда в случае катаклизмов или под демографическим давлением хлынет китайский антропоток? Туда, где есть поливные земли (т.е. в Жетысу) и немало полезных ископаемых (т.е. в нашу сторону). И мы видим уже, как заселяется ханьцами СУАР и тем самым в перспективе будет ликвидирована буферная (тюркская) зона между Казахстаном и КНР»⁸.
- В-четвертых, «экономическая китайская экспансия»⁹. Здесь, как и в предыдущем случае, несколько составляющих. Первое — доминирование на казахстанском рынке китайских товаров. Второе — вывоз в Китай стратегических сырьевых ресурсов и валюты. Третье — неконкурентоспособность и деградация отечественной индустрии и сельского хозяйства как следствие китайской экономической экспансии.
- В-пятых, увеличение доли Китая в нефтегазовом секторе Казахстана и возникающая отсюда «угроза национальным интересам Казахстана»¹⁰. Главный вывод авторов такого рода публикаций сводится к следующему тезису: «Мы должны пересмотреть нашу стратегию развития и остановить процесс превращения Ка-

⁴ См.: *Адилов М.* В политике не бывает друзей и врагов, а есть только интересы // Республика — Деловое обозрение, 3 ноября 2006; *Амрекулов Н.* Дамоклов меч китайского дракона // Свобода слова, 8 февраля 2006; *Бейбарсов А.* Казахстан — Китай: вместе, рядом или внутри? // Республика — Деловое обозрение, 16 сентября 2005; *Сафин М.* Поглотит ли Китай юго-восточную часть Казахстана?! // Интернет-газета «Zonakz», 23 июля 2008 [http://www.zonakz.net/].

⁵ См.: *Ауэзов М.* Началось великое переселение! // Республика — Деловое обозрение, 11 ноября 2004; *Данияров К.К.* О новой истории Казахстана. Алматы, 2004.

⁶ См.: *Маслов О., Прудник А.* Указ. соч.

⁷ См.: *Данияров К.К.* Указ. соч.; *Морзабаева Ж.* Казахстану грозит «китаизация»? // Республика — Деловое обозрение, 3 ноября 2006.

⁸ См.: *Амрекулов Н.* Указ. соч.

⁹ См.: *Восток алеет все сильнее* // Эпоха, 24 февраля 2006; *Данияров К.К.* Указ. соч.; *Макушина О.* Китайский фактор: мифы и реальность // Республика — Деловое обозрение, 10 ноября 2006.

¹⁰ См.: *Адилов М.* Указ. соч.; *Кайгы Ш.* Настало время возвращать. Ч. 1—2 // Интернет-газета «Zonakz», 12, 14 сентября 2005; *Он же.* Китайская экспансия продолжается. Ч. 1—2 // Интернет-газета «Zonakz», 19—20 сентября 2005; *Он же.* До выкупа китайцами акций «PetroKazakhstan» осталось две недели... Ч. 1—2 // Интернет-газета «Zonakz», 3—4 октября 2005; Китай продолжает экспансию. Пограничный дозор // Интернет-газета «Zonakz», 2 февраля 2006; Присутствие Китая в Казахстане: «достижения» и «перспективы». Пограничный дозор // Интернет-газета «Zonakz», 10 февраля 2006; И еще о Китае в Казахстане... Пограничный дозор // Интернет-газета «Zonakz», 13 февраля 2006.

захстана в сырьевой придаток Китая (и не только его). Если же не можем это сделать, то хотя бы самим осуществлять все эти проекты, не допуская представителей полуторамиллиардного народа на свою территорию!»¹¹

- В-шестых, грозящая Казахстану экологическая катастрофа как следствие реализуемых в Китае (СУАР КНР) ирригационных проектов¹².
- Наконец, наличие в казахстанском правительстве прокитайского лобби, работающего на Китай и отстаивающего его интересы¹³.

Список можно продолжить, но, думаю, достаточно и перечисленного. Теперь зададимся двумя вопросами:

- 1) что из всего сказанного является мифами и какие из опасений имеют под собой реальные основания?
- 2) какова политическая и социально-экономическая реальность и какие потенциальные угрозы вытекают из китайского присутствия в Казахстане?

Мифология и реальность

Первые два тезиса, безусловно, миф. В ближайшей перспективе Китай ни на кого нападать не собирается. Да в этом и нет необходимости. В современных условиях экономической глобализации гораздо эффективнее не завоевывать и осваивать территории, а использовать имеющийся у них потенциал в своих интересах. Китай так и поступает. Концепция «выхода за пределы» (*цзоу чуцюй*), которой Китай придерживается с 2003 года, позволяет достаточно эффективно решать эти задачи без применения вооруженных сил.

Что касается Центральной Азии, регион интересен Китаю как ресурсная база, как рынок сбыта китайской продукции и как транзитная территория. Как территория, которую Китай желал бы осваивать собственными силами, мы пока неинтересны. Разговоры о том, что «завтра миллионы китайских крестьян придут осваивать казахстанские земли» — очередная «страшилка» от оппозиции, не имеющая с реальностью ничего общего. Реальность же заключается в попытке активизировать процесс кооперации Казахстана и Китая в сельскохозяйственной сфере и в создании совместных агропромышленных предприятий. Ничего угрожающего национальным интересам Казахстана в этом я не вижу. Напротив, считаю, что создание совместных агропромышленных комплексов — наиболее перспективная сфера казахстанско-китайского экономического сотрудничества. Здесь у нас есть солидные наработки и опыт, и именно в этой сфере мы можем составить конкуренцию Китаю. Не менее значимо и то, что данные предприятия не только будут производить конкурентоспособную продукцию, но и иметь гарантированного потребителя этой продукции.

---

¹¹ См.: Присутствие Китая в Казахстане: «достижения» и «перспективы». Пограничный дозор.

¹² См.: *Айдаров Н.* О казахстано-китайском переговорном процессе по трансграничным рекам // Дипломатический курьер, 2000, № 2. С. 102—104; *Ауэзов М.* Цена пограничного спора: Китай — Казахстан // XXI век, 6 мая 1999; *Балиев А., Медведев А.* Реки сами не умирают. Их убивают // Российская газета, 12 февраля 1999; *Жоламанова Г.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в урегулировании проблемы трансграничных рек между Казахстаном и Китаем // *Analytic*, 2007, № 1. С. 34—42; *Рахметов Д.* Беспросветный водозабор // *V[o]x Populi*, 1—15 апреля 2009, № 9. С. 41—43.

¹³ См.: *Амрекулов Н.* Указ. соч.; Восток алеет все сильнее; Китай продолжает экспансию. Пограничный дозор.

Казахстанско-китайская граница делимитирована и демаркирована. Проблема ушла в историю, которая, как известно, не терпит сослагательного наклонения. Более того, необходимо подчеркнуть, что при сохранении сегодняшней динамики отношений в треугольнике Китай — Казахстан — Россия и преемственности в китайской внешней политике данные проблемы в двухсторонних и многосторонних отношениях подниматься не будут. Делимитация границы осуществлялась на базе уточнения линии границы, описываемой российско-китайскими договорами XIX века. Это означает, что, хотя часть из этих договоров и рассматриваются в Китае как неравноправные, а в исторических исследованиях эта тема присутствует до настоящего времени, на политическом уровне де-факто и де-юре Китай и его соседи признали существующий на тот период статус-кво.

Есть, правда, ряд проблем в казахстанско-китайских отношениях, которые несколько снижают мой оптимизм и мешают ответить на вопрос, каким образом будут развиваться казахстанско-китайские отношения в среднесрочной перспективе и какие факторы будут оказывать на них первостепенное влияние. Но об этом поговорим позже.

Что касается Синьцзяна как плацдарма для наступления Китая на Центральную Азию, — то вопрос в том, как взглянуть на данную проблему. Если считать, что все что ни делается Китаем, делается только во имя удовлетворения его глобальных амбиций, то авторы алармистских текстов во многом окажутся правы. Вне всякого сомнения, за последние 20 лет Синьцзян качественно изменился, а развитие его инфраструктуры с военной точки зрения можно рассматривать и как подготовку плацдарма для «грядущих войн Китая».

Если же попытаться взглянуть на проблему без эмоций, то, во-первых, качественно изменился весь Китай, и, как уже говорилось, сегодня он не ставит целью захват сопредельных территорий. Когда территория и так работает в твоих интересах, в этом нет ни необходимости, ни целесообразности. Во-вторых, стремительное развитие Синьцзяна — объективная необходимость, призванная не только решить экономические проблемы в этом регионе Китая, но в какой-то степени и проблему этнического сепаратизма в КНР. В-третьих, строительство автобанов и железных дорог, выходящих к казахстанско-китайской границе, можно рассматривать не только в контексте «подготовки плацдарма для агрессии», но и как необходимую меру практической реализации концепции «выхода за пределы» и расширения географии китайской торговой экспансии.

Кстати говоря, в этом же ключе можно рассматривать и участие Китая в масштабных инфраструктурных проектах в Центральной Азии. Здесь нет никакого альтруизма с его стороны. Неразвитая инфраструктура и слабая экономика государств региона тормозят развитие северо-западных регионов Китая. В Китае это отчетливо понимают, а потому и вкладываются в развитие тех отраслей экономики государств региона, которые напрямую связаны с решением масштабной задачи превращения Синьцзяна в экономический и финансовый центр всего региона. И в этом смысле экономическое сотрудничество Китая с государствами Центральной Азии и с Казахстаном действительно подчинено задачам развития китайской экономики.

Виновен ли в этом Китай? Вряд ли. Он делает то, что должно делать. А потому обвинять его в успехах экономического развития СУАР КНР или в укреплении экономических позиций в Центрально-Азиатском регионе просто глупо. Основные экономические тенденции в регионе уже определились, и они отчетливо демонстрируют, что, за исключением Китая, остальными государствами региона время упущено.

Если учесть сегодняшнее состояние и перспективу реализации концепции «большого освоения запада» и сравнить динамику развития Синьцзяна и соседних государств Центральной Азии, вполне очевидно, что баланс будет не в нашу пользу. И во многом правы российские исследователи, которые, анализируя тенденции современного разви-

тия СУАР КНР, приходят к выводу: «В случае продолжающегося опережающего роста западных провинций Китая, Синьцзян имеет все шансы превратиться в ведущий финансово-экономический центр Центральной Азии и прилегающих и близко географически расположенных российских регионов, иначе говоря, закрепить свое положение в качестве экономического центра формирующейся «большой Центральной Азии»¹⁴.

Представляет ли это угрозу национальной безопасности государств региона или же дает им новый шанс, однозначно сказать сложно. Однако вполне очевидно, что Китай не сможет обеспечить себе полное доминирование в Центральной Азии не только в силу возрастающей конкуренции в регионе со стороны стран Запада и России, но и по причине наличия массы серьезных внутренних проблем, которые рано или поздно дадут о себе знать.

С третьей и четвертой группами мифов и фобий ситуация сложнее, поскольку здесь присутствуют как очевидная мифология, так и вполне резонные опасения, основанные на китайских и казахстанских реалиях.

Население Синьцзяна имеет устойчивую тенденцию к росту. На конец 2008 года оно превысило 21,3 млн человек и по сравнению с 1990 годом увеличилось почти на 5 млн чело-

Таблица 1

**Численность граждан КНР,
временно находящихся на территории Казахстана
в период 2000—2009 годов (человек)**

Годы	Зарегистриро- вано	По служебным делам	На работу	По частным делам	Туризм	Привлекались к административной ответственности	Выдворено
2000	13 328	11 233	131	1 305	659	5 221	430
2001	13 415	9 064	1 224	2 476	651	1 198	203
2002	20 243	13 945	984	4 344	970	661	159
2003	16 974	9 772	916	6 016	270	363	151
2004	28 558	16 179	890	10 860	629	1 429	191
2005	34 108	12 755	2 604	17 108	1 641	3 881	531
2005	34 108	12 755	2 604	17 108	1 641	3881	531
2006	29 183	70 56	2 513	19 168	446	3 587	866
2007	45 570	11 249	4 720	29 246	355	4 715	553
2008	46 370	14 005	5 593	26 235	474	5 998	666
2009*	23 725	6 442	3 357	13 673	253	3 286	151

* январь — июнь.

¹⁴ См.: Жуков С.В., Резникова О.Б. Центральная Азия и Китай: экономическое взаимодействие в условиях глобализации. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 164.

век¹⁵. Причем, что бы там ни утверждала китайская пропаганда, вполне очевидно, что миграция ханьцев из внутренних районов в СУАР имеет место быть. Вполне естественно, что это влияет на проблемы этнической конкуренции и «излишних трудовых ресурсов». Следовательно, потенциально создает условия для внешней трудовой миграции, а при обострении ситуации в автономном районе — и для возникновения проблемы беженцев из СУАР.

Тем не менее для алармистских выводов пока повода не вижу. Во-первых, перспектива возникновения потока беженцев из СУАР — из области гипотетических угроз. Во-вторых, тезис о том, что «ханьцы наводнили Казахстан», — это еще один миф. Ни официальные цифры, ни проведенные казахстанскими исследователями среди работающих в Казахстане ханьцев опросы не дают оснований для подобных выводов.

Что до официальной статистики по гражданам КНР, временно находящимся на территории Казахстана (то есть прибывшим сюда по служебным или частным делам, а также транзитом), то она уверяет нас, что их численность не критическая, хотя и существенно выросла по сравнению с концом 1990-х годов (см. табл. 1).

Не менее красноречива и статистика «оседания» в Казахстане граждан КНР (см. табл. 2). Судя по этим данным, в Казахстане оседают главным образом представители казахской этнической общности.

Таблица 2

**Миграция между РК и КНР
за 1999—2008 годы**

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Прибыло всего в Казахстан	41 320	47 442	53 548	58 211	65 584	68 319	74 807	66 731	53 397	22 682
Прибыло из Китая	145	189	655	1 059	2 080	3 463	4 562	5 003	5 829	6 328
<i>из них казахов</i>	<i>н/д</i>	<i>н/д</i>	<i>н/д</i>	<i>н/д</i>	1 865	3 268	4 460	4 813	5 771	6 279
Выбыло всего из Казах- стана	164 947	155 749	141 710	120 223	73 890	65 530	52 139	33 690	42 435	8 149
Выбыло в Китай	5	1	11	159	407	121	108	90	50	48
<i>из них казахов</i>	<i>н/д</i>	<i>н/д</i>	<i>н/д</i>	<i>н/д</i>	281	86	91	84	47	46
Сальдо по Китаю	140	188	644	900	1 673	3 342	4 454	4 913	5 779	6 280

¹⁵ См.: Синьцзян тунци няньцзянь. 2009 (Статистический ежегодник по Синьцзяну за 2009 г.). Пекин, 2009. С. 69, 84.

Единственное, что меня настораживает, — это, с одной стороны, закрытость информации о численности, географии расселения, структуре трудовых мигрантов из КНР и проблемах в их среде. А с другой — отсутствие реакции казахстанских властей и официальных представителей Китая на появляющуюся в последнее время в китайской прессе информацию, что на территории Казахстана проживает 300—500 тыс. граждан КНР¹⁶.

Однако нельзя не учитывать два обстоятельства.

- Во-первых, стремление Казахстана вступить в ВТО.
- Во-вторых, уже наметившийся дефицит трудовых ресурсов в Казахстане.

Вряд ли по этому поводу стоит поднимать вопрос о «неизбежности китайской трудовой миграции», как это делается некоторыми авторами в России, но с реальностью трудовой миграции из Китая нам придется считаться, и нужно научиться при осуществлении

Диаграмма 1

Структура экспорта РК в КНР в 2009 году

¹⁶ См.: В Казахстане прошла госрегистрацию газета «Хасакэсытань хуацяо бао», ориентированная на проживающих в стране китайцев // Агентство «Казахстан сегодня», 22 апреля 2009 [http://www.kt.kz/]; Открытое письмо казахской молодежи города Урумчи Китайской Народной Республики // Интернет-газета «Zonakz», 24 июня 2009.

любых форм сотрудничества последовательно отстаивать интересы собственных граждан. Китайцы очень жестко и умело делают это в собственной стране.

Что касается «китайской экономической экспансии», то с цифрами, безусловно, не поспоришь: как рост товарооборота между Казахстаном и Китаем, так и рост китайского присутствия в ряде отраслей экономики Казахстана налицо. Однако Китай — всего лишь одна из многих стран, с которыми Казахстан поддерживает внешнеэкономические контакты. И если подходить чисто формально, то, по данным официальной казахстанской статистики, в списке внешнеэкономических партнеров Казахстана до последнего времени Китай не являлся лидером и лишь в 2008 году сумел занять третью позицию, уступив только России и Италии.

Серьезную озабоченность может вызывать лишь товарная номенклатура экспортно-импортных операций между Казахстаном и Китаем (см. диагр. 1—2), которая подтверждает вывод российских и казахстанских экспертов о том, что Казахстан уже превратился в сырьевой придаток экономики КНР.

Диаграмма 2

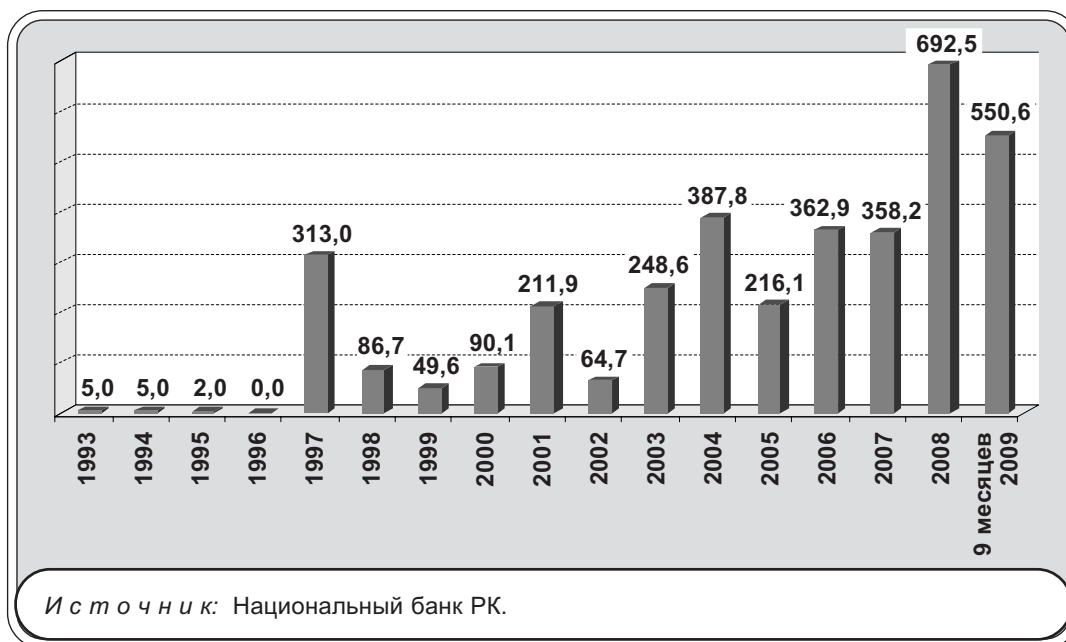
Структура импорта РК из КНР в 2009 году

Что касается прямых иностранных инвестиций в экономику Казахстана, в общем объеме они не столь уж и значительны и за период с 1993 год по сентябрь 2009 года составили 3,6 млрд долл. (см. диагр. 3). По данному показателю до 2009 года Китай существенно уступал США и европейским странам, а потому говорить о «китайской экономической экспансии» было бы не совсем корректно (см. диагр. 4)

Диаграмма 3

Валовой приток прямых инвестиций КНР в РК, млн долл.

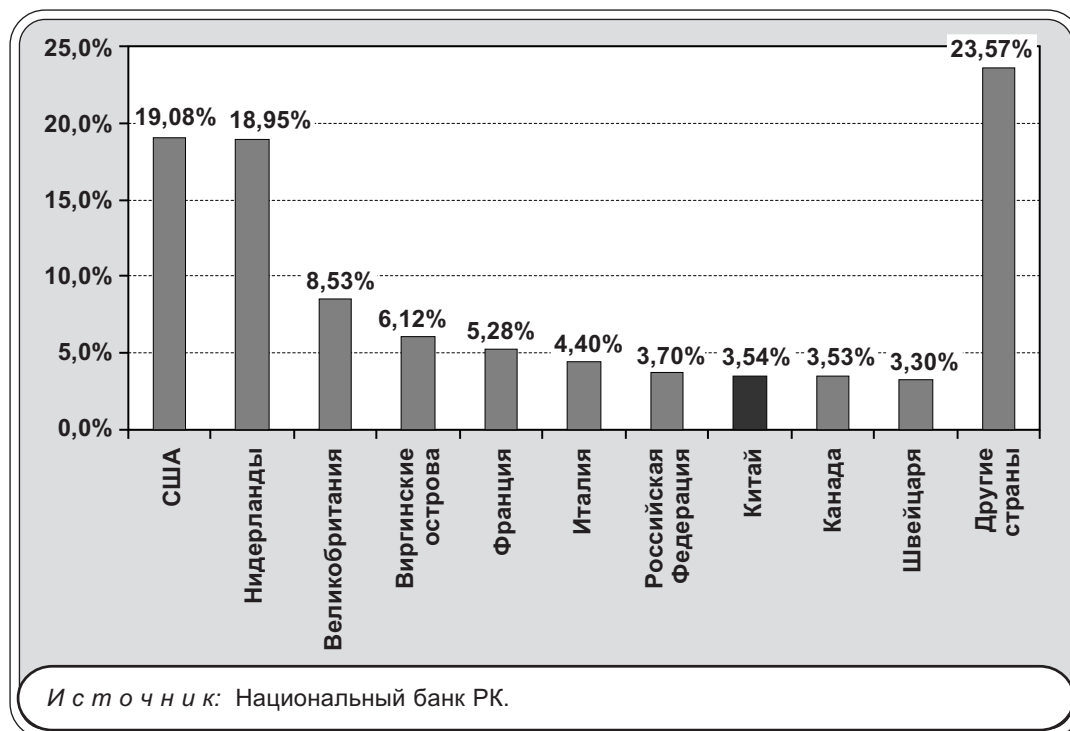
Не менее существенно и то, что заменить китайские товары на казахстанском рынке сегодня просто нечем и мы, как и наши соседи по региону, а по большому счету — и весь мир, на ближайшую перспективу обречены на китайскую товарную экспансию. Китай уже превратился в «мировую фабрику», и изменить эту тенденцию мы не в силах.

Напротив, с каждым годом мы все больше и больше расширяем номенклатуру ввозимых товаров с лейблом «made in China». Причина банальна. С одной стороны, отсутствие в должном количестве и качестве отечественных товаров. А с другой — даже с учетом официальных таможенных пошлин и неофициальных «платежей» ввозить китайский ширпотреб получается на несколько порядков дешевле. И тут уже ничего не поделаешь, рынок диктует свои условия, и это, наверное, неплохо.

Что касается опасений, связанных с китайскими кредитами, они лишь частично имеют под собой основание. В том смысле, что их рано или поздно придется отдавать. Однако, во-первых, в сравнении с теми кредитами, которые мы набрали на Западе, китайский кредит — мелочь. Во-вторых, не Китай нам навязывает эти кредиты, мы сами просим у него денег. В-третьих, сами по себе иностранные кредиты — это не так уж и плохо, проблема в их эффективном использовании. Если кредит использован эффективно, а не разворован, то никаких трудностей с его возвратом не возникает. Наконец, когда государство берет в долг значительные средства, было бы неплохо ознакомить население с условиями, на которых эти кредиты выдаются. Правительства приходят и

Диаграмма 4

Валовой приток прямых инвестиций с 1993 по сентябрь 2009 года

уходят, а долги отдавать придется будущим поколениям, и лучше точно знать, к чему себя готовить.

Если же говорить по большому счету, то расширение сфер деятельности — нормальное явление в двусторонних экономических отношениях. Лично я это приветствую, особенно сегодня, когда Китай начинает заходить в проекты в реальном секторе экономики, а не только в отраслях, связанных с добычей и транспортировкой энергоресурсов. У нас с Китаем подписаны документы, регламентирующие наше стратегическое партнерство, и в них можно найти очень много областей, где такое партнерство предусматривается. И в этом нет ничего предвзятого и уж тем более связанного с «китайской экспансией». Главное — соблюсти национальные интересы.

Не хватает как раз последнего. И здесь я абсолютно солидарен с выводом казахстанского политолога Досыма Сатпаева, по мнению которого, «угрозу представляет не экономическая экспансия Китая, а коррупция наших чиновников, которая позволяет заключать невыгодные для страны контракты и наносит удар по экономической безопасности Казахстана. В конечном счете, любой инвестор играет по тем правилам, которые устанавливает для него правительство. Если эти правила невыгодны Казахстану, то это вина правительства, а не инвестора»¹⁷.

Что касается вопроса о нарушении китайскими компаниями налогового и трудового законодательства Республики Казахстан — а он иногда поднимается в казахстанской прессе, — здесь, к сожалению, китайские компании не являются исключением. Это харак-

¹⁷ Цит. по: Макушина О. Указ. соч.

терно практически для всех иностранных компаний, работающих в Казахстане. Большинство из них пытаются уклониться от уплаты налогов, а часть делает это даже с благословения казахстанских властей. Практически во всех иностранных компаниях, работающих у нас, оплата иностранных специалистов выше, нежели казахстанских. Что касается условий труда, судить не берусь, просто не знаю, хотя о конфликтах, конечно же, слышал. Однако это наша проблема. Государство всегда имеет возможность поставить на место любого иностранного инвестора. Почему оно этого не делает — вопрос к государству.

Если говорить о предпочтении при найме на работу, отдаваемому китайским гражданам, то, во-первых, это опять же обычная практика иностранных инвесторов на территории Казахстана. Во-вторых, в отличие от других «иностранцев», казахстанская составляющая в СП с участием китайского капитала достаточно весомая. Например, по данным Министерства нефти и газа Республики Казахстан, на 1 января 2010 года численность рабочего персонала, привлеченного по контрактам на предприятия с участием китайских компаний, составила 17 733 человека, из них численность казахстанских кадров составила 17 519 человек, или 98,8%¹⁸.

Наиболее дискуссионная и болезненная тема — китайское присутствие в нефтегазовом секторе Казахстана. Можно было бы согласиться с высказываемыми опасениями, если бы за ними не читался откровенный политический заказ. Поднимая вопрос об угрозе национальной безопасности от иностранного присутствия в нефтегазовом секторе Казахстана, почему-то всегда указывают на Китай, а желательно было бы посчитать процентное соотношение всех присутствующих в Казахстане «иностранцев».

Китай в этом списке занимает далеко не лидирующие позиции. По моим расчетам, в 2008 году доля китайского участия в добыче нефти в Казахстане составляла 20,05%, а газа — 11,60% от общих объемов добычи. Если к этим расчетным цифрам добавить доли участия Китая в АО «Мангистаумунайгаз» и АО «Разведка и добыча КазМунайГаз», приобретенные Китаем в конце 2009 года, ориентировочно можно спрогнозировать, что с учетом приобретения этих активов доля Китая в добыче в Казахстане нефти возрастет до 25—26%, а газа — до 13—14%. Это, безусловно, не так уж и мало. Однако, например, доля только двух крупнейших в Казахстане газо- и нефтедобывающих компаний, принадлежащих главным образом западным инвесторам — СП ТОО «Тенгизшевройл» и «Karachaganak Petroleum Operating B.V.», по добыче нефти составляет 40,90%, а газа — 71,61%.

Существенное значение имеет ответ и на другие вопросы: что за компании приобрели китайские инвесторы (прогнозируемые и извлекаемые запасы, а также начало эксплуатации месторождений)? как и на каких условиях они приобретались? как эти компании работают при новом инвесторе? наконец, в чем состоял интерес Республики Казахстан?

Не хотел бы выступать в роли адвоката Китая, но факты — упрямая вещь.

- Во-первых, Китай приобретал зарегистрированные в оффшорах частные компании, принадлежащие другим иностранным инвесторам, обосновавшимся в Казахстане в середине 1990-х годов. Приобретал на открытых тендерах и на довольно выгодных для их владельцев условиях. Поэтому первый вопрос тех, кого беспокоит китайское присутствие в нефтегазовом секторе Казахстана, должен касаться объяснения того, как, почему и на каких условиях эти активы оказались в частных руках, причем порой в руках иностранцев с весьма сомнительной репутацией.

¹⁸ См.: Экспертное заключение Министерства нефти и газа РК на запрос от депутатов Мажилиса парламента РК, 14 октября 2010 [www.kazenergy.com].

- Во-вторых, практически все приобретенные Китаем месторождения нефти в Казахстане имеют небольшие балансовые и извлекаемые запасы. Значительная их часть находится в разработке с конца 1980-х — начала 1990-х годов. И если ориентироваться на прогнозы Министерства нефти и газа РК, в следующем десятилетии доля китайских компаний в добыче нефти и газа в Казахстане не только не вырастет, но даже несколько сократится (см. диагр. 5—6).
- В-третьих, мы сами заявляем о намерении диверсифицировать направления транспортировки своих углеводородов и разнообразить список иностранных инвесторов. В этом смысле Китай, как соседнее с Казахстаном государство, как наиболее перспективный рынок поставок углеводородов и как вполне платежеспособное государство, смотрится не так уж и плохо.
- В-четвертых, контракты на недропользование, подписанные с китайской стороной, на порядок лучше, чем подписанные с западными компаниями. К тому же, в отличие от западных компаний, работающих на контрактных условиях СРП, все китайские компании работают в соответствии с действующим налоговым законодательством.

Диаграмма 5

Доля китайского участия в добыче нефти в РК
в 2010—2020 гг. (млн т)

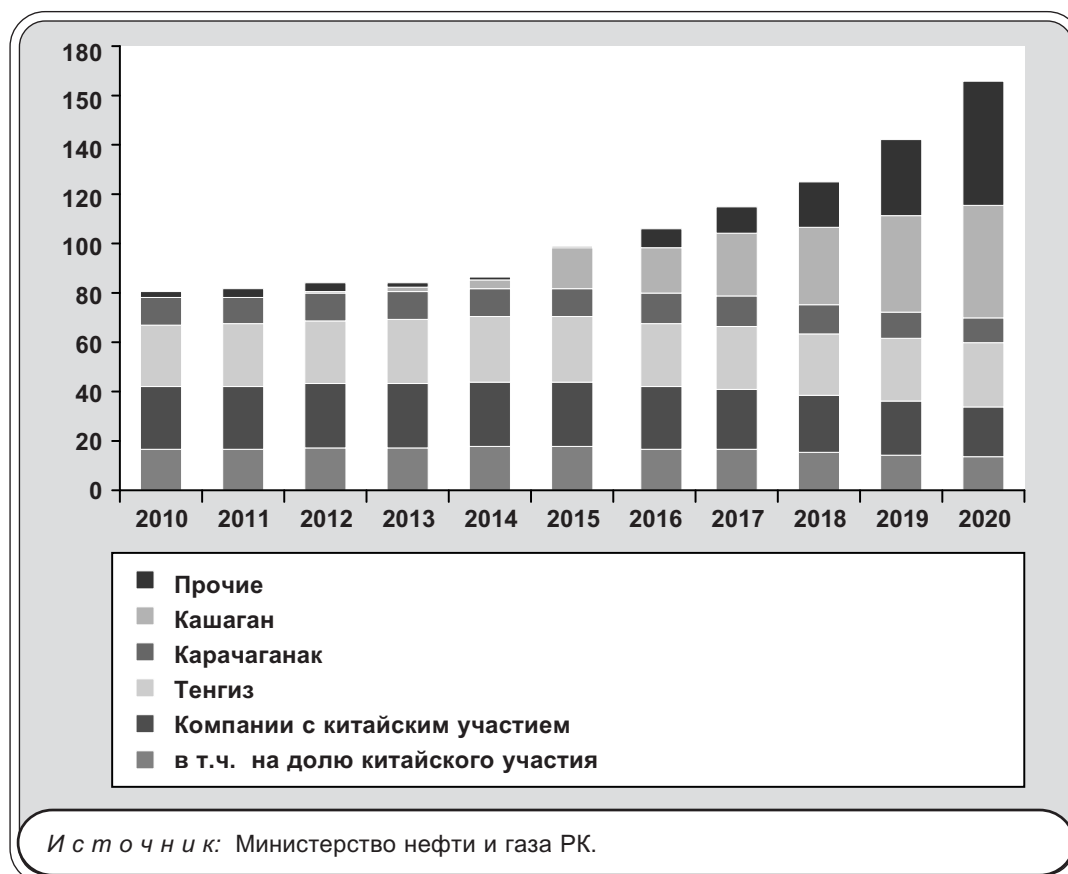
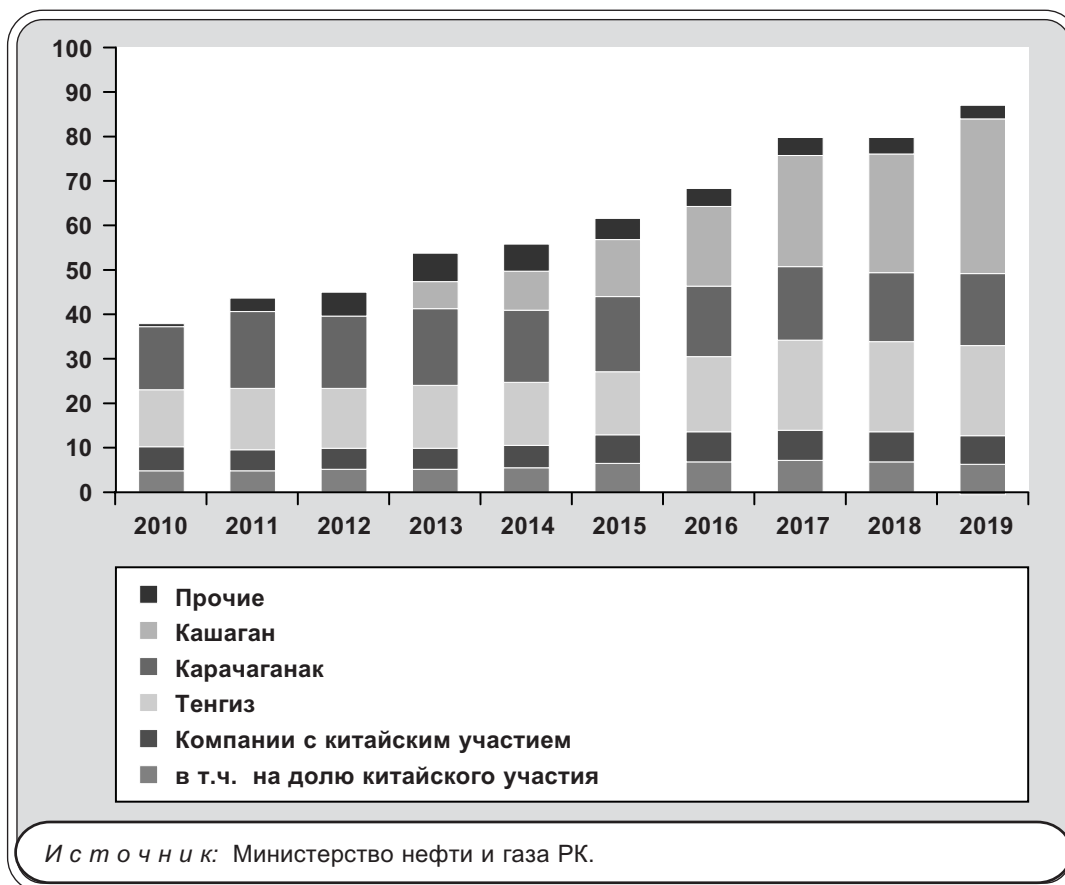

Диаграмма 6

Доля китайского участия в добыче газа в РК
в 2010—2020 гг. (млрд куб. м)

- Наконец, нельзя обойти вниманием и то обстоятельство, что, в отличие от других иностранных инвесторов, на базе предприятий, приобретенных КНР, в дальнейшем создаются казахстанско-китайские совместные предприятия. Для экономики Казахстана это большой плюс, правда, при разумном использовании этих СП.

Вместо заключения

Мифы о китайской угрозе в Казахстане в основном ориентированы на то, чтобы отвлечь внимание общественности от истинных виновников существующих в республике проблем. И в этом контексте я хотел бы напомнить изречение Конфуция: «Прежде чем указывать на снег на крыше соседа, обрати внимание на собственное крыльцо». Это к тому, что во многих наших бедах виновен вовсе не Китай, а мы сами. Примеров, думаю, здесь достаточно и они все на слуху.

Настоящую угрозу представляет повышающаяся с пугающей скоростью бездарность и коррумпированность чиновников, которые позволяют заключать невыгодные для страны контракты и наносят удар по экономической безопасности Казахстана. В наличие в казахстанском правительстве прокитайского лобби я не очень верю, это еще один миф, но вот говорить о высокой коррупционной составляющей казахстанско-китайских отношений можно вполне определенно. Игра стоит свеч. И в этом контексте нельзя не коснуться реальных и предполагаемых угроз и вызовов в казахстанско-китайских отношениях. Но это тема следующей статьи.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КАЗАХСТАНА

Мурат ЛАУМУЛИН

*доктор политических наук,
главный научный сотрудник Казахстанского института
стратегических исследований
(Алматы, Казахстан)*

Введение

На рубеже 2010—2011 годов внешняя политика Казахстана вступает в новый этап. Осталось позади серьезное политическое испытание — председательство в ОБСЕ и проведение Астанинского саммита Организации. В текущем году два новых экзамена: председательство в Организации «Исламская конференция» (ОИК) и ШОС с проведением заседания Совета министров иностранных дел (СМИД) ОИК и саммита ШОС.

Следует отметить — и саммит ОБСЕ в декабре 2010 года это продемонстрировал, — что подобные функции и мероприятия отнюдь не являются формальностью. Зачастую они самым тесным образом связаны на конкретную проблематику международных отношений. В этом кон-

тексте особенно характерен нынешний переломный период во внешней политике Казахстана.

Чтобы увидеть трансформацию внешней политики и международного положения Казахстана в динамике, следует обратиться к недавнему опыту. 2010 год запомнится в истории Казахстана и его внешней политики многими важными событиями. Наиболее ярким среди них останется, безусловно, Астанинский саммит ОБСЕ. Но по стратегическим последствиям самым важным следует признать создание Таможенного союза (ТС) Казахстана, России и Беларуси. Помимо этого было и немало других важных с точки зрения международных и внешнеэкономических связей событий.

Наследие 2010 года

Бесспорно, логику всей внешней политики в 2010 году задало именно председательство РК в ОБСЕ. Как отмечал один отечественный обозреватель, задача Казахстана состояла не в том, чтобы соответствовать стандартам ОБСЕ, а в том, чтобы создать новые стандарты, соответствующие и современным реалиям, и интересам стран — членов Организации, создать при помощи тех стран, которые видят в ОБСЕ действенный механизм поддержания стабильности и обеспечения безопасности.

Среди зарубежных визитов главы государства следует выделить участие президента республики в апрельском ядерном саммите в Вашингтоне. Историческая встреча трех президентов: американского Б. Обамы, российского Д. Медведева и казахстанского Н. Назарбаева в Вашингтоне в апреле 2010 года вновь напомнила об огромном вкладе Казахстана в ядерное нераспространение. Во многом эта встреча стала возможна благодаря инициативам, с которыми президент РК обратился к лидерам ведущих, в первую очередь ядерных, держав и в целом к мировому сообществу. Для Казахстана ядерная безопасность и нераспространение — это область, в которой он осознает свое моральное превосходство. Одновременно это истоки и суть казахстанской концепции внешней политики.

Фактически Казахстан предложил старым членам ядерного клуба отказаться от ядерного суверенитета (что, кстати, они обещали во время подготовки ДНЯО в конце 1960-х гг.). Другое предложение казахстанского президента связано с ревизией международного права в сфере нераспространения ядерного оружия. Необходимо провести инвентаризацию и экспертный анализ всех имеющихся международных актов в сфере нераспространения и борьбы с ядерным терроризмом и свести их в один программно-стратегический документ — новый универсальный договор о всеобщем горизонтальном и вертикальном нераспространении и ликвидации ядерного оружия. Такой документ призван гарантировать неприменение двойных стандартов и конкретные механизмы санкций к его нарушителям. Это предложение также носило революционный характер.

Серьезным испытанием для казахстанской внешней политики стали известные события в Кыргызстане в апреле и июне 2010 года. Фактически они стали испытанием на прочность Казахстана не только как председателя ОБСЕ, но и как ответственного регионального лидера. Политическая ситуация, сложившаяся в результате событий с апреля по июль, была чревата многочисленными и неоднозначными последствиями для внешней политики, экономики и национальной безопасности Казахстана. Кыргызстан — ближайший сосед Казахстана, наиболее близкий ему культурно, исторически и ментально. Это, а также такие факторы, как непосредственное географическое соседство, специфическое международное положение КР, интересы национальной безопасности Казахстана и тесные социальные и экономические связи двух республик делали дальнейшее развитие событий в этой стране далеко не безразличным для Казахстана.

Политика РК в отношении Кыргызстана выстраивалась согласно некоторым принципиальным критериям. Осуществлялась тесная координация действий Астаны с Россией, также крайне заинтересованной в скорейшей стабилизации положения; по дипломатическим и политическим каналам (в первую очередь с использованием ресурса ОБСЕ) Астана довела до сведения всех участников политической борьбы в республике, что не допустит использования вооруженных методов и повторения кровопролития. Астана также поддержала все прогрессивные и умеренные силы в республике с целью как можно скорее стабилизировать и нормализовать ситуацию; проводились регулярные консультации с временным руководством республики по текущим и среднесрочным вопросам даль-

нейшего развития, в частности по проведению полноценных и легитимных парламентских и президентских выборов в оптимальные для сохранения стабильности сроки. Кроме того, проводилась координация действий казахстанских и международных правоохранительных сил по нейтрализации кыргызского криминалитета и его влияния на политическую жизнь республики.

На азиатском направлении можно выделить визит Нурсултана Назарбаева в Южную Корею, который был призван обозначить выход двух стран на качественно новый уровень сотрудничества. Стороны договорились объявить 2010 год Годом Казахстана в Южной Корее, а 2011-й — Годом Южной Кореи в Казахстане.

В сфере безопасности среди знаковых событий необходимо назвать третий саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА). Казахстан передал Турции пост председателя СВМДА, но сохранил контроль над Совещанием через систему партнерских организаций. К третьему саммиту СВМДА, прошедшему 8 июня 2010 года в Стамбуле, Казахстан подошел в качестве действующего председателя срезу двух крупных региональных структур континента — СВМДА и ОБСЕ. Переход мандата на председательство в Совещании от Казахстана к Турции продемонстрировал, что СВМДА не является чисто казахстанским проектом. Лишь на саммите в Стамбуле был задействован механизм консенсусной блокировки в экстремальной ситуации (члены Совещания осудили действия Израиля в отношении каравана судов с гуманитарной помощью для сектора Газа, но Израиль не допустил включения в текст итоговой резолюции каких-либо положений, осуждающих его действия).

Принятый в Стамбуле итоговый документ является исправленной и дополненной версией декларации второго саммита СВМДА, принятой 17 июня 2006 года в Алматы. Исправления носят стилистический характер, а дополнения отражают изменившуюся ситуацию с региональными рисками и угрозами. Например, Афганистану в Стамбульской декларации посвящен целый раздел. Нурсултан Назарбаев в своем послании участникам форума отметил, что СВМДА быстро адаптируется к условиям меняющегося мира, последовательно развивает сотрудничество с ОБСЕ, а потому Казахстан не исключает возможности создания в перспективе «некой объединенной платформы по вопросам безопасности и доверия на всем евразийском пространстве».

На европейском направлении важным событием стал визит федерального канцлера Германии А. Меркель в Астану в июле 2010 года. Казахстан дал понять, что готов поставлять свой газ в Германию по трубопроводу «Набукко». Естественно, Германия заинтересована в том, чтобы этот проект состоялся. Однако пока окончательно не определена его ресурсная база. Усовершенствованный проект предполагает транспортировку природного газа из Каспийского региона в европейские страны в обход России: из Туркменистана через Азербайджан, Грузию, Турцию, Болгарию, Венгрию, Румынию и Австрию. Он дополнит уже существующий газопровод Баку — Тбилиси — Эрзерум. Причина того, что Астана медлит, кроется, по словам президента Н. Назарбаева, в нерасторопности Евросоюза. Казахский лидер назвал необходимое условие участия его страны в проекте. Это прокладка газопровода по дну Каспийского моря, который шел бы затем через Кавказ до Черного моря и дальше, или, по крайней мере, сооружение на казахстанском побережье Каспия заводов по сжижению газа. Фактически Казахстан пустил пробный шар и наблюдал за реакцией Запада и Москвы. Астана поменяла тактику и начала действовать по примеру Баку, когда рассматриваются несколько проектов и выбирается самый выгодный.

В начале 2010 года против проведения саммита в Астане активно высказывались Узбекистан и США. Ситуацию с Ташкентом удалось урегулировать в марте во время встречи Нурсултана Назарбаева с Исламом Каримовым. Позднее Астане удалось заручиться и поддержкой Вашингтона.

В августе 2010 года республику посетил министр иностранных дел Японии Кацуя Окада. Внимание Токио направлено на активизацию участия японских компаний в освоении месторождений энергоносителей в Казахстане и других республиках региона. В ходе визита Кацуя Окада в Астану важное место занимало и обсуждение сотрудничества в атомной сфере. Президент Нурсултан Назарбаев во время пребывания в Токио летом 2008 года сформулировал схему сотрудничества: «У нас есть уран, у вас — высокие технологии». Этот курс выдерживается и сегодня. Проблема в доставке казахстанского урана в Японию. Почти весь уран, предназначенный для Японии, вывозится через Санкт-Петербург в США, Канаду и Францию для обогащения и только после этого попадает в Страну восходящего солнца. Лишь незначительная часть ядерного топлива обогащается в России. Сейчас разрабатывается проект восточного пути доставки казахстанского урана в Японию. Планируется, что он пройдет через Дальний Восток. В обмен Япония намерена предложить обогащать весь импортируемый из Казахстана уран в России.

Япония сохраняет интерес и к нефтегазовой отрасли региона. Так, японская корпорация JOGMEC активно сотрудничает в Каспийском море с казахстанской национальной компанией «КазМунайГаз».

На российском направлении важнейшим событием стала встреча президентов двух стран в Усть-Каменогорске в сентябре 2010 года. Подписанные там 27 соглашений затрагивают практически все сферы экономик Казахстана и России.

И, наконец, Астанинский саммит стал впечатляющим завершением не только уходящего года, но и целой эпохи в истории внешней политики Казахстана, свидетельством того, что республика является ответственным членом международного сообщества, способным проводить встречи такого уровня.

В целом 2010 год стал временем обновления основных направлений, целей и задач казахстанской внешней политики, что свидетельствует о начавшемся переходе Казахстана из разряда региональных держав в группу крупных международных игроков, то есть на более высокую ступень в мировой табели о рангах. Фактически Казахстан уже выходит за рамки Центральной Азии. Для мирового сообщества он ответственное евразийское государство со своими интересами и здоровыми амбициями.

Но, несмотря на успехи и достижения прошлого года, проблемы, связанные с безопасностью Центральной Азии и международным положением Казахстана, постоянно испытывающего геополитическое давление с разных сторон, никуда не исчезли и перешли на новый уровень.

Традиционная политика

Важнейшим направлением внешней политики РК остается российское, которое включает в себя самую широкую повестку дня — от безопасности и экономики до социально-гуманитарного взаимодействия. Без сомнения, 2010 год был выдающимся с точки зрения сотрудничества Казахстана и России во всех областях. Определяющими факторами в двустороннем сотрудничестве в уходящем году были создание Таможенного союза, председательство РК в ОБСЕ и политическое взаимодействие Астаны и Москвы, в первую очередь на уровне глав государств. Россия оказывала безусловную политическую поддержку Казахстану в ходе его председательства в ОБСЕ.

Казахстан и Россия являются стратегическими партнерами и ближайшими союзниками на постсоветском пространстве. В настоящее время активно развивается сотрудничество в политической, военно-технической, экономической, гуманитарной сферах, что

имеет определяющее значение для внутреннего развития двух государств и их взаимодействия на международной арене.

В течение 2010 года казахстанско-российские отношения развивались как на двустороннем уровне, так и в рамках многостороннего сотрудничества: СНГ, ЕврАзЭС и Таможенный союз, ОДКБ, ШОС и ОБСЕ. Большую роль в развитии двусторонних отношений сыграл план совместных действий Казахстана и России на 2009—2010 годы, который стал конкретизацией общих договоренностей между двумя странами и включал в себя 40 конкретных мероприятий. Они охватывают весь спектр казахстанско-российского сотрудничества: политическую, экономическую, научную и гуманитарную сферы. Масштаб этих мероприятий огромен. Так, в топливно-энергетическом комплексе разрабатывается совместный нефтяной баланс и план транспортировки нефти, реализуется комплексная программа по сотрудничеству в мирном использовании атома.

Доля торгового оборота с Россией составляет более 18% общего объема внешней торговли Казахстана. Сотрудничество охватывает такие области, как энергетика, освоение космоса и инновационные направления. После создания Таможенного союза Казахстан стал наиболее близкой к России страной постсоветского пространства. А после намеченного на 2012 год запуска Единого экономического пространства (ЕЭП) обе страны вместе с Беларусью и вовсе должны образовать структуру, похожую на ЕС.

Хронология 2010 года наглядно иллюстрирует прогресс казахстанско-российских отношений. С 1 января официально, а с 1 июля реально заработал Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России. Он стал основным и определяющим фактором в отношениях между тремя странами. По этому поводу в Казахстане в течение года велись активные дискуссии. Многие отмечали, что республика якобы теряет значительные суммы из-за сокращения таможенных поступлений в бюджет. Озвучивалась цифра в 75 млрд тенге (500 млн долл.). В этой связи напрашивается вывод, что вступление в ТС было актом не экономического, а политического характера. Однако аналогичные точки зрения на уровне общественного мнения высказывались и в России, и в Беларуси. Там тоже многие считают, что понесли значительные потери от создания ТС. Напрашивается вопрос: так кто же выиграл?

В реальности создание Таможенного союза привлечет инвестиции в несырьевые секторы экономики Казахстана. Казахские производители могут расширить свои возможности в области фармацевтики. В рамках Таможенного союза будет свободное обращение лекарств за счет взаимного признания всех разрешительных документов. В России сейчас слишком высокие заградительные барьеры для вхождения иностранных производителей, но для казахстанских игроков они стали неактуальны. В целом в долгосрочной перспективе союз должен положительно сказаться на экономике Казахстана. В частности, можно ожидать усиления конкурентоспособности казахстанских производителей и снижения потока контрабандных товаров.

Казахстан и Россия обеспечивают до 17% мирового экспорта пшеницы. Сейчас в Казахстане действует около 3 тысяч компаний с российским участием, и большая их часть завязана на приграничном сотрудничестве. Сегодня проблема — это южная граница Казахстана, которая превратилась в границу ТС. Перенос таможенного контроля на внешние границы стран произошел лишь частично: российско-белорусская таможенная граница исчезла, а российско-казахстанская просуществует минимум до июля 2011 года: до этого срока Казахстан должен поставить заслон контрабанде и реэкспорту китайских товаров Кыргызстаном.

В начале декабря страны ТС договорились ввести единые нормы и стандарты на нефть и нефтепродукты в рамках Единого экономического пространства. Казахстан хочет добиться увеличения пропускной способности «трубы» до 67 млн т нефти в год. Но для этого необходимо построить новые перекачивающие станции, нефтехранилища на

терминале в районе Новороссийска и установить еще одно выносное причальное устройство. Здесь многое зависит от России, которая согласилась на увеличение квоты Казахстана в Каспийском трубопроводном консорциуме в два раза — с 27,5 млн т до 52,5 млн т, что избавляет республику от поиска каких-либо других альтернатив поставок сырой нефти в европейском направлении. На сегодняшний день Казахстан в целом удовлетворен мощностями прокачки через Россию.

Тесное взаимодействие двух государств позволило в последние годы смягчить удары мирового финансово-экономического кризиса. И в Казахстане, и в России сегодня наблюдается падение спроса на кредитные ресурсы банков. В урановой области национальные атомные компании двух стран выступили единым фронтом в отношениях с внешними партнерами; при этом российский атомпром остался главным партнером Казахстана, обеспечив полный цикл переработки и обогащения казахстанского урана.

Россия и Казахстан теснейшим образом сотрудничают и в космической сфере. Фактически оба государства стоят на пороге запуска широкомасштабной программы международного характера. Важным фактом является то, что пусковые столы «Байконура» ориентированы на ракетоносители российского и украинского производств.

В 2010 году активно продолжалось сотрудничество РФ и РК в транспортной сфере. Еще в 2008 году между транспортными министерствами Казахстана и России был подписан Меморандум о сотрудничестве и развитии автодорог, связывающих Западную Европу и Западный Китай. Казахстан приступил к строительству автокоридора Западная Европа — Западный Китай и уже начал реконструкцию дорог на отдельных участках. Россия, со своей стороны, проводит научные изыскания и анализ экономической составляющей коридора. К 2013 году можно будет сдать часть коридора — казахстанский и китайский участки. К этому времени Россия должна активно подключиться к строительству своей части коридора.

Но в двусторонних отношениях остаются нерешенные проблемы: одна из них — увеличение срока пребывания без регистрации граждан двух государств (например, для граждан Украины срок пребывания без регистрации в России — 90 дней, а для граждан Казахстана — всего 3 дня).

В Центральной Азии существует дефицит питьевой воды. В связи с этим президент Н. Назарбаев на встрече в Усть-Каменогорске предложил вернуться к идее поворота сибирских рек.

В военно-стратегической области остается в «подвешенном состоянии» вопрос об участии Казбрига в миротворческой операции в Афганистане, что вызывает негативную реакцию Москвы. Астана также заинтересована в том, чтобы Москва не выдавливала Грузию из орбиты Содружества, пусть та официально и вышла из СНГ.

Сегодня ведется работа над планом совместных действий на 2011—2012 годы и разрабатывается проект программы до 2020 года. По-видимому, в предстоящем десятилетии роль России как основного политического и торгово-экономического партнера для Казахстана еще более возрастет.

Проблемы безопасности и европейский вектор

Главной целью Казахстана является укрепление системы коллективной безопасности в Центральной Евразии, то есть решение проблемы Афганистана и в целом уничтожение угрозы со стороны радикального исламизма. Чтобы добиться этого, Казахстан стремится к усилению взаимодействия всех международных институтов в сфере безопасности,

действующих в Центральной Азии, — НАТО, ОДКБ, ОБСЕ и ШОС (возможно, также и СВМДА). На это был нацелен Астанинский саммит ОБСЕ.

Проблема Афганистана является по многим порядкам ключевой для безопасности в Центральной Азии и для национальной безопасности Казахстана. И саммит в Астане это наглядно продемонстрировал. Чрезвычайно важно знать и понимать стратегию и планы Запада в отношении этой страны. В геополитическом контексте ситуация в Афганистане затрагивает безопасность широкого региона, включающего Южную Азию, Средний и Ближний Восток, СНГ, КНР. Астана с самого начала предлагала подключить к процессу в качестве партнеров ОБСЕ государства, лежащие по периметру географической зоны Организации, от которых зависит безопасность стран-участниц. Пакистан является именно тем государством, в руках у которого находятся ключи от решения афганской проблемы и от которого в той или иной степени зависит безопасность Центральной Азии.

В 2011 году председательство в Организации переходит к Литве. Естественно, Вильнюс переменит акценты в деятельности ОБСЕ в сторону своего региона — Центральной и Восточной Европы. Приходится ожидать, что на повестку дня, скорее всего, выйдут такие вопросы, как «Восточное партнерство Евросоюза», «Белорусский вопрос», отношения ЕС с Россией, проблемы энергетического снабжения Европы и т.д.

Страны ЕС попытаются переключить геополитическую активность ОБСЕ в направлении Европы и проблем европейской безопасности. Действительно, здесь остается немало проблем: судьба Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ), размещение ПРО ТВД США, судьба Договора о европейской безопасности (ДЕБ) и ряд др. Следует отметить, что Астана в ходе своего председательства не избегала этих тем. Несмотря на будущее сильное влияние европейского фактора, у Казахстана, как и в целом у стран Центральной Азии, остается такой действенный политический инструмент, как Астанинская декларация ОБСЕ от 2010 года. Историческая заслуга Астанинского саммита ОБСЕ состоит в том, что он обозначил данную проблему в рамках Организации и наметил пути ее решения.

Другой комплекс проблем связан с отношениями Казахстана (и стран Центральной Азии в целом) с Европейским союзом. Отношения Казахстана с Европейским союзом носят достаточно специфический характер. С формальной точки зрения для многих внешних партнеров Казахстан принадлежит к Азии; время от времени Астана также подчеркивает этот аспект своей геополитической идентичности. В то же время на доктринальном уровне Казахстан позиционирует себя как евразийское государство (для чего есть все объективные основания).

Говоря о стратегии и тактике Казахстана и других стран Центральной Азии в отношении ЕС, следует исходить из понимания природы заинтересованности Европы в сотрудничестве с регионом и общности интересов ЕС и ЦА. Понятно, что Центральная Азия интересует Евросоюз прежде всего в качестве стабильного источника природных ресурсов. В то же время Брюссель заинтересован в распространении своих нормативных ценностей на регион. С другой стороны, европейские государства, как члены НАТО, играют немаловажную роль в борьбе с угрозами, исходящими из Афганистана. Кроме того, ЕС не приветствует доминирующую роль США в Евразии и склонен считаться с ролью России в регионе. В последнее время эксперты говорят о том, что именно Евросоюз способен сыграть в будущем роль противовеса (поскольку Россия самоустранилась) растущему доминированию Китая в Центральной Азии. Все эти факторы следует учитывать при формировании позиции стран ЦА в отношении ЕС.

В этих условиях политика Казахстана, направленная на стабилизацию ситуации Афганистана и в целом в регионе, объективно защищает прямые интересы Евросоюза, в первую очередь, в сфере безопасности.

В отношениях с Евросоюзом Казахстану придется учитывать то обстоятельство, что ЕС сегодня переживает серьезную внутреннюю трансформацию, которая затрагивает

практически все сферы его взаимодействия с внешним миром. В настоящее время активность ЕС на этих направлениях сдерживается острым бюджетным кризисом в странах Южной Европы (Греция, Испания, Португалия, Италия), помощь этим государствам оттягивает все наличные ресурсы Евросоюза.

В период председательства ФРГ в Европейском союзе была предпринята попытка пересмотреть весь спектр отношений со странами СНГ. При этом новая внешняя политика ЕС была далеко не всегда успешной. Евросоюзу не удалось заключить новое соглашение о партнерстве и сотрудничестве с Россией, устранить противоречия в политике Организации в отношении Украины, Беларуси, государств Кавказа и Центральной Азии. При этом наметились определенные противоречия и даже конкуренция между старыми и новыми членами Европейского союза за контроль над транспортом углеводородов из стран СНГ. К тому же стратегия ЕС в сфере установления контроля над традиционными и альтернативными источниками энергоресурсов неизбежно сталкивается (и этот процесс необратим) с интересами его конкурентов — США, Японии, Китая и Индии.

Казахстан, учитывая растущий интерес ЕС к региону, должен использовать различные инструменты и методы влияния на своего могущественного партнера. Необходимо обратить внимание европейских партнеров на изъяны и слабые места европейской стратегии в отношении Центральной Азии. Так, ЕС не вполне серьезно воспринимает угрозы, исходящие со стороны Афганистана и всего обширного региона, лежащего к югу от Центральной Азии (религиозный радикализм, наркотрафик, нелегальная миграция и др.).

Важно обратить внимание партнеров на то обстоятельство, что в центральноазиатской стратегии ЕС доминирует не экономический, а политический подход. Приоритеты Евросоюза в вопросах построения демократии в странах региона часто меняются и даже противоречат друг другу. ЕС традиционно преувеличивает потенциал гражданского общества как мотора демократических преобразований и недооценивает роль государства в этих вопросах.

Отношения ЕС с Арменией, Азербайджаном, Грузией, Молдовой и Украиной устанавливаются в рамках документа «Инструменты европейского соседства и партнерства», а отношения с Центральной Азией регулируются «Документом об экономическом сотрудничестве и сотрудничестве в деле развития», не имеющим региональной привязки. Таким образом, в центре Азии создается остров, не рассматриваемый ни как «Азия», ни как часть «европейского соседства», что создает основу для неоправданной дискриминации интересов Казахстана и других государств Центральной Азии. Помимо этого Казахстан должен добиваться максимального облегчения визового режима для своих граждан. В сфере торговых отношений Астане необходимо добиваться изменения в благоприятную для РК сторону тарифной политики ЕС по определенной номенклатуре казахстанских экспортных товаров (сталь, уран и др.). Этот вопрос можно было бы увязать с определенными шагами и уступками в энергетическом диалоге между Казахстаном и ЕС.

Представляется, что влияние ЕС на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии, объективно имеет долгосрочный характер и будет сохраняться на длительную перспективу. Таким образом, ЕС остается одной из важнейших геополитических и геоэкономических величин, определяющих будущее и безопасность Центральной Азии.

В своих отношениях с Евросоюзом Казахстан должен учитывать, что доминирующие позиции ЕС как основного экономического центра в Евразии могут быть утрачены. Кроме того, страны Евросоюза становятся объектами внешней миграции. Происходят глубокие трансформационные процессы в его социальной структуре и промышленности. В то же время зависимость ЕС от евразийских источников энергии будет сохраняться еще долго.

Казахстанская программа «Путь в Европу» — то есть максимально возможная политическая и экономическая интеграция РК с Евросоюзом — имеет мало шансов на реализацию в современных условиях. Это обусловлено особенностями политической куль-

туры ЕС, его геополитическими и географическими императивами, а главное — предубеждением к государствам постсоветского пространства. Наглядный пример — сложные отношения ЕС с Россией и другими странами СНГ. Ключевой проблемой для Казахстана, России и ряда других стран СНГ останется системная несовместимость государств, руководствующихся принципами суверенитета, и интеграционной машины Евросоюза с ее «бюрократическим империализмом».

Очевидно, что на отношения Европейского союза и Казахстана и в целом Центральной Азии в ближайшее время будут влиять геополитические факторы и геоэкономическая ситуация. К ним можно отнести новую стратегию Соединенных Штатов в Центральной Азии, неясность перспектив развития военно-стратегической ситуации в Афганистане, состояние отношений между Россией и Западом, мировой экономической кризис, возросшее значение энергетических ресурсов и продовольственной безопасности. Эти факторы могут как динамично и позитивно повлиять на развитие отношений между Европой и Центральной Азией, так и негативно сказаться на их дальнейшей судьбе.

Выводы и рекомендации

В 2011 году Казахстан завершает свое председательство в ШОС, которое должно увенчаться саммитом летом этого года. В этой связи резко возрастает значение казахстанско-китайских отношений. Многое для Казахстана (и других государств ЦА) будет зависеть от динамики развития Китая и его способности решать возникающие проблемы.

Необходимо признать, что противодействовать экономическому и торговому проникновению Китая в регион ни государства Центральной Азии, ни Россия не в состоянии. Более того, в настоящее время Китай для Центральной Азии является более значимым партнером, нежели Центральная Азия для Китая. Сегодня вполне очевидно, что взаимодействие с КНР имеет важнейшее значение для поддержания положительной экономической динамики государств региона. Необходимо использовать китайское присутствие на пользу социально-экономическому развитию Казахстана.

Это может быть расширение казахстанско-китайского сотрудничества в несырьевых отраслях экономики. Необходимо не только проводить тщательную экспертизу всех заключаемых с Китаем контрактов, но и добиваться их транспарентности. К сожалению, китайская трудовая миграция — это объективная реальность, с которой необходимо считаться. Но в наших силах организовать строгий учет мигрантов и контроль за их деятельностью.

Единственное, что реально может остановить продвижение Китая в регион, — активизация интеграционных процессов на пространстве Евразии (СНГ). Формирование Таможенного союза России, Казахстана и Беларуси — существенный шаг в ограничении экспансии Китая на постсоветском пространстве.

Китай начал выступать конкурентом в регионе не только Западу, но и России. Китайское присутствие в Центральной Азии, традиционно являющейся зоной влияния России, становится все заметней и ощутимей. И в ближайшей и среднесрочной перспективе Китай и Россия, конкурируя друг с другом или объединяясь на почве противостояния Западу, будут бороться за геостратегическое пространство и стратегически важные полезные ископаемые Центральной Азии и Каспийского региона.

Перспективы дальнейшего сотрудничества Казахстана с ШОС следует рассматривать с позиций интенсификации сотрудничества и достижения стратегических задач; это активизация региональных интеграционных процессов как важного фактора ослабления негативных проявлений глобализации; содействие обеспечению региональной безопасности ЦА; проведение политики, направленной на углубление региональной интеграции;

привлечение денежных средств других государств Организации для реализации экономических проектов в Казахстане; защита стран ШОС от влияния внешнеэкономических кризисных явлений, а также их последствий; дальнейшее укрепление отношений Казахстана со странами ШОС и расширение его участия в региональных структурах. То, что в рамках ШОС можно организовать эффективную борьбу с терроризмом и наркотрафиком, не вызывает никаких сомнений.

В сфере таможенных отношений необходимо максимально упростить процедуру пересечения внутренних границ стран ШОС и оформление документов на все виды транспортных средств. Для дальнейшего развития страны принципиально важно расширить выход на внешние рынки, включая страны ШОС. Для этого необходимо более рациональное использование транспортно-транзитного потенциала региона и формирование рынка транспортных услуг. С целью повышения эффективности грузопассажирских перевозок требуется разработать единую систему налогообложения транспортных средств и услуг.

Необходимо противодействовать на национальном и наднациональном уровне кризисным процессам на финансовых рынках Европы и США. Для экономической защиты стран ШОС Казахстан предлагает создать Региональный центр ШОС по мониторингу мировых финансовых рынков и макроэкономических процессов. Качественно новым и перспективным направлением деятельности Казахстана в ШОС может стать область космических исследований.

Очевидно, что единственная возможность продемонстрировать эффективность Организации и ее значимость для региона — это усилить в ШОС вектор экономического сотрудничества. Первый шаг — создание Инвестиционного банка ШОС. Большой вопрос возникает и с тем, как именно Китай мог бы подключиться к интеграционным структурам, которые уже существуют на пространстве Центрально-Азиатского региона и в рамках СНГ.

Проблема Афганистана является по многим аспектам ключевой для безопасности Центральной Азии и национальной безопасности Казахстана. Важно понимать стратегию Запада в отношении этой страны.

США уже давно озвучили идею о возможности направления казахстанского контингента в Афганистан, особенно в связи с председательством РК в ОБСЕ. Подобный шаг со стороны Астаны может вызвать определенные политические издержки во внутренней политике и негативно отразиться на международном положении РК. Резко отрицательная реакция Москвы на подобное развитие событий уже фактически озвучена. С другой стороны, Казахстан, как и другие центральноазиатские государства, не может безучастно наблюдать за ухудшением ситуации в Афганистане в случае эскалации дестабилизирующего эффекта от ухода войск США и НАТО.

По-видимому, выход из такого положения лежит в усилении сотрудничества Казахстана и стран ЦА с державами, чья ответственность в Афганистане автоматически возрастает после эвакуации западных сил. К этим державам относятся, помимо Пакистана, Китая, Индии, Ирана и России. В качестве инструментов укрепления собственной безопасности группа государств Центральной Азии располагает только такими институтами, как ОДКБ и ШОС, которые также нуждаются в институциональном усилении и стратегическом реформатировании. Кроме того, Казахстан располагает таким политическим инструментом, как Астанинская декларация ОБСЕ, позволяющим инициировать меры в области евро-азиатской безопасности, в том числе по проблеме Афганистана, так или иначе затрагивающей большинство членов ОБСЕ.

В 2011 году Республика Казахстан осуществляет председательство (техническое) в СМИД ОИК. Бурные события в ряде арабских стран в конце 2010 года и начале 2011 года неизбежно отразятся на деятельности ОИК и председательстве Казахстана.

Для безопасности Казахстана первоочередной задачей остается сохранение стабильности в непосредственной географической близости и в сфере геополитических интересов РК — в Центральной Азии, Афганистане, СУАР, Иране, Каспийско-Кавказском регионе. Немаловажным фактором является то, что наряду с Казахстаном членами ОИК являются и другие республики СНГ, а Российская Федерация имеет там статус наблюдателя.

Таким образом, важная задача председательства РК в СМИД Организации «Исламская конференция» в 2011 году — избежать втягивания ОИК в конфликтно-политические процессы. В то же время Астана как председатель СМИД могла бы сосредоточиться на активизации усилий по таким направлениям, как экономическое сотрудничество, здравоохранение, культурно-гуманитарное сотрудничество, межконфессиональное и межцивилизационное взаимодействие.

Председательство в ОИК позволит Казахстану активно содействовать решению проблем, связанных с Афганистаном, с иранской ядерной программой, дефицитом водных ресурсов.

Казахстану необходимо интенсифицировать сотрудничество в нефтегазовой области в рамках ОИК. В этой связи ему интересен опыт Катара в газовой сфере: производство СПГ откроет Казахстану выход на новые рынки, позволит овладеть инновационными технологиями, которые пока практически не применяются.

В области торгово-экономического сотрудничества целесообразно инициировать переговоры по разработке для зоны ОИК (возможно, в рамках многостороннего договора) открытой системы торговли, инвестиций, технологического обмена и экономического сотрудничества. В сфере здравоохранения сессия СМИД ОИК может по инициативе РК усилить сотрудничество в области детского здравоохранения, борьбы с полиомиелитом и эндемическими заболеваниями (в рамках резолюции ОИК № 3/36).

В области культурно-гуманитарного, межконфессионального и межцивилизационного сотрудничества желательны принятие резолюции ОИК (с обращением к ООН и ОБСЕ) о поддержке со стороны Организации идеи создания в Астане международного Института (Центра) по развитию диалога между мировыми конфессиями.

НОВЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Икбалжан МИРСАЙТОВ

*кандидат политических наук, независимый эксперт
(Бишкек, Кыргызстан)*

Введение

7 апреля 2010 года в Кыргызской Республике (КР) был низложен президент К. Бакиев. Политический режим в республике сменился второй раз, в истории Центральной Азии (ЦА) подобных событий еще не происходило.

Временное правительство (ВП) во главе с Р. Отунбаевой состоит из лидеров 14 оппозиционных партий, в числе их можно назвать О. Текебаева («Ата-Мекен»), А. Атамбаева (СДПК), Т. Сариева («Ак-Шумкар»), А. Бекназарова («Объединенное народное движение»), Э. Каптагаева («Улуу Биримдик») и др. ВП КР само охарактеризовало себя как «узурпаторов» и «диктаторов»¹.

Упразднение законодательной и исполнительной власти, роспуск всех министерств и бюрократического аппарата позволили ВП КР сконцентрировать в своих руках всю полноту власти, что привело к политическому дефолту, в частности, в южных областях страны.

С 13 по 19 мая в Ошской, Джалал-Абадской и Баткенской областях сторонники бывшего президента К. Бакиева предприняли неудачную попытку реванша, намереваясь захватить власть на юге страны; в результате под стражу были взяты бывший руководитель Администрации президента КР (2005—2006 гг.) У. Сыдыков и лидер Партии коммунистов Кыргызстана И. Масалиев. В ходе столкновений между сторонниками и противниками бывшего президента КР в Джалал-Абадской области было сожжено родовое имение К. Бакиева (в селе Тейит); погибло несколько человек.

С 10 по 16 июня произошли массовые кровавые межэтнические столкновения между кыргызами и узбеками в городах Ош и Джалал-Абад; по официальным данным, погибли 423 человека, повреждены около 2 тыс. частных домов (из них 1 690 полностью разрушены).

Однако, несмотря на политическую нестабильность и трагические события в южных регионах, ВП КР сформировало Конституционное совещание с целью изменить действующую Конституцию страны и существующую форму правления (с президентской на парламентскую); в связи с этим на 27 июня 2010 года был назначен общенациональный референдум.

¹ Текебаев О. Мы являемся узурпаторами и диктаторами [www.24.kg]

Накануне плебисцита около 100 тыс. людей узбекской национальности (граждан КР) находились на территории Республики Узбекистан (РУ) в качестве беженцев («временно перемещенных лиц»), а кыргызы уезжали с мест конфликта к родственникам в другие местности. Создавшаяся ситуация послужила поводом к изменению Кодекса о выборах в КР, который теперь гласит, что гражданин может голосовать «не по месту прописки», а по «месту фактического его проживания на момент выборов»². Подобные изменения в Кодексе дали ВП КР возможность получить достаточное количество голосов в пользу конституционных изменений.

Вполне очевидно, что население страны голосовало не за новую власть, а за стабильность и безопасность. По итогам референдума президентом КР на переходный период (до 31 декабря 2011 г.) была избрана Р. Отунбаева³.

На 10 октября 2010 года были назначены выборы в Жогорку Кенеш (ЖК) — парламент КР. 10 августа было официально объявлено о старте предвыборной кампании. На момент назначения даты выборов в Министерстве юстиции было зарегистрировано свыше 150 политических партий; 57 из этих партий подали заявку в ЦИК КР на участие в выборах, у 29 из них были приняты списки кандидатов, и все они без исключения были зарегистрированы.

Итоги выборов оказались несколько неожиданными: в парламент прошли 5 политических партий: «Ата-Журт» (лидер К. Ташиев), СДПК (А. Атамбаев), «Республика» (О. Бабанов), «Ар-Намыс» (Ф. Кулов) и «Ата-Мекен» (О. Текебаев). Провластные политические партии (СДПК и «Ата-Мекен») не получили большинства голосов, а

² Декрет Временного Правительства Кыргызской Республики № 94 от 1 июля 2010 года «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Кыргызской Республики о выборах в Кыргызской Республике».

³ См.: Декрет Временного Правительства КР № 39 от 19 мая 2010 года «О Президенте КР на переходный период» // Слово Кыргызстана, 8 июля 2010. С. 12.

некоторые из них («Ак-Шумкар» и ОНД) не смогли преодолеть даже 5%-й барьер. Более подробно о выборах и их результатах будет сказано ниже.

Особенности смены политического устройства в КР

К концу 2009 года объявленный курс на «обновление страны», выборы президента и реформа государственной службы окончательно подтолкнули процесс формирования единого оппозиционного движения, готового к радикальным действиям. Наряду с политической оппозицией началось формирование оппозиции социальной.

Повышение тарифов на электроэнергию и коммунальные услуги с 1 января 2010 года ускорило процесс объединения социальной и политической оппозиций; на 6 апреля 2010 года были назначены акции протеста, которые в Таласской области переросли в вооруженное противостояние населения и правоохранительных органов. Столкновения между сторонниками оппозиции и властями, продолжавшиеся в Бишкеке до конца дня 7 апреля, вынудили К. Бакиева покинуть столицу и переехать в Джалал-Абад; подобный поворот событий стал неожиданностью для большинства населения.

Противостояние между сторонниками и противниками экс-президента продолжалось вплоть до его окончательного отъезда из страны; по южным областям прокатилась волна возмущения, вызванная обострившимся регионализмом (противостояние Север — Юг), а среди населения стали распространяться листовки с призывом к образованию «Южной Кыргызской Республики»⁴. Страна оказалась на грани гражданской войны, предотвратить которую удалось благодаря вмешательству президентов России, Казахстана, Беларуси и США, а также отъезду К. Бакиева из страны.

ВП КР взяло курс на конституционную реформу; было образовано Конституционное совещание, в состав которого вошли представители различных общественных, гражданских и молодежных организации, а также политики и юристы. В Кыргызстане и за его пределами развернулась широкая дискуссия о конституционном устройстве страны. Большинство членов ВП (О. Текебаев, Р. Отунбаева, А. Атамбаев, Т. Сариев, А. Бекназаров и Э. Каптагаев) считают наиболее приемлемой для КР парламентскую форму правления. Противниками парламентской формы правления выступают лидеры таких политических партий, как «Ата-Журт» (К. Ташиев), «Ар-Намыс» (Ф. Кулов), и «Бутун Кыргызстан» (А. Мадумаров); они утверждают, что Кыргызстану необходима сильная президентская власть и каждый из них будет стремиться изменить конституцию в пользу ее усиления. С критикой парламентской формы правления выступил и президент РФ Д. Медведев⁵.

Процесс легитимизации новой власти проходил с трудом. На 27 июня 2010 года ВП назначило общенациональный референдум по новой Конституции; согласно новой редакции Конституции⁶, властные и распорядительные полномочия между президентом КР, ЖК КР и премьер-министром КР распределены следующим образом:

Президент страны является главнокомандующим ВС КР, определяет, назначает и освобождает от должности высший командный состав ВС, с согласия ЖК назначает Генерального прокурора КР, представляет государство внутри страны и за его пределами, ведет переговоры и подписывает международные договоры КР. Президент является председателем Совета обороны.

⁴ Подобного рода листовки были опубликованы на форуме [www.diesel.elcat.kg].

⁵ См.: Президент РФ Д. А. Медведев озвучил свою точку зрения по российскому телевидению, а информационные агентства Кыргызстана распространили их по всей стране [www.24.kg].

⁶ См.: Конституция КР // Слово Кыргызстана, 8 июля 2010.

Жогорку Кенеш принимает закон о назначении референдума, назначает выборы президента страны, вносит изменения в Конституцию, решает вопросы об изменении государственных границ, избирает определенное количество членов в ЦИК КР и Счетную палату, назначает и освобождает от должности омбудсмана КР, устанавливает воинские звания и формирует коалиционное правительство из числа депутатов избранных политических партий. Правительство несет ответственность перед ЖК КР.

Премьер-министр КР осуществляет руководство деятельностью правительства, ведет переговоры и подписывает международные договоры, назначает и освобождает руководителей административных ведомств и глав местных государственных администраций.

Таким образом, КР стала одной из первых постсоветских стран, приступивших к формированию парламентской системы правления, что вызвало определенную критику со стороны глав государств Центрально-Азиатского региона (ЦАР) и одобрение европейских стран, а также Японии, Турции и США. Однако по распределению полномочий политическая система Кыргызстана больше напоминает президентско-парламентскую форму правления, так как президент и парламент республики, обладая одними и теми же полномочиями, дополняют друг друга.

Назначенный на 27 июня 2010 года общенациональный референдум по принятию новой редакции Конституции КР оказался под угрозой срыва, так как огромное количество уволенных из государственного аппарата чиновников и бывших депутатов парламента считали декреты ВП нелегитимными, а действия — неправомерными. Кроме того, ВП не установило полный контроль над регионами страны; в стране начался политический кризис, усилилась активность криминальных структур.

С 13 по 19 мая была предпринята попытка государственного переворота, которую возглавили бывшие государственные чиновники: руководитель администрации К. Бакиева, лидер политической партии «Жаны Кыргызстан» У. Сыдыков, а также губернаторы Ошской (М. Бакиров) и Джалал-Абадской (К. Масиров) областей. Однако сторонники свергнутого президента, пытавшиеся захватить областные администрации Ошской и Джалал-Абадской областей, потерпели неудачу; в ходе столкновений было применено оружие и погибло несколько человек.

Трагические события в Ошской и Джалал-Абадской областях и их последствия

Июньские события в Кыргызстане показывают, что ситуация в республике больше не является внутренней проблемой страны: она представляет собой угрозу стабильности всего ЦАР.

В экспертном сообществе существуют различные точки зрения на события, произошедшие в Кыргызстане. Доверие между двумя проживающими в республике братскими народами (кыргызами и узбеками) основательно подорвано; обе этнические группы чувствуют себя незащищенными. Часть населения превратилась во внутренних мигрантов, другая пополнила ряды гастарбайтеров в России и Казахстане. В обществе преобладают упаднические настроения, люди разочарованы и потеряли веру в будущее.

По поводу трагических событий, произошедших на юге Кыргызстана, государственные структуры Кыргызстана, международные правозащитные организации и лидеры центральноазиатских государств выдвигают различные версии.

Государственная версия

Одной из первых результаты расследования трагических событий в Ошской и Джалал-Абадской областях озвучила Государственная служба национальной безопасности Кыргызстана (ГСНБ). Пресс-служба ГСНБ отмечала, что в начале мая 2010 года на территории афганского Бадахшана (в г. Бахорак) на совещании эмиссаров и полевых командиров движения «Талибан», Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и Объединенной таджикской оппозиции (ОТО) при личном участии М. Абдулло и двух представителей семьи Бакиевых была достигнута договоренность об оказании помощи силами ИДУ в дестабилизации ситуации в КР; на осуществление этой цели семья экс-президента обещала выделить денежные средства в сумме 30 млн долл.⁷ Таким образом, спецслужбы КР возложили всю ответственность за конфликт на международные террористические силы и семью К. Бакиева.

В свою очередь, президент переходного периода Р. Отунбаева своим Указом создала Национальную комиссию (из 29 чел.) для выяснения причин и последствий трагических событий на юге республики в июне 2010 года. По словам председателя комиссии А. Эркебаева, результаты работы комиссии должны были быть обнародованы 10 сентября. Однако вскоре А. Эркебаев временно сложил с себя полномочия в связи с предстоящими выборами в парламент страны.

17 августа 2010 года А. Эркебаев и Ж. Жекшеев выступили с предварительными результатами деятельности Национальной комиссии, что вызвало возмущение других ее членов⁸.

Работа сотрудников правоохранительных органов была признана недостаточно эффективной, что позволяет говорить о деморализации милиции, которая во время июньских событий допустила раздачу оружия гражданскому населению.

На юге были задержаны шесть иностранных граждан, подозреваемых в выполнении роли наемников; они однозначно заявили о содействии семьи Бакиевых в организации беспорядков.

Ж. Жекшеев отметил, что перед началом беспорядков на юге наблюдался большой наплыв иностранных журналистов; создается впечатление, что «они знали о готовящихся событиях», так как их публикации зачастую опережали происходившее. В настоящее время комиссия выясняет причины этого странного стечения обстоятельств.

Ж. Жекшеев также заявил, что никакого межэтнического конфликта не было и события были специально организованы, однако на вопрос о том, кто же конкретно виноват в произошедшем, комиссия так и не ответила.

Деятельность Национальной комиссии во главе с А. Эркебаевым подверглась критике другого ее члена А. Князева. Он отметил, что результаты работы комиссии не вызывают доверия и что сам он просто формально числится в списке ее членов, но никогда не приглашался на заседания⁹.

По мнению председателя комиссии, зачинщиками столкновений стали некоторые лидеры узбекской общины. Отчет о результатах работы Комиссии был опубликован и оглашен в парламенте страны, вызвав бурную дискуссию среди интеллигенции, депутатов и экспертов, продолжавшуюся три дня.

⁷ См.: Отдел по связям с общественностью и СМИ ГСНБ Кыргызской Республики, 24 июня 2010 [www.24.kg].

⁸ См.: *Абдирасулова А.* Председатель комиссии по расследованию событий в Оше грубо нарушил принципы работы [http://www.ferghana.ru/news.php?id=15396, www.24.kg].

⁹ См.: *Князев А.* Политика национального шовинизма, которую поддерживают власти, может привести к потере Кыргызстаном своей государственности [http://www.24.kg/community/80727-aleksandr-knyazev-politika-nacionalnogo.html].

Версия международных организаций

22 июля специальный представитель Парламентской ассамблеи ОБСЕ по ЦА К. Кильюнен сообщил о начале работы Международной независимой комиссии по расследованию трагических событий июня 2010 года на юге Кыргызстана. К. Кильюнен также отметил, что комиссия была создана по инициативе Р. Отунбаевой.

Целью работы комиссии является объективное расследование всех фактов, связанных со вспышкой насилия в городе Ош, а также в Ошской и Джалал-Абадской областях; вокруг событий на юге ходит много слухов и выдвигаются различные гипотезы. Для выяснения истинных причин трагедии комиссия планирует собрать и проанализировать все факты, а также попытаться найти пути к примирению. К участию в расследовании будут привлечены Национальная комиссия (во главе с А. Эркебаевым) и правоохранительные органы страны.

Работа комиссии, в состав которой вошли представители различных международных организаций и независимые эксперты, началась в первых числах августа, а в январе 2011 года правительству КР и всем интересующимся сторонам был представлен окончательный отчет¹⁰.

16 августа доклад о причинах беспорядков на юге обнародовала также международная правозащитная организация «Хьюман райтс вотч» (ХРВ).

В своем 91-страничном докладе «Где справедливость? Межнациональные столкновения на юге Киргизии в июне 2010 года» ХРВ делает вывод, что правительственное расследование сопровождается серьезными нарушениями на фоне продолжающегося на юге насилия. Как отмечает международная правозащитная организация, власти должны провести оперативное расследование и привлечь виновных к ответственности.

Доклад ХРВ был основан на материалах свыше 200 интервью с пострадавшими и свидетелями из числа кыргызов и узбеков, а также с адвокатами, правозащитниками и должностными лицами (включая силовиков); при его подготовке были использованы фото- и видеоматериалы, документы, вещественные доказательства и спутниковые снимки¹¹.

Публикация материалов, собранных международной правозащитной организацией, вызвала волну возмущения среди населения страны; активисты «Движения 7 апреля» провели пикеты и митинги у здания Дома ООН в Бишкеке. Прозвучали комментарии несогласных с выводами международной организации политиков и экспертов.

Сразу после трагических событий президент КР переходного периода Р. Отунбаева инициировала ввод Полицейской консультативной группы (ПКГ) ОБСЕ на территорию Ошской и Джалал-Абадской областей; соответствующее решение было принято 22 июля на заседании Постоянного совета ОБСЕ 56 странами-участницами.

На основании принятого решения Кыргызстан и ОБСЕ приступили к проработке и подписанию Меморандума о взаимопонимании между правительством КР и ОБСЕ по деятельности ПКГ ОБСЕ в Кыргызстане¹². Главой ПКГ в Кыргызстане был назначен М. Мюллер¹³.

ПКГ ОБСЕ будет состоять из 32 прикомандированных международных представителей (в основном среднего и старшего управленческого звена, включая главу ПКГ и его

¹⁰ См.: Кильюнен К. Мы хотим выяснить причины трагедии и что на самом деле произошло на юге Кыргызстана в июне этого года [http://kyrgyzel.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=783&Itemid=1].

¹¹ См.: Доклад «Хьюман райтс вотч» «Где справедливость? Межнациональные столкновения на юге Киргизии в июне 2010 г.»

¹² См.: МИД КР: Полицейская консультативная группа ОБСЕ в Кыргызстане будет руководствоваться принципами нейтральности, беспристрастности, транспарентности и многонациональности [www.24.kg], 23 июля 2010.

¹³ [www.ИА СА-News].

заместителя). Первоначально пребывание ПКГ ОБСЕ планируется на 4-месячный срок, который может быть пересмотрен в зависимости от ситуации с безопасностью в регионе (по инициативе и с согласия КР и ОБСЕ).

Однако мнения населения страны по поводу решения о вводе ПКГ ОБСЕ в Ошскую и Джалал-Абадскую области разделились: лидеры политических партий «Ата-Журт», «Ар-Намыс», «Движение 7 апреля» и «Азаттык» выступили с резкой критикой в адрес руководства. 30 июля мэрг. Ош М. Мырзакматов и депутаты городского кенеша приняли постановление об отказе от ввода ПКГ ОБСЕ¹⁴. Были организованы митинги и пикеты протеста со стороны молодежных движений в Оше и Бишкеке.

За ввод ПКГ ОБСЕ выступили представители этнических меньшинств Ассамблеи народов Кыргызстана, часть неправительственных организаций, официальные органы власти и МИД республики. Отношение к вводу ПКГ неправительственных организаций на юге страны определилось по национальному признаку: представители кыргызской национальности выступили против, а узбеки — за.

По мнению большинства противников решения, ввод ПКГ ОБСЕ создаст угрозу разделения страны и может привести к реализации «косовского сценария»; усиленно распространялись слухи, что ОБСЕ намеревается «купить» членов правительства КР за огромную сумму денег. Еще одной активно обсуждаемой темой стала безопасность самих полицейских ОБСЕ.

Однако главные опасения противников ввода ПКГ связаны с тем, что полицейские-консультанты могут занять позицию одной из сторон конфликта, что повлияет на объективность итогового отчета. А международное сообщество на основании этого отчета может принять решение о необходимости ввести внешнее управление в Кыргызстане, как это было в Косове.

Президент Р. Отунбаева была вынуждена отложить ввод ПКГ на более поздний срок; между КР и ОБСЕ был подписан меморандум, и в настоящее время отрабатываются различные варианты ввода¹⁵.

Вместе с тем президент Узбекистана И. Каримов, выступая в Бухарской области, категорически не согласился с «мнением, что это конфликт между двумя народами, между двумя нациями... ни у кыргызского народа, ни у узбеков, проживающих там, нет причин в разжигании этой трагедии. Эта акция организована исподтишка со стороны тех, кто называет себя нашими друзьями»¹⁶.

Выборы в ЖК КР и начало парламентского строительства

9 августа 2010 года ВП КР приняло Декрет № 117 «Об отмене чрезвычайного положения в городах Ош, Джалал-Абад, Узген, Кара-Суйском, Араванском районах Ошской области и Сузакском, Базар-Коргонском районах Джалал-Абадской области Кыргызской Республики».

Указом президента КР «О назначении выборов депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 9 августа 2010 года на 10 октября были назначены выборы в ЖК.

¹⁴ [www.akipress.kg], 30 июля 2010.

¹⁵ См.: Миссия Полицейской консультативной группы ОБСЕ в Кыргызстане: Вопросы и ответы [www.zpress.kg].

¹⁶ Каримов И. «Я уверен — мы будем жить в мире и согласии!» Речь И. Каримова в Бухарской области 18 июня 2010 года [http://www.kyrgyz-el.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=775&Itemid=1].

Кроме того, 9 августа ВП КР приняло Декрет «О признании утратившим силу Декрета Временного Правительства Кыргызской Республики от 1 июля 2010 года № 94 «О внесении дополнений и изменений в Кодекс Кыргызской Республики о выборах в Кыргызской Республике».

О намерении принять участие в выборах заявили 57 политических партий, 29 из них подали в ЦИК списки кандидатов, которые все без исключения были зарегистрированы.

В конце июля ряд политических партий инициировал проведение «Форума Доверия», результатом которого стало подписание Этического кодекса участника парламентских выборов 2010 года. Кроме того, 11 августа 26 политических партий подписали Кодекс поведения политических партий, разработанный при содействии ОБСЕ, Национального демократического института международного отношений, Международного республиканского института и ЮСАИД.

10 сентября 2010 года был официально дан старт началу предвыборной агитации политических партий в стране.

В ЦИК КР было аккредитовано 365 международных наблюдателей из 31 страны, представляющих 11 различных организаций, в том числе БДИПЧ/ОБСЕ, МПА СНГ, ЕврАзЭС, Международную ассоциацию «Elections&Democracy» и посольство Бразилии. Согласно Кодексу о выборах, аккредитация международных наблюдателей завершится за пять дней до начала выборов¹⁷.

Официальные власти предпринимали беспрецедентные меры по обеспечению безопасности выборов; об этом заявил Секретарь Совета безопасности КР М. Иманкулов, выступая на первом съезде народных дружин КР¹⁸ 21 сентября 2010 года. Свою помощь в обеспечении общественного порядка в день выборов предложили народные дружины. Инициатором этого выступил кандидат в депутаты от СДПК¹⁹.

Как уже отмечалось ранее, предстоящие выборы вызывали беспокойство среди населения, которое не надеялось на их мирный исход: анализ ситуации свидетельствовал, что в обществе еще существовало напряжение, угрожавшее безопасности.

Несмотря на это, многие избиратели определились со своим выбором; наблюдался рост поддержки политических партий населением.

Избирательная кампания сопровождалась протестными акциями по поводу ареста бойцов группы «Альфа» и офицеров Службы государственной охраны, обвиненных в убийстве демонстрантов 7 апреля в Бишкеке. Помимо родственников в демарше приняли участие сотрудники задержанных, которые в знак протеста выразили готовность массово подать заявления об увольнении. Правозащитная общественность выразила протест по поводу процессуальных нарушений в ходе следствия и обратилась в Генеральную прокуратуру с заявлением, в котором, в частности, отмечалось, что расследование руководствуется не нормами Уголовно-процессуального кодекса, а эмоциональной составляющей. 4 октября под давлением общественности был освобожден из-под стражи руководитель подразделения спецслужб «Альфа» А. Джолдошалиев²⁰.

В период предвыборной агитации продолжают судебные процессы, связанные с трагедией в Ошской и Джалал-Абадской областях. Действия правоохранительных и судебных органов, сопровождающиеся избиениями подсудимых и угрозами в адрес их адвокатов, вызывает сильное беспокойство правозащитных организаций. Заявления с призывом обеспечить безопасность и справедливое судебное разбирательство последовали и со стороны некоторых международных организаций.

¹⁷ [www.shailoo.gov.kg].

¹⁸ [http://www.kyrgyz-el.kg/index.php?option=com_content&task=view&id=1348].

¹⁹ [http://www.24.kg/bishkek24/77266-v-obespechenii-obshhestvennogo-poryadka-v-stolice.html].

²⁰ [http://www.ferghana.ru/news.php?id=15666&mode=snews].

Несмотря на активную предвыборную агитацию и многочисленные встречи представителей политических партий с избирателями большой проблемой остается информирование населения о предстоящих парламентских выборах, процедурах голосования и правах электората.

Политические партии пытались привлечь симпатии избирателей, критикуя действия властей и своих соперников, но отнюдь не какими-либо программами по развитию страны и улучшению жизни людей. В итоге избиратели не получили достаточной информации о конкретных механизмах, с помощью которых партии собираются воплощать в жизнь свои идеи и программы.

Избирательный процесс в Кыргызстане привлек пристальное внимание международной общественности: зарубежные СМИ по-разному оценивают предвыборный процесс, отдельные политические партии и их лидеров.

Широкий резонанс в Кыргызстане вызвал показ ролика об одном из лидеров партии, участвующем в предвыборной гонке. Лидеры независимых СМИ и правозащитных организаций выразили возмущение несоблюдением этических норм российским телеканалом НТВ²¹, вмешавшимся в избирательный процесс в суверенном государстве. Кроме того, Совет правозащитников обратился с заявлением к президенту России Д. Медведеву²².

В отличие от предыдущих парламентских выборов в 2010 году ведущие политические партии и их лидеры в значительной мере опирались на поддержку зарубежных государств. Так, Ф. Кулов (лидер партии «Ар-Намыс») получил поддержку со стороны президента РФ Д. Медведева и президента Казахстана Н. Назарбаева, О. Текебаев («Ата-Мекен») посетил Казахстан, КНР и Турцию, К. Ташиев и А. Кельдибеков («Ата-Журт») встретились с президентом Казахстана Н. Назарбаевым, А. Атамбаев (СДПК) неоднократно выезжал в Россию, Турцию и Казахстан, а О. Бабанов («Республика») «пустил в ход» свое знакомство с руководителем администрации президента РФ С. Нарышкиным.

По результатам выборов, состоявшихся 10 октября 2010 года, в ЖК прошли пять политических партий, причем, как уже отмечалось, наибольшее число голосов набрали не партии власти «Ата-Мекен» и СДПК, а оппозиционные «Ата-Журт» и «Ар-Намыс».

В целом результаты выборов в ЖК КР выглядят следующим образом: «Ата-Журт» получила 28 мандатов, СДПК — 26, «Ар-Намыс» — 25, «Республика» — 23 и «Ата-Мекен» — 18.

Президент КР переходного периода Р. Отунбаева поручила сформировать коалиционное правительство лидеру СДПК А. Атамбаеву, однако сформировать коалицию с первой попытки не удалось, так как депутаты ЖК КР не проголосовали за кандидатуру О. Текебаева, выдвинутую на пост спикера парламента.

Вторая попытка была предоставлена лидеру партии «Республика» О. Бабанову; к концу 2010 года было сформировано коалиционное правительство из представителей партий СДПК, «Ата-Журт» и «Республика»; «Ата-Мекен» и «Ар-Намыс» официально объявили себя оппозиционными²³; их фракциям была предоставлена возможность сформировать в ЖК комитеты по финансам и правопорядку.

Правительство КР возглавил лидер СДПК А. Атамбаев, первым вице-премьер-министром стал лидер партии «Республика» О. Бабанов, а вице-премьером — член партии «Ата-Журт» И. Джунусов.

²¹ [<http://www.24.kg/community/83568-sovet-pravozashhitnikov-kyrgyzstana-rassmatrivaet.html>]; <http://thvpi.tk>].

²² [<http://www.24.kg/community/83592-sovet-pravozashhitnikov-kyrgyzstana-obratilsya-s.html>].

²³ По конституции КР политические партии, не вошедшие в коалиционное правительство, считаются официальной оппозицией. Раздел 4, глава I, статья 70, пункт 3.

Выводы

- **Во-первых**, на протяжении 2005—2010 годов в КР дважды сменился политический режим, что вызывает неоднозначную реакцию у руководства других центральноазиатских стран. Кроме того, Кыргызстан стал первой страной ЦА, где произошел переход от президентской формы правления к парламентской.
Однако следует отметить, что в среде политических элит существует немало сторонников президентской формы правления и их позиции все еще сильны.
- **Во-вторых**, конституционные реформы в КР поляризовали позиции международных центров силы; попытки изменить геополитическую карту ЦА приводят к столкновению интересов крупных держав на территории Кыргызстана.
- **В-третьих**, кровавые июньские события в Ошской и Джалал-Абадской областях показали неспособность ОДКБ и ШОС влиять на внутренние дела их стран-членов. Руководство ОДКБ проинформировало мировую общественность о готовности пересмотреть свои уставные документы, расширив свои полномочия по защите государственных систем и информационной безопасности своих членов.
- **В-четвертых**, намечается дальнейший геополитический разлом между центральноазиатскими странами ввиду столкновения их интересов и усиления влияния мировых держав; это отражается на социально-экономической и политической ситуации каждого из государств ЦА.

Таким образом, события, произошедшие в КР в 2010 году, породили новые политические отношения и институты; смена режима усилила регионализм, национализм и межэтнические противоречия. Власти совместно с гражданским обществом начали разработку новой этнополитической концепции.

Новая политическая власть приступила к формированию своей вертикали полномочий, что неминуемо заденет интересы оставшихся «за бортом» региональных клановых структур и бывших чиновников; процесс перераспределения сфер влияния сопровождается активизацией протестного потенциала со стороны недовольных новыми назначениями.

Кроме того, в стране формируется социальная оппозиция: все сильнее выражают недовольство учителя, врачи и пенсионеры — наиболее социально уязвимые слои населения.

В 2011 году должен решиться вопрос, кто станет новым президентом страны на следующие шесть лет. Летом 2011 года парламент должен объявить дату выборов президента; претендентов на этот пост будут выдвигать почти все политические партии, прошедшие в ЖК КР.

Летом или осенью 2011 года политические страсти в стране достигнут высокого накала; после горького опыта парламентских выборов 2010 года, когда некоторые политические партии использовали националистические чувства и формировали «образ общего врага», чтобы получить места в нынешнем парламенте, большинство населения озабочено сохранением стабильности и межэтнической толерантности в обществе.

ПРОБЛЕМА МНОГОПАРТИЙНОСТИ И ОППОЗИЦИИ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ КОНСТРУИРОВАНИИ В УЗБЕКИСТАНЕ

Фархад ТОЛИПОВ

кандидат политических наук, независимый аналитик
(Ташкент, Узбекистан)

Введение

Многопартийность (или мультипартизм) и наличие оппозиции всегда воспринимались как важный признак демократии. Роль многопартийности во многом определяется существующими в той или иной стране структурой политического устройства, типом избирательной системы, моделью правления и т.д. — во взаимосвязанности всех этих факторов и проявляется системный характер политики.

Глубокое изучение данной проблемы позволяет раскрыть многие нюансы, особенности и закономерности формирования мультипартийной системы и оппозиции,

которые при обзорном и прямолинейном подходе зачастую ускользают от внимания исследователей.

При более глубоком изучении этого вопроса применительно к ситуационному анализу стран Центральной Азии (ЦА) обнаруживаются новые дилеммы и проблемы — особенно на фоне схемы «Восток — Запад». Однако, согласно этой схеме, страны ЦА располагаются на *конкретном востоке*, где существуют серьезные онтологические преграды для строительства нового демократического общества, понимаемого как становление многопартийных систем и оппозиции.

Об аксиоматике вопроса

Одна из фундаментальных аксиом теории демократии утверждает: «Демократия немислима без наличия в политической системе страны оппозиционных партий». Считается, что уровень развития демократии в стране определяется характером политической борьбы оппозиционных сил за власть. Однако при более формальном рассмотрении обнаруживается онтологическое несовершенство этого взгляда.

Наблюдение за медленными темпами демократического конструирования¹ в Узбекистане позволило мне сделать маленькое «открытие»: существует определенное смешение терминов, начиная с «демократии» и «гражданского общества» и кончая такими практическими понятиями, как «неправительственные организации». Особо следует вы-

¹ Я использую выражение «демократическое конструирование» вместо расхожего «демократическое строительство», имея в виду не столько практический процесс создания демократии как политической системы, сколько теоретический процесс создания адаптированной концепции демократии.

делить понятие «оппозиция», которое в отечественной политологии не только не получило развития, но и стало чуть ли не «непристойным».

Термин «оппозиция», ведущий происхождение от латинского «*oppositio*» (противопоставление), имеет следующие значения:

- 1) противопоставление своей политики другой политике;
- 2) выступление против мнения большинства или господствующего мнения в законодательных, партийных и иных структурах.

Можно выделить следующие типы оппозиций: умеренная, радикальная, лояльная (готовая к соглашению и поддержке власти), конструктивная (формулирующая содержательные, деловые предложения) и деструктивная (разрушительная)².

Важнейшим параметром оппозиции является противопоставление. Оппозиционные силы различаются в зависимости от целей; они принципиально по-иному видят будущее развитие своей страны, и в этом смысл их существования (бытия).

Оппозиция как бы обладает особым телеологическим свойством — быть всегда «*против*». Таким образом, слово «оппозиция» часто ассоциируется с понятием «революция».

Подобная терминологическая неопределенность, несмотря на используемые прилагательные «лояльная», «конструктивная» и «умеренная», пугает авторитарных политиков: они видят в оппозиционере не *доброжелательного другого*, а *угрожающего чужого*, и поднятый нами вопрос рассматривается именно с этой точки зрения.

Наша задача заключается в том, чтобы попытаться внести определенную коррекцию в теорию, рассматривающую оппозицию и мультипартизм в качестве основных признаков демократии, поскольку понятие «оппозиция» нельзя применять одинаково ко всем формам политического соперничества.

По мнению авторитетного политолога Дж. Ла Паломбары, политические партии появляются повсюду, где власть приходит к убеждению, что необходимо привлечь население к участию в жизни государства. Он утверждал, что, как бюрократия появляется, когда общественное управление не может более осуществляться из княжеского дворца, так и политические партии формируются, когда задачи по организации политической власти и осуществлению политических мероприятий выходят за пределы возможностей узкого круга лиц, не сведущих в народных чаяниях³.

Другой исследователь, А. Хадениус, утверждает, что «связь между развитием партий и выживанием демократии, кажется, в основном принимается как нечто само собой разумеющееся. Конечно, здесь возможна определенная зависимость, но существование ее еще не доказано. Другими словами, было бы большим преувеличением утверждать, что вопрос «быть или не быть» демократии зависит от развития политических партий определенного типа»⁴.

Выдающийся американский политолог Р. Даль предложил концепцию полиархии для описания реально существующих политических систем (сегодня их обычно называют демократическими), а демократию считал идеалом, к которому и приведут полиархии. Поэтому, по его мнению, задача заключается в создании не столько демократии, сколько полиархии, которая отличается, коротко говоря, тем, что в ней осуществляется правление победившего на выборах большинства и достигается уважение прав проигравшего меньшинства⁵.

² См.: Политология. Энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Publishers», 1993. С. 230.

³ См.: *La Palombara J., Weiner M.* Political Parties and Political Development. В кн.: *The Origin and Development of Political Parties*. Princeton, NJ, 1966. P. 3—4.

⁴ *Hadenius A.* Party Development: Russia in a Comparative Perspective. В кн.: *The Political Party System in Russia in the period of Yeltsin Presidency* / Ed. by A. Hadenius, V. Sergeev. Moscow: Letny Sad, 2008. P. 6.

⁵ О полиархии подробнее см.: *Dahl R. A.* Preface to Democratic Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1984.

Теория Даля находит определенное подтверждение на практическом уровне: сегодня все больше используется термин «хорошее правление».

Возросшая плюрализация общественных структур, усложнение взаимоотношений между различными слоями населения, высокий уровень социальных потребностей и ожиданий, увеличившиеся масштабы неопределенностей и рисков, усилившееся влияние международных факторов на внутреннюю политику, массовая информатизация, падение доверия к центральным органам управления — все это и многое другое привело к пересмотру традиционных управленческих подходов, и прежде всего тех, при которых умялись особенности публичной сферы.

В связи с этим широкое распространение сегодня получают так называемые сетевые теории, согласно которым проблема эффективности управления рассматривается посредством схемы «цели-процессы» (а не «цели-средства»). Концепция политических сетей модифицирует понимание властно централизованной политики, заменяя его представлением о политике взаимной ответственности и обязательств⁶.

Согласно Т. Берцель, политическая сеть есть «набор относительно стабильных иерархических... взаимоотношений, связывающих многообразие акторов, которых объединяют в политике общие интересы и которые обмениваются ресурсами для продвижения этих интересов, признавая, что кооперация является наилучшим способом достижения общих целей»⁷. Другими словами, работа сети направлена на принятие совместного политического решения через механизмы формальных и неформальных отношений акторов, объединенных общими секторальными интересами.

В свою очередь, современный американский политолог И. Шапиро обращает внимание на дилемму, заключающуюся в том, что теория демократии бессильна, когда речь заходит о ее собственных рамках. Он указывает на существование в самой сердцевине демократии проблемы курицы и яйца: «...вопросы, касающиеся границ и контингента, по-видимому, в каком-то существенном смысле предшествуют демократическому принятию решений, но парадоксальным образом сами остро нуждаются в демократическом вердикте»⁸.

Шапиро предлагает учитывать так называемый каузальный принцип наличия релевантного интереса, который может затрагивать то или иное политическое решение и напоминает, что подобный подход лежит в основе доводов, приводимых в пользу снятия принципа гражданства как ведущего при определении права на демократическое участие и замены его системой перекрещивающихся юрисдикций, когда разные группы суверенны при принятии разных классов решений (как это практикуется в Европейском союзе)⁹.

Из вышеприведенных рассуждений следует, что относительно новое понятие «политической сети» уже приобретает международный характер.

Как представляется, в развитии гражданского общества изначально содержится потенциал перерастания в сложную совокупность взаимосвязанных сетей, как на национальном, так и на международном уровнях.

В этом контексте новый смысл приобретает замечание Ф. Энгельса: «Подобно тому, как у отдельного человека, для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы... неизбежно должны пройти через его голову и превратиться в побуждения его воли, точно так же и все потребности гражданского общества — независимо от того, какой класс в данное время господствует, — неизбежно проходят через волю государства, чтобы в форме законов получить всеобщее значение»¹⁰.

⁶ Об этом подробнее см.: *Сморгунов Л.* Сетевой подход к политике и управлению / *Полис*, 2001, № 3.

⁷ Там же.

⁸ *Шапиро И.* Переосмысливая теорию демократии в свете современной политики / *Полис*, 2001, № 3.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 3 томах. Т. 3. М.: Политиздат, 1985. С. 408.

Исходя из этого представления о гражданском обществе и с учетом каузального принципа учета релевантных интересов мы можем задаться вопросом о том, какими должны быть принятые законы и политические решения (а также с чьим участием и для кого они должны приниматься) и будут ли они максимально соответствовать перспективам развития демократии.

Итак, сетевой характер современных обществ (а также, я бы добавил, появление «*digital politics*» — их можно также называть «*digi-politics*», «*byte-politics*» и «*e-politics*»), то есть использование новейших цифровых, электронных, компьютерных, интернетовских и других средств формирования и реализации политики, неизбежно привнесит определенные изменения в теорию и в представления о формах и способах проявления оппозиционного партийного мнения.

Действительно, выражать оппозиционное мнение и даже выступать с неугодной властям критикой можно через глобальные коммуникационные системы, и прежде всего посредством Интернета. Оппозиционная группа сегодня способна доводить свою политику до публики в виде «*e-politics*».

Таким образом, вполне очевидно, что в современных условиях развития общества теория, считающая существование оппозиции и мультипартизма основным признаком демократии (в том смысле, как эту теорию мы понимали до сих пор), требует определенного пересмотра.

О демократическом опыте мультипартизма

В Узбекистане многие считают, что размежевание политических сил на «левых», «правых» и «центристов» породит то, что называется оппозицией; в этой связи было бы интересно обратиться к опыту мультипартизма в развитых демократических странах.

Известно, что понятия «левые» и «правые» появились в Европе в связи с французской буржуазной революцией 1789 года, когда произошла некоторая «дехристианизация» политической культуры, результатом чего явился раскол гражданского общества на два «блока» — католический и антиклерикальный и создание на их основе устойчивых субкультур¹¹. Эти субкультуры и есть «правые» и «левые» европейской политики.

«Правые» — это клерикалы и легитимисты, сторонники дореволюционного «старого порядка», а «левые» — антиклерикалы и антилегитимисты, то есть республиканцы, приверженцы нового, некоторого идеального порядка, долженствовавшего возникнуть при полном раскрытии революционных потенций в будущем¹².

Впоследствии социалистические и коммунистические партии и движения также стали именоваться «левыми» в силу их революционного характера и устремленности на изменение старых порядков.

Несмотря на то что подобное деление западного политического спектра сохраняется по сей день, происходит его заметная трансформация, обусловленная вышеупомянутым усложнением обществ («*digi-politics*»), а также, и в немалой степени, высокой культурой межпартийного сотрудничества.

Интересно, что и на Западе, и на Востоке ведутся поиски новых способов организации политической жизни, важнейшим принципом которой было бы тесное взаимодействие и сотрудничество между различными силами, а не «игра с нулевой суммой» (*zero-sum game*).

¹¹ См.: *Зубов А.Б.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М.: Наука, 1990. С. 269.

¹² См.: Там же.

Например, двухблочная система ФРГ, состоявшая из ХДС/ХСС и СДПГ, после создания Свободной демократической партии, Союза 90/«зеленых» и Партии демократического социализма (ПДС) превратилась в многопартийную. Причем образование Союза 90/«зеленых» и ПДС (они являются «левыми» партиями) дало СДПГ возможность создавать коалиции и с левым, и с правым политическими лагерями.

Что касается так называемых «правоэкстремистских» партий (Немецкого народного союза, республиканцев и национал-патриотов), выражающих интересы германских националистов, то они, как правило, немногочисленны и имеют мало сторонников, хотя время от времени и им достаются голоса избирателей (в основном, протестные).

Однако, как показывают наблюдения, не нашлось желающих основать коалицию с правоэкстремистскими партиями, имеющими крайние взгляды и слишком маленький электорат; кроме того, их деятельность зачастую балансирует на грани конституционной законности и им может грозить запрет на политическую деятельность.

Автор данной статьи имел возможность наблюдать работу Бундестага (парламента Германии) и беседовать с членами его Комитета по вопросам ЦА, которые в процессе дискуссий и разработки проектов отдельных решений, несмотря на принадлежность к разным партиям, продемонстрировали высокую степень готовности к сотрудничеству.

В США двухпартийная система существует практически с самого основания государства, причем соперничество между Республиканской и Демократической партиями никогда не приобретает фанатичную форму и не становится причиной политического раскола в обществе. Нынешний президент страны Б. Обама также стремится достигать решений на основе согласия; 26 января 2011 года он выступил с обращением к нации, в котором призвал американцев оставить в стороне партийные разногласия и объединиться вокруг общей цели — достижения глобальной конкурентоспособности.

Особого интереса заслуживают такие демократические страны, как Индия, Япония, Малайзия; в них сложилась система доминантной партии, которая представляет собой иерархическую структуру политического патронажа, соединяющую «верх» и «низ» политической системы. В этих странах доминантная партия и оппозиция составляют одно целое, а отдельные политические индивиды постоянно перемещаются вверх и вниз. Следует также отметить, что идеологической идентичности доминантной партии и оппозиции не придается особого значения.

Подобная ситуация является темой многих современных исследований. Например, в Японии (население которой отличается высоким уровнем грамотности и информированности) во время всеобщих выборов был проведен общенациональный опрос. В префектуре Мияги (население ее занято в основном в сельском хозяйстве и рыболовстве) партийную принадлежность хотя бы одного кандидата смогли назвать 77% опрошенных, а около 2/3 населения — не менее половины. При этом только один из четырех участников опроса имел хоть какое-то представление о партийных платформах двух ведущих партий страны.

При исследовании современных парламентских демократий Востока (в том числе и постиндустриальной Японии) трудно избавиться от ощущения, что идеология мало кем воспринимается за пределами вестернизированного круга интеллектуалов и мало кем принимается во внимание сама по себе, безотносительно к личности ее творцов и носителей в данном сообществе¹³.

В нижеприведенной таблице отображены данные анализа того, как электорат Запада и Востока реагирует на различия между партиями. Следует также отметить, что в Японии, Индии, Малайзии и некоторых других странах доминантная партия получает поддержку от всех общественных групп, а не только от *своего* электората.

¹³ См.: *Зубов А.Б.* Указ. соч. С. 262—263.

Таблица

Отношение к различиям между партиями в зависимости от партийной приверженности респондента¹⁴

Установка сознания/страна	Уровень партийной приверженности, %		
	высокий	низкий	Отсутствует
Между партиями существуют большие различия. Согласны			
Индия	36	34	20
Норвегия	85	60	47
Между партиями нет различий. Согласны			
Индия	42	44	44
Норвегия	2	14	16

Можно заключить, что для построения эффективной демократии нужны определенные механизмы, обеспечивающие как канализирование требований «низов» к власти, так и своевременное принятие государственными органами соответствующих решений, адресованных широким массам населения.

Политические партии, являясь одним из таких механизмов, чаще всего действуют скооперированно, а так называемая оппозиция практически не идентифицирует себя в качестве антагониста по отношению к существующей власти.

Следовательно, политические системы в современных демократических странах носят не столько многопартийный, сколько плюралистичный характер. Это, в свою очередь, снова напоминает нам о целесообразности пересмотра самой концепции политической оппозиции.

Мультипартизм в Узбекистане

Мультипартизм, как и весь процесс политической трансформации в Узбекистане, развивается в специфическом постсоветском и региональном контексте¹⁵.

При проведении реформ главной проблемой государства является сохранение общественно-политической стабильности в стране. Однако по прошествии почти двух десятилетий с момента обретения Узбекистаном независимости все более обнаруживается, что понятие стабильности используется как синоним сохранения статус-кво.

Как отмечает эксперт Внешнеполитического совета США У. Мери, «стабильность» не есть решение всех проблем ЦА; на самом деле излишняя концентрация на стабильности и есть суть проблемы. Чтобы выбраться из своего нео-советского болота, ЦА нуждается

¹⁴ См.: *Зубов А.Б.* Указ. соч. С. 287.

¹⁵ См.: *Голитов Ф.* Узбекистан: советский синдром в государстве, обществе, идеологии // Центральная Азия и Кавказ, 2008, № 6 (60).

ся в серьезной политической и экономической трансформации, сравнимой с той, что была в Восточной Европе, и чем скорее, тем лучше»¹⁶.

Именно озабоченность стабильностью и предопределила строительство партийной системы в Узбекистане (как и в Казахстане) «сверху вниз». Действующая власть, сохраняя контроль над существующими партиями (которые являются пропрезидентскими), фактически лишила потенциальную оппозицию (в традиционном понимании этого слова) возможности активизироваться.

Оппозиционные партии в Узбекистане имеют недолгую историю, которая, начавшись вместе с независимостью, оборвалась в середине 1990-х годов; речь идет о партиях «Бирлик» (Единство) и «Эрк» (Воля), которые критически относились к деятельности правительства. После того как власти начали проводить жесткие меры против этих партий, их лидеры были вынуждены покинуть страну.

Следует отметить, что создание партий «Бирлик» и «Эрк» является единственным эпизодом из новейшей истории Узбекистана, когда партстроительство шло «снизу»; с тех пор в стране не появилось ни одной оппозиционной партии.

Что же касается пропрезидентских партий, то по этому поводу уместно привести высказывание казахстанского аналитика А. Шоманова о том, что «процесс развития и институционализации партийной системы нашей страны не имел жесткой привязки к социальной базе»¹⁷; отсюда напрашивается вывод, что партстроительство в Узбекистане носит характер экспериментирования. Это позволяет властям, с одной стороны, держать ситуацию под контролем, с другой — создавать некий демонстрационный эффект для воздействия на общественное мнение в стране и за рубежом.

В некотором смысле к Узбекистану можно отнести также замечание другого казахстанского аналитика А. Чеботарева: «В целом текущий процесс партийного строительства носит неоднозначный характер. Здесь наблюдается сочетание двух взаимно противоположных процессов — увеличения и уменьшения численности партий. В связи с этим происходят неоднократные колебания в количественном отношении. В результате порой становится сложно определить, сколько партий действует в республике»¹⁸.

В Узбекистане практически все политические партии по своей природе являются оппортунистическими: став частью государственной системы, они заняты не столько каналлизированием социально-политического плюрализма снизу вверх, сколько воспроизводством лояльных режиму кадров. С учетом того, что говорилось выше об оппозиции, это вполне нормальное явление; однако оно может превратиться в аномалию, если в стране начнется блокирование плюрализма.

Действительно, узбекистанские партии сегодня не только мало чем отличаются друг от друга в идейном отношении, но даже не стремятся отличиться. С другой стороны, предпринимаются попытки выхода из партийного кризиса путем создания так называемой парламентской оппозиции. Тем самым привносится еще одно искажение самого понятия «оппозиции»; если она вообще существует как естественный феномен, то ее средой обитания должен быть не только парламент, но и все гражданское общество.

¹⁶ Merry E. W. The Politics of Central Asia: National in Form, Soviet in Content. В кн.: In the Tracks of Tamerlane: Central Asia's Path to the 21st Century / Ed. by D. Burghart, T. Sabonis-Helf. Washington, D.C.: National Defense University, 2004. P. 41.

¹⁷ Шоманов А. Проблемы и перспективы развития гражданского общества в контексте политической модернизации. В кн.: Материалы международной научно-практической конференции: «Перспективы политических реформ в Республике Казахстан: общественные ожидания и международные стандарты». Алматы: Центральноазиатский Фонд развития демократии, 2007. С. 47.

¹⁸ Чеботарев А. Партийное строительство в контексте проведения политических реформ в Казахстане на современном этапе. В кн.: Материалы международной научно-практической конференции: «Перспективы политических реформ в Республике Казахстан: общественные ожидания и международные стандарты». С. 26.

В связи с этим возникают вопросы: не кроется ли причина отсутствия оппозиции в том, что в рамках ныне существующих партий ее возникновение невозможно? Нужны ли новые партии или, наоборот, необходимо сократить их численность?

Представим себе, как могли бы называться подобные партии:

- Исламско-демократическая партия (аналог ХДС/ХСС в Германии)
- Консервативная партия (занимающая критическую позицию в отношении любых политических, социальных, особенно культурных изменений)
- Республиканская партия (сфокусированная на укреплении государства)
- Либерально-демократическая партия (имеющая платформу, основанную на западных либеральных ценностях)
- Экологическая партия
- Туркестанская партия (сфокусированная на региональной интеграции ЦА)
- Аграрная партия.

Я вовсе не утверждаю, что необходимо создать такие партии, а лишь ставлю вопрос на обсуждение; к сожалению, в Узбекистане не ведутся дискуссии на эту тему, что позволяет говорить о «затянувшейся болезни» узбекистанской политологии.

Это тем более странно, так как оппозиция является выразителем альтернативных политических мнений и инициатором соответствующих решений; однако она не может создаваться по схеме «вчера ее не было, а завтра она будет».

Этому процессу, несомненно, должно предшествовать оппозиционирование различных мнений хотя бы на экспертном и общественном уровнях, чего пока не наблюдается.

Самое главное заблуждение конструкторов оппозиции (парламентской, конструктивной и т.д.) заключается в том, что они заново «изобретают велосипед». Оппозиция как бытие иного вообще не может создаваться, она может существовать лишь как имманентное свойство любого общества, плюралистичного по самой своей природе; а как организованное действие иного она не может создаваться властями, которые в ней изначально не заинтересованы.

А с другой стороны, как бы противореча самому себе, я заявляю, что оппозиция не представляет угрозы для властей Узбекистана, потому что ее здесь не существует (как не существует нигде), — но лишь в том смысле, как было указано в начале данной статьи. Понятие «оппозиция» (в абсолютном смысле этого слова) не полностью отражает реальный политический процесс; возможно, более применимы такие термины, как «конкурентные группы», «соперничающие группы», а лучше — «взаимодействующие политические субъекты».

Сегодня властям необходимо создать техническую форму представительства «оппозиции» во власти; решение проблемы заключается в создании социальной среды, в которой *априори* существующее плюралистическое общественное сознание было бы востребовано и транслировалось в политическую среду.

Недавно в Узбекистане произошло событие, которое многие восприняли как новый этап в развитии партийной системы. На совместном заседании обеих палат парламента 12 ноября 2010 года президент И. Каримов предложил внести в Конституцию страны некоторые изменения, одно из которых, в частности, гласит, что «при невозможности исполнения президентом Узбекистана своих полномочий его полномочия примет на себя председатель Сената Олий Мажлиса».

Кроме того, президент заявил, что партии, набравшие наибольшее количество мест в парламенте, должны выдвигать кандидатуру премьер-министра; он также предложил внести в Конституцию норму, позволяющую депутатам объявлять правительству вотум недоверия.

Предложения И. Каримова вызвали огромный интерес у международных наблюдателей и СМИ; многие задаются вопросом, не связаны ли они с начавшейся подготовкой к предстоящим кадровым изменениям в высшем руководстве страны?

Однако подобный вопрос, несмотря на видимую его логичность, все же кажется преждевременным. Дело в том, что И. Каримов не впервые выдвигает подобные «прорывные инициативы»: еще в ноябре 2006 года он предложил принять Конституционный закон Республики Узбекистан «Об усилении роли политических партий в обновлении и дальнейшей демократизации государственного управления и модернизации страны»¹⁹, содержащий следующие основные положения:

1. Фракции политических партий, а также депутаты, избранные от инициативных групп избирателей, не разделяющие курс и программу вновь сформированного правительства или отдельные ее направления, могут объявить себя оппозиционными;
2. Кандидатура премьер-министра Республики Узбекистан представляется президентом Республики Узбекистан для утверждения Законодательной палатой и Сенатом Олий Мажлиса после проведения консультаций с каждой из фракций политических партий;
3. Премьер-министр Республики Узбекистан освобождается от должности президентом Республики Узбекистан, в частности, по представленной на рассмотрение президента Республики Узбекистан инициативе фракций политических партий в Законодательной палате.

Президент Республики Узбекистан принимает решение об освобождении, если такая инициатива с необходимыми обоснованиями будет поддержана ведущими фракциями политических партий парламента и при постановке президентом Республики Узбекистан на голосование получит в Законодательной палате и Сенате Олий Мажлиса Республики Узбекистан соответственно более 2/3 голосов от общего числа депутатов Законодательной палаты и членов Сената.

Освобождение от должности премьер-министра Республики Узбекистан одновременно влечет за собой отставку правительства Республики Узбекистан.

Вполне очевидно, что парламент республики уже давно был наделен достаточно большими полномочиями, однако за четыре прошедших года парламентская оппозиция так и не появилась. Кроме того, парламент не выражал какого-либо особого мнения по отношению к личности премьер-министра и деятельности Кабинета министров (даже после формирования в прошлом году нового состава Олий Мажлиса).

Почему же надо ожидать изменения в поведении депутатов теперь?

Негласный контроль и координация всех государственных структур со стороны президентского аппарата могут свести на нет все демократические инновации; впрочем, так было всегда.

Таким образом, последнее предложение президента явилось лишь продолжением его же инициативы четырехлетней давности.

Вместе с тем на выдвижение подобной инициативы значительным образом повлияли недавние трагические события в городе Ош на юге Кыргызстана. Кроме того, Узбекистану необходимо повысить свой международный имидж (особенно в контексте развития отношений с Западом); помимо всего прочего вполне вероятно, что намечаются серьезные кадровые изменения в высшем эшелоне власти страны.

При любом раскладе внесение новых положений в законодательство имеет не только пропагандистское, но и просветительское содержание, так как определенным образом подготавливает общественное мнение к возможным демократическим изменениям.

¹⁹ См.: Доклад Президента Ислама Каримова на торжественном заседании, посвященном 14-летию Конституции Республики Узбекистан [www.uzreport.com].

Несмотря на большую разницу между де-юре и де-факто политического процесса, ясно одно: демократические инновации в законодательстве указывают, что правительство государства не может отклониться от однажды избранного демократического курса. Теперь в узбекских законах будет еще больше положений, на которые можно будет ссылаться при критике правительства или по достижении определенных успехов в строительстве подлинной демократии.

Введение понятий «фракция» и «оппозиция» в новый проект закона «Об усилении роли партий...» отражает общее заблуждение относительно этих терминов, которое, кроме того, усиливается искусственным созданием «витринной» оппозиции. Формулировка «...представители одних политических партий будут представлять большинство, а других — меньшинство в Законодательной палате и местных Кенгашах, сформированных по результатам выборов, какие-то партии предпочтут стать оппозиционными в отношении курса вновь сформированного правительства» демонстрирует эту искусственность.

З а к л ю ч е н и е

Наблюдение и изучение процесса партийного строительства в Узбекистане и соседних с ним странах позволяет сделать некоторые предварительные выводы.

- Существующих в обществе идей, интересов, взглядов и даже решений всегда больше, чем партий, которые смогли бы их артикулировать в политическом процессе или борьбе.
- Чрезмерное количество партий не даст возможности ни одной из них преодолеть двух-, трех- или пятипроцентный барьер и без создания коалиций «пробраться» в парламент. Право на создание партий не следует доводить до абсурда (как и право наций на самоопределение и создание своего государства).
- Следовало бы глубже изучить функционально-проблемный подход (а не идеологический), обуславливающий выявление и канализирование социальных проблем в органы власти.

Как отмечалось выше, это лишь предварительные выводы. Исследование данной проблемы требует широкомасштабного сравнительного исследования партийного строительства и феномена оппозиции в различных странах. Важно изучить глубинные движущие силы, вызывающие политизацию (партизацию) тех или иных социальных групп, а также их позиционирование в качестве оппозиции. Кроме того, необходимо уделить особое внимание роли идеологического аспекта.

Но более фундаментальным все же остается вопрос о способах и формах активирования социально-политического плюрализма проблем, идей, интересов, потребностей и требований общества и трансляции его в эффективное политическое действие.

Пока писались эти строки, произошли исторические события в ряде арабских стран (Тунисе, Египте), связанные со свержением существовавших там много лет авторитарных режимов; многие сразу же заговорили о возможности подобных изменений и в ЦА.

Вероятнее всего, подобные предположения не имеют под собой достаточных оснований, но в любом случае из этих событий необходимо извлечь соответствующие уроки.

Политический строй Узбекистана требует глубинной перестройки, одной из фундаментальных задач которой является коренное реформирование «полуискусственной» партийной системы.

ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕОЛОГИИ В НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОГО КАВКАЗА: ФЕНОМЕН, СПЕЦИФИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Баходыр ЭРГАШЕВ

*доктор философских наук, профессор,
независимый исследователь
(Ташкент, Узбекистан)*

Введение

Чтобы понять политические процессы в независимых республиках Центральной Евразии, необходимо, в частности, и скрупулезный анализ зарождения, функционирования и развития такого феномена, как общенациональные идеологии. Ни одна успешная реформа, модернизация или демократизация периода формирования и развития наций не осуществлялась и не могла осуществиться без комплекса значимых целей и ключевых идей, доступных для большинства населения, и спланированных его; государства, имевшие общенациональную идеологию, практически всегда были по всем параметрам успешнее стран, отказавшихся от идеологической политики.

Ниже предлагается краткий анализ истории, состояния и перспектив современных национально-идеологических комплексов в 8 независимых республиках Центральной Азии и Южного Кавказа (в т.ч. и в Грузии) в их сравнении с аналогичными процессами в других странах СНГ: России, Беларуси и Украине¹.

¹ Данная публикация в силу неоднозначности произошедших недавно смен политических режимов в Украине и Кыргызстане касается тем функционирования общенациональных идеологий в этих двух странах только в контексте прогнозов «смены форматов». Кроме того, за рамками исследования остались аналогичные проблемы в Молдове. Причина этого — неясность тенденций общественно-политической ситуации в стране, усугубляющаяся наличием обособленной территории. И, наконец, мы сочли не совсем корректными добавлять какие-либо

Учитывая фундаментальную роль государства² и слабость гражданского общества практически во всех странах СНГ, основное внимание уделено официальным позициям, ибо в отражающих их документах, а не в декларациях альтернативных платформ³

крупные штрихи к анализу идеологии национальной независимости в своей собственной стране — Узбекистане, на который нам трудно смотреть так же объективно и отстраненно, как на зарубежные государства.

² Добавим, что в наших заметках лишь вскользь рассматриваются такие сложные вопросы, как соотношение национальной идеи и государственной идеологии, «всеобщая идеология СНГ», позитивный национализм и ряд других — они, понятно, являются предметом самостоятельных исследований.

³ Такую платформу предлагает, в частности, известный писатель и философ Михаил Веллер в ставшем очень популярном эссе «Национальная

системной и внесистемной оппозиции, сосредоточены пока представляющие наибольший интерес результаты работ исследователей и экспертов.

идея» (2005) (см.: [www.weller.ru]). М. Веллер подчеркивает, в частности, что «национальная идея не изобретается, не конструируется, не формулируется из ничего и не внедряется в головы ниоткуда политтехнологами. Национальная идея возникает как стихия, национальная идея — это общая установка страны» (см.: Веб-сайт радиостанции «Эхо Москвы», 9 октября 2005 года [www.echo.msk.ru]), «национальную идею придумать нельзя; это должна быть стихия, это — задача, спроецированная на психологию народа» (см.: Комсомольская правда, 12 октября 2005). Известный русский писатель А. Солженицын писал: национальная идея никогда не должна быть искусственно сочинена в верхах власти или внедрена насильственно (см.: «Написано кровью». Интервью Александра Солженицына // Известия, 24 июля 2007).

1. Эволюция, периодизация или экспансия? Об интерпретациях зарождения национальных идей

Очевидно, наиболее емко **начальная точка возникновения** собственной национальной идеи изложена в позиции руководства Таджикистана. Официальный Душанбе признает изначальность такой идеи (она, считают в РТ, родилась вместе с нацией, а точнее, вместе с языком, и, похоже, безотносительно к **формированию общенационального рынка и наступлению индустриальной эпохи — этим фактически главным предпосылкам появления нации**). Президент Э. Рахмон добавляет, что национальная идея достигла небывалых высот в эпоху династии Саманидов, где у нее были «политический» (сам И. Самани) и «духовный» (А. Рудаки) фундаменты. «Оттачивали и укрепляли» таджикскую национальную идею Авиценна, Бируни и многие другие деятели мусульманского Ренессанса. Деятели поздней, советской эпохи (С. Айни, А. Лахути, Б. Гафуров, ряд других) отводится роль «смелых ученых и литераторов», сумевших «сохранить свою национальную идею, до определенной степени развить и укрепить ее». Точками же отсчета в новейшей истории Таджикистана и, следовательно, крайним этапом развития национальной идеи объявлены принятие государственного языка (1989 г.), XVI сессия (двенадцатого созыва) Верховного Совета РТ (1992 г.)⁴.

В подобной логике таджикского руководства, при всей ее конъюнктурности, путанности поисков «начала» исторической судьбы народа, его генетических истоков, есть, очевидно, одно, признаваемое всеми оппонентами, бесспорное преимущество — максимальное укрепление связи между поколениями, попытки связать воедино противоречи-

⁴ См.: Рахмон Э. Выступление на праздновании 11-й годовщины Дня единства, 27 июня 2008 года [www.president.tj].

вые периоды собственной истории, не касаясь спорных вопросов, и общая деидеологизация истории. (О необходимости именно такого подхода говорит сегодня и президент Армении С. Саргсян⁵.)

Связь понятия национальной идеи с установлением мощного **государства** отчетливо прослеживается также в официальных позициях руководства Узбекистана, Туркменистана, Беларуси. (Напомним, что и в современном международном праве слово «нация», «*nation*», стало синонимом «государства»; хотя вряд ли кто-либо из уважающих себя экспертов, особенно историков, отважится выдавать этническую идентичность за национальное государство.)

Для идеологических процессов, происходящих в Узбекистане, немалое значение, как известно, имеют интерпретации личности и деятельности государственного деятеля и полководца Амира Тимура, построившего «великое и мощное государство в Туркестанском крае»⁶. Как «технически выверенную» можно квалифицировать нынешнюю позицию официального Ашхабада: государство здесь обозначено как «механизм реализации национальной идеи»⁷. Для официального Минска национальная идея должна основываться на осознании народом своей государственности и первичности национальных интересов⁸. Кстати, об осознании национальных интересов говорит и Э. Рахмон⁹.

Во всех подобных случаях в столицах республик забывают, что термин «**национальные интересы**» правомерно использовать лишь в том случае, когда они сформулированы государством-нацией. При всем этом руководители большинства стран СНГ исходят, очевидно, из роли государства как главного реформатора (во многих из этих стран, однако, законодательно закреплено, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной).

Очевидным диссонансом многочисленным утверждениям о **синхронном возникновении национального государства и национальной идеи** звучит вполне логичное заявление президента И. Алиева: «Веками азербайджанский народ жил в составе других стран, империй, а в некоторые периоды — как колония, но он сумел сохранить свою национальную самобытность, национальный дух, родной язык; национальное государство было построено на этой прочной основе»¹⁰.

В целом современная историография республик ЦА и Южного Кавказа — и это многократно подчеркивалось многими исследователями — даже при декларируемом неприятии советского прошлого все еще находится в плену **ставшего классическим в советской литературе сталинского определения нации** с ее пятью признаками: общий язык, территория, экономическая жизнь, психический склад, общность культуры. На наш взгляд, современное экспертное сообщество в регионе, воспитанное в массе своей на научном коммунизме, пока просто не может предложить ничего отличного от ключевого постленинского определения нации.

⁵ См.: Саргсян С. Выступление перед представителями американской армянской диаспоры, 24 сентября 2008 года [www.president.am].

⁶ Каримов И.А. Выступление на торжественном собрании, посвященном 2200-летию года Ташкента, 1 сентября 2009 года // Веб-сайт пресс-службы Президента Республики Узбекистан [www.press-service.uz].

⁷ Бердымухаммедов Г. Экономическая стратегия Туркменистана — опираясь на народ, во имя народа, 9 мая 2010 года // Веб-сайт «Туркменистан: золотой век» [www.turkmenistan.gov.tm].

⁸ См.: Лукашенко А.Г. Доклад на третьем Всебелорусском народном собрании, 2 марта 2006 года [www.president.gov.by].

⁹ См.: Рахмон Э. Выступление перед преподавателями и студентами по случаю 15-летия Государственного университета права, бизнеса и политики Таджикистана. Худжанд, 9 сентября 2008 года [www.president.tj].

¹⁰ Алиев И. Речь на церемонии по случаю 87-й годовщины со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева и 6-летия начала деятельности Фонда Гейдара Алиева, 10 мая 2010 года [www.president.az].

Как подтверждает история, все попытки объявлять

- 1) то или иное донациональное (в т.ч. раннесредневековое) государство национальным,
- 2) ту или нацию, народность — особой,
- 3) ту или иную религию, конфессию — превалирующей,
- 4) тот или иной язык — особым языком религиозного поклонения неизбежно обречены.

Ведь нельзя забывать, что практически все империи складывались огнем и мечом, скрепляя территории и народы, захватывая и насильно включая их в себя.

Применительно к национальной идее бесперспективно заниматься

- 1) поисками арийских корней,
- 2) опираться на якобы «моноэтнический» характер той или иной средневековой империи,
- 3) пытаться заметить, что «национальной идеей» этих империй является захват чужих земель,
- 4) декларировать «национальную» сущность религиозного течения, ответвления (мазхаба),
- 5) применять «избирательность» в историческом анализе (подвиги и достижения людей собственной национальности идут в «копилку», а преступления нет),
- 6) доказывать богоизбранность своей нации и т.п.

Очевидно, быстрее и глубже всего на пространстве СНГ опасность таких попыток осознано руководством Казахстана, где в процессе разработки общенациональной идеи изначально **сталкивались с многонациональностью и многоконфессиональностью населения**. В этой связи президент Н. Назарбаев, к примеру, уже с первых дней независимости призывал решать проблемы казахского языка, народа, традиций, «не обижая другие народности»¹¹. Близкий подход при фактически противоположных условиях (моноэтничности) мы наблюдаем в Грузии: президент М. Саакашвили, признающий необходимость национальной идеологии, призывает подходить к строительству страны не с этнической точки зрения, но с точки зрения укрепления государственности¹².

Еще один, и на первый взгляд весьма далекий от соотношения национальной идеи с государством вопрос, — **проблема противодействия коррупции**. Понятно, что коррумпированное государство в корне противоречит национальной идее, и если такое государство без стеснения призывает население сплотиться вокруг ключевых идей, предполагающих весьма отдаленные цели, — то ничего, кроме предпосылок для революции, оно таким образом не создаст. Последний пример тому — недавние события в Тунисе и Египте.

2. Слоган, явление или система ценностей? О сути и содержании общенациональных идей

В рассматриваемых регионах суть общенациональных идей успешно выражают в лаконичных, легко запоминающихся фразах, так называемые **слоганах**. Упрощенные

---

¹¹ Назарбаев Н. Прямой эфир с участием Президента Республики Казахстан // Официальный веб-сайт Президента Республики Казахстан [www.akorda.kz].

¹² См.: Saakashvili M. Speech at the Meeting with Members of Supreme Council of Abkhazia [www.president.gov.ge]; Он же. The President of Georgia Congratulated the Georgian Population with New Year [www.president.gov.ge].

идеи воспринимаются всегда легче, чем сложная система научных доказательств; кроме того, развитая идеология выдвигает, как правило, достаточно привлекательные идеи. В качестве примера слоганов можно привести культивировавшийся в первой половине 1990-х годов и впоследствии ушедший по понятным причинам в небытие общерегиональный лозунг «Туркестан — наш общий дом», а также современные страновые лозунги: «Государство для человека», «Государство для народа» в Туркменистане, «Узбекистан — государство с великим будущим», «Прогресс Родины! Мир в Отечестве! Благополучие народа!» в Узбекистане, «Наш дом — мир, наш очаг — Армения», «За сильную и процветающую Беларусь!» и т.п. В таких формулах нет ничего зазорного: они квинтэссенция, концентрированное выражение экономических, политических, социальных, духовных целей.

Однако современные официальные слоганы в рассматриваемых регионах, несмотря на свою воодушевляющую силу, грешат серьезными недостатками:

- 1) они не создают необходимой установки на противодействие негативным тенденциям в государственном и общественном строительстве¹³, иногда попросту игнорируя их;
- 2) они лишь констатируют что-то и практически не призывают к действию;
- 3) они чересчур патетичны;
- 4) они подчеркнута автономны, не учитывают «сожительства» со слоганами соседей;
- 5) им свойственно стремление к упрощению и стремление выдать одну сторону действительности за всю картину и т.п.

Тут мы не можем не отметить, что превращение — с 2009 года — строительства Рогунской ГЭС в «высшую национальную идею», «важнейший фактор единения таджикского народа»¹⁴ фактически в новый официальный таджикский слоган является не чем иным, как фактором, провоцирующим негодование соседей в низовьях рек.

Несколько слов о важной роли **философии**: в рассматриваемых идеологических вопросах прочтение понятия «национальная идея» варьируется от этнического до трансцендентного; диапазон определений простирается от механизма государственного управления до некоего мессианства.

Среди социальных процессов, ставших решающими в Азербайджане в период руководства Г. Алиева (1993—2003), его преемник называет становление сильного государства, создание устойчивой экономики, укрепление сплоченности народа вокруг национальной идеи, формирование *философии и идеологии азербайджанства*, построение современного государства на основе национально-духовных ценностей¹⁵. В Туркменистане выдвигаемая его лидером так называемая «новая идеология» (о ней см. ниже) основывается, в свою очередь, на *«новой философии бытия»* (курсив наш. — Б.Э.)¹⁶. Общечеловечес-

¹³ Среди таких тенденций президент РФ Д. Медведев называет скованность творческой энергии, патерналистские настроения, излишнее упование на государство, безынициативность, дефицит новых идей, низкое качество общественной дискуссии, в том числе и критических выступлений, что, понятно, в полной мере относится и к другим странам, существовавшим в рамках СССР (см.: *Медведев Д.А.* Россия, вперед! 10 сентября 2009 года // Веб-сайт президента РФ [www.kremlin.ru]).

¹⁴ *Шарифзода А., Сироджов З.* Эмомали Рахмон и Год памяти Великого имама, 26 января 2010 года [www.president.tj].

¹⁵ См.: *Алиев И.* Речь на церемонии по случаю 87-й годовщины со дня рождения общенационального лидера Гейдара Алиева и 6-летия начала деятельности Фонда Гейдара Алиева, 10 мая 2010 года [www.president.az].

¹⁶ Президент Туркмении призвал ученых страны работать над государственной идеологией «Нового Возрождения», 15 сентября 2010 года // Веб-сайт ИА «ИТАР-ТАСС» [www.itar-tass.com].

кие ценности, на которых базируется туркменская «новая идеология», — миролюбие, гуманизм и социальная справедливость¹⁷. О чем говорят приведенные примеры? В основном — о щепетильности отношения, детальности подходов к разработке национальной идеи, попытках ее методологического обоснования.

Другой вопрос, насколько полно в столицах республик ЦА и Южного Кавказа понимают соотношение такой философии с

- 1) мировоззрением,
- 2) образом жизни,
- 3) наукой (в т.ч. современной),
- 4) религией,
- 5) искусством?

Использование философии в качестве подручного средства без знания и применения ее новейших достижений всегда оборачивалось хаосом или, напротив, догматизмом в идеологии. Следует помнить также, что **общенациональные идеологии, даже опирающиеся на философию, никак не могут быть сугубо научными** (хотя обильно включают в себя научные знания): наука, как известно, объективна, беспристрастна, а любая идеология всегда субъективна.

Существует тема, явно обделенная вниманием со стороны разработчиков общенациональных идей во всех рассматриваемых 11 республиках СНГ, — вопрос о соотношении национально-идеологических комплексов с **принципами социальной справедливости** (справедливость, напомним, составляет суть центральноазиатской мусульманской философии лучшего, средневекового периода ее развития; кроме того, социальная справедливость является во многих странах конституционным принципом). Почему эта тема приобретает такую важность? Дело в том, что «шоковая терапия», бездумная приватизация, социальное расслоение, появление олигархов и другие социальные недуги 1990-х годов сформировали у большей части населения комплекс обостренного отношения к воровству, сильный протестный потенциал и, как итог, тяготение к деструктивным формам решения социальных проблем, ксенофобию, национальную замкнутость¹⁸. Думается, именно в силу этих причин в национально-идеологических комплексах должны были найти (и пока не находят) большее отражение вопросы консолидации общества, борьбы с нищетой, социальной изоляцией и безработицей, соблюдения человеческого достоинства, заботы о «маленьком человеке», объединения усилий на благо самых малоимущих и наиболее уязвимых слоев населения.

В рамках философской стороны общенациональной идеи достаточно сложно выглядит **проблема взаимоотношения с либерализмом**, либеральной идеологией, процессами либерализации. Для либералов национальная идея — это просто способ мобилизации нации для осуществления того или иного общественного проекта. Кроме того, если для либерализма права человека выше прав государства, для общенациональной идеи — права нации выше прав личности. То есть, желаем мы того или нет, безусловное соблюдение национальных интересов предполагает большее, чем в условиях либерализации, ограничение прав личности. Это обстоятельство обязательно требует от руководства рассматриваемых республик точного определения границ процессов либерализации и границ наивысшей концентрации национальной идеи.

Сложность методологического обоснования поисков общенациональной идеи подтверждает, к примеру, опыт Армении. Президент С. Саргсян призывает укреплять наци-

¹⁷ Заседание Кабинета министров Туркменистана, 29 сентября 2008 года [www.turkmenistan.gov.tm].

¹⁸ Когда мы говорим о деструктивных формах решения общественных проблем, признается наличие в национализме (а это стержень национальной идеи) позитивного и негативного проявления.

ональное единство вокруг армянской национальной идентичности, стимулировать формирование нового, свободного от стереотипов, современного армянина¹⁹, развивать диаспору, сплоченную во имя Армении. Идентичность армянина, подчеркивает армянский лидер, «не должна быть сложной и таинственной, она должна отказаться от языковых, религиозных, культурных, партийных или идеологических разделений»; фундаментом такой идентичности должно стать «многообразие, терпимость»²⁰. Кроме этого, С. Саргсян готов «внести свой скромный вклад» в дело укрепления Армянской Апостольской Церкви, «которая должна оставаться одной из основных опор армянского духа и национальной самобытности»²¹.

Современная общенациональная идея в Таджикистане — это, как отмечает президент Э. Рахмон, «нравственное явление (выделено нами. — Б.Э.), формирующееся на основе осознания национальных интересов»²², определяющее не только «деятельность государства и государственных структур и органов, но и основные направления деятельности граждан»²³. В свою очередь, А. Лукашенко называет общенациональную идею **системой ценностей**²⁴, пока патетичной, но «великой и высокой»²⁵. Как **набор ценностей, которые в конкретной исторической ситуации приемлет большинство населения страны**, — и это будет показано ниже — квалифицирует национальную идею в РФ президент Д. Медведев.

Не рассуждая конкретно о форме, руководитель Казахстана подчеркивает, что общенациональная идея заключается в обеспечении конкурентоспособности нации²⁶, стремлении «быть среди лучших стран»²⁷. Для реализации ее важно, по мнению Н. Назарбаева, решить вопросы

- 1) развития суверенитета,
- 2) создания сильной конкурентоспособной экономики,
- 3) укрепления единства народа,
- 4) формирования интеллектуального общества,
- 5) построения Казахстана как уважаемого государства²⁸.

Г. Бердымухаммедов, в свою очередь, конкретизируя задачи реализации «новой идеологии» Туркменистана, уточняет, что в политике это — строительство правового и светского государства; в экономике — переход к свободным рыночным отношениям; в общественной сфере — обеспечение социальной защищенности граждан; в области культуры — сохранение наследия народа, восстановление национального духа²⁹ и т.п. Для

¹⁹ См.: Саргсян С. Выступление на встрече с представителями армянской общины Бельгии. Брюссель, 5 ноября 2008 года [www.president.am].

²⁰ Саргсян С. Выступление перед представителями американской армянской диаспоры, 24 сентября 2008 года [www.president.am].

²¹ Саргсян С. Выступление во время церемонии инаугурации, 9 апреля 2008 года [www.president.am].

²² Рахмон Э. Выступление перед преподавателями и студентами по случаю 15-летия Государственного университета права, бизнеса и политики Таджикистана. Худжанд, 9 сентября 2008 года.

²³ Там же.

²⁴ См.: Лукашенко А.Г. Послание к белорусскому народу и парламенту Республики Беларусь, 16 апреля 2003 года [www.president.gov.by].

²⁵ Лукашенко А.Г. Стенограмма пресс-конференции президента Беларуси СМИ регионов России, 2 октября 2009 года [www.president.gov.by].

²⁶ См.: Назарбаев Н. Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана [www.akorda.kz]. Кстати, мысль о конкурентоспособности как национальной идее была высказана президентом РФ В. Путиным еще 12 февраля 2004 года.

²⁷ Назарбаев Н. Пресс-конференция 23 января 2006 года [www.akorda.kz].

²⁸ См.: Назарбаев Н. Прямой эфир с участием Президента Республики Казахстан [www.akorda.kz].

²⁹ См.: Заседание Кабинета министров Туркменистана, 29 сентября 2008 года // Информационный сайт «Туркменистан. Золотой век» [www.turkmenistan.gov.tm].

Украины президент В. Янукович «интегральную национальную цель» видит в реализации европейского выбора³⁰, хотя все идеи и инициативы должны быть направлены на улучшение жизни людей³¹.

Преобладание в национально-идеологических комплексах набора **призывов преимущественно экономического характера** мы считаем в нынешних условиях большинства стран СНГ абсолютно бесперспективным, ибо первичность указанных призывов не означает их вечности. Понятно, что потребительство — а именно так, по справедливому замечанию М. Веллера, следует квалифицировать исключительные призывы к комфортной и сытной жизни — не может быть национальной идеей³². Примечательно, что ни одна из общенациональных идеологий в ЦА и на Южном Кавказе не выдвигает в качестве национальной идеи добросовестный труд, предпринимательство, хотя в мировой истории, истории Востока были удачные примеры такого рода — например, в Японии.

Желают они того или не желают, руководители упомянутых республик фактически опираются на тезис о ценности нации как высшей формы общественного единства и ее первичности в государствообразующем процессе, то есть на **национализм** (здесь, скорее всего, идет речь о государственнической и либеральной форме национализма, а не о его крайних проявлениях: никто из лидеров не проповедует этническую, культурную и религиозную нетерпимость; соответственно, **демократия зачастую требует национализма, и последний выступает ее дополнением, а общенациональная идеология, сообразно характеру своего националистического ядра, может быть консервативной, либеральной или радикальной**). Добавим также, что во всех 11 республиках националисты чувствуют себя более комфортно, чем космополиты.

Как видим, подобный разницей в понимании формы общенациональной идеи объясняется не только «богатством» истории, характеристиками правящего режима, перспективностью его целей, но и различным уровнем развития экспертного сообщества, его связями с властью, признанием всего богатства международного опыта, общей политической культурой населения.

3. Личность, общество или религия? О некоторых неиспользованных резервах в разработке национальных идеологий

Одна из специфических черт официальной таджикской позиции в рассматриваемом нами вопросе состоит в своеобразной, «национальной» опоре на великого исламского богослова Абу Ханифу³³ (принадлежал, напомним, к знатной персидской семье с севера Афганистана). Абу Ханифа — фигура, действительно, абсолютно бесспорная для любого последователя **ханафитского мазхаба**; он к тому же создатель всеобъемлющей школы

³⁰ См.: Янукович В. Послание украинскому народу, 3 июня 2010 года [www.president.gov.ua].

³¹ См.: Янукович В. Максимальная деполитизация всех ведомств — залог того, что люди будут заниматься государственными делами. Наша политика должна быть в эффективности нашей работы, 12 марта 2010 года [www.president.gov.ua].

³² См.: Комсомольская правда, 12 октября 2005.

³³ См.: Рахмон Э. Выступление на Международном симпозиуме на тему «Великий Имам и современный мир», 5 октября 2009 года [www.president.tj].

мусульманского права. Признавая существенность указанной опоры и особую роль религии в объединении народа, следует, на наш взгляд, напомнить,

- 1) что Абу Ханифа является духовным наставником и многих других наций и народов, основоположником, по сути, толерантного мазхаба в исламе (и это, кстати, признается самим Э. Рахмоном), становясь, таким образом, ценнейшим фактором сближения национальных идеологий в государствах ЦА;
- 2) кроме того, огромную важность для аккумуляции демократических настроений в современном обществе имеет разработанный Абу Ханифой метод вынесения правовых предписаний, основанный на приоритете наиболее убедительных доводов или мнения большинства.

Или другой пример. Для составления собственной версии общенациональной идеи, «новой идеологии» нынешний лидер Туркменистана использует такие понятия, как «великое возрождение», «новое возрождение»... При этом президент призывает, «сохраняя национальное своеобразие, принять все самое лучшее из мировой практики, лучшие достижения мировой цивилизации и собственного опыта, накопленного за годы независимости»³⁴. Толерантная, корректная, обоснованная позиция **совмещения общечеловеческих и национальных ценностей** характерна также для руководителей Узбекистана и Казахстана³⁵. Для сравнения: в России ее руководство призывает опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные народом России за более чем тысячелетнюю свою историю³⁶.

В Узбекистане провозглашен девиз: «Человек, его права и свободы, интересы — высшая ценность». Основополагающим девизом для «новой идеологии» Туркменистана служит «Государство для человека». Почему? Потому что в годы независимости в республиках ЦА и Южного Кавказа успешное проведение реформ, качественное обновление общества стало связываться именно с человеком как решающим фактором всех перемен, с вовлеченностью в общественные перемены большинства населения, или, выражаясь языком перестройки, «человеческим фактором». Это, очевидно, значит, что целью экономического роста является, прежде всего, гармоническое развитие личности, а само такое развитие по мере роста политической культуры приведет, по мнению руководителей в регионе, к формированию основ гражданского общества.

Армения, напомним, — единственная (за исключением Беларуси) страна, где призывают сделать **дружбу с Россией** идеологией³⁷, в остальных 9 республиках национально-идеологические проекты должны, по замыслу, осуществляться только в рамках собственного государства. При всем уважительном отношении к армянскому опыту и признавая право на такой подход следует, однако, отметить и его негативный эффект:

- 1) «инерция странового фарватера» в разработке национальных идеологий,
- 2) «включение» идеи нации в контекст геополитических теорий, сильное влияние внешнеполитических факторов на идеологические процессы,
- 3) связанность последних с экономическим положением определенной страны.

³⁴ Нейтральный Туркменистан, 27 сентября 2008.

³⁵ Достаточно показательные примеры: учреждение и функционирование в Узбекистане и Туркменистане журналов «Всемирная литература», соответственно по инициативе И. Каримова и Г. Бердымухаммедова, на узбекском и туркменском языках (см.: Заседание Кабинета министров Туркменистана, 4 февраля 2011 года [www.turkmenistan.gov.tm]).

³⁶ См.: *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 26 апреля 2007 года [www.kremlin.ru].

³⁷ См.: *Саргсян С.* Выступление на встрече с представителями российских политологических кругов и руководством средств массовой информации, 24 июня 2008 года [www.president.am].

4. Вместо заключения: как события на российском Кавказе и отношение к трудовым мигрантам в РФ влияют на разработку национальных идеологий на пространстве СНГ?

Понятно, что на официальные позиции республик СНГ сильно влияют внутривнутриполитические процессы в России. В этой связи в современном национально-идеологическом строительстве в РФ как ключевой страны СНГ можно, на наш взгляд, выделить не менее пяти специфических особенностей, воздействующих на идентичные процессы в других соседних странах:

- 1) национальная идея в официальной позиции РФ представлена, как уже указывалось выше, в виде набора ценностей;
- 2) существует мощная «опора» на европейские традиции;
- 3) выражена необходимость искоренения негативных традиционных форм поведения;
- 4) национальная идеология квалифицируется как процесс (во временном и содержательном смыслах);
- 5) новая Россия официально осуждает сталинизм и пытается не выступать в защиту его идеологии и практики.

Напомним, что, критикуя «беспредметные разговоры» о национальной идее, президент РФ Д. Медведев, однако, выступает за **набор ценностных представлений**, которые в конкретной ситуации разделяет значительная часть нации, — причем разделяет не по принуждению, а на основе личных убеждений³⁸. При этом для российского лидера «набор консенсусных вещей» не может «сильно отличаться от представлений, существующих в европейской традиции»; в этом наборе для руководителя РФ — фундаментальные представления о правах человека, цивилизованная рыночная модель устройства экономики, англосаксонские способы устройства общества и государства. При этом Д. Медведев отдает себе отчет в наличии негативных национальных русских привычек³⁹ (об этом см. выше). В свою очередь, В. Путин называет поиск национальной идеи «старинной русской забавой»⁴⁰, хотя и заявляет, что контуры новой общенациональной идеологии уже появляются⁴¹.

В декабре 2010 года премьер-министр РФ В. Путин, говоря об отсутствии жестокости в международных отношениях в советское время, признал, что это достигалось, во-первых, активной «борьбой с нарушениями закона», во-вторых, «большой воспитательной работой»⁴². Ранее, в июле 1996 года, президент РФ Б. Ельцин впервые заговорил о необходимости разработки национальной идеи. В Узбекистане задача разработки идеологии национальной независимости руководством страны была выдвинута в апреле 1993 года. В целом же задачи национального возрождения ставились неформальными

³⁸ См.: *Медведев Д.А.* О национальной идее // Личный сайт Дмитрия Медведева [medvedev.kremlin.ru].

³⁹ См.: *Медведев Д.А.* Россия, вперед! 10 сентября 2009 года [www.kremlin.ru].

⁴⁰ *Путин В.В.* Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 26 апреля 2007 года [www.kremlin.ru].

⁴¹ См.: *Путин В.В.* Интервью газете «Известия», 14 июля 2000 года [www.kremlin.ru].

⁴² Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин провел рабочую встречу с главой Республики Дагестан М.М. Магомедовым, 27 декабря 2010 года // Веб-сайт Председателя Правительства РФ [www.premier.gov.ru].

ми объединениями в СССР еще в конце 1980-х годов; после достижения независимости парадигма проснувшегося национализма начинает работать на становление, защиту и укрепление своей нации, к чему, однако, указанные объединения оказались неготовыми, и их лидеры (Л. Тер-Петросян, З. Гамсахурдиа, А. Эльчибей) быстро лишились власти.

На наш взгляд, по крайней мере одна из вышеприведенных пяти особенностей национально-идеологического строительства в РФ (европоцентризм) не отражает собственно русских реалий, не может она быть и примером для других стран, особенно неславянских. Ибо Россия олицетворяет собой особый культурно-исторический тип — по Н.Я. Данилевскому (1822—1885 гг.), — что объясняет различия между русским и европейцем и заставляет обратить внимание на связи страны с азиатско-тюркским миром. Кроме того, остальные страны СНГ слишком малы и слабы, чтобы говорить о необходимости ликвидации «вредных привычек».

Отправной точкой в нынешнем серьезном переломе национально-идеологического строительства в РФ стали, как мы считаем, декабрьские межэтнические волнения 2010 года и ряд других событий (таких, как террористический акт в аэропорту Домодедово 24 января 2011 г. и т.п.). Хотя, по мнению грузинского руководства, такой датой являются известные события августа 2008 года, когда «Грузия стала первой целью империализма и идеологии прошлого»⁴³. Ряд исследователей считают, что шквал ксенофобии в РФ был вызван массовыми беспорядками в Кондопоге (2006 г.).

Очевидная нестыковка официальной позиции РФ с реальностью наиболее емко, на наш взгляд, прозвучала в сенсационных для общественного деятеля РФ такого уровня заявлениях председателя Совета муфтиев России Р. Гайнутдина: о роли золотоордынских ханов в преодолении раздробленности русских княжеств, об обеспечении величия Москвы союзом славянских и тюркских народов (оба в сентябре 2009 г.); о дисциплинированности и трудолюбии трудовых мигрантов, о фактическом начале развала РФ (декабрь 2010 г.). В этом ряду и признания В. Путина о большей близости православия к исламу, чем к католикам (декабрь 2010 г.), о важности поддержки традиционного ислама (январь 2011 г.).

Россия сегодня все больше заходит в тупик в своей национальной политике — и данное обстоятельство серьезно влияет на функционирование общенациональных идеологий в соседних странах СНГ. При всем обилии «неординарных» подходов (например, недавних заявлениях крупных российских политиков о необходимости признания особой роли русского народа в образовании российского государства, закреплении государствообразующей роли русских в Конституции РФ, отделения деструктивного этнического национализма от конструктивного гражданского национализма, особого внимания к русской культуре как «костяку всей национальной культуры» и др.) мы по-прежнему наблюдаем в позициях руководства России причудливый конгломерат: явную смесь марксистско-ленинских идей и великорусского шовинизма. И в этом нет ничего очень уж парадоксального — национализм, как справедливо пишет выдающийся польский публицист А. Михник, есть последняя стадия коммунизма⁴⁴.

Все попытки отдельных российских политиков соединить «европейский выбор» со стремлением воссоздать господство на значительной части азиатского континента, ранимовать имперские амбиции, подчеркивать законность активной миссионерской деятельности Русской Православной Церкви за рубежом будут бумерангом отзываться на национальных политиках в других странах СНГ. Трудно не согласиться в этой связи с М. Веллером, который пишет, например: «Выдвижение православия в национальную идею тут же ставит во второй сорт представителей прочих религий России. А это — неравно, несовременно, недемократично. «Национальная идея» в названном варианте ве-

⁴³ Saakashvili M. The President of Georgia Congratulated the Georgian Population with New Year.

⁴⁴ См.: Михник А. Национализм: чудовище пробуждается // Век XX и мир, 1990, № 10. С. 22.

дет к национальным погромам или религиозным войнам»⁴⁵. Межнациональному и межконфессиональному миру в СНГ отнюдь не способствуют нежелание видеть реальности российской жизни, тесную зависимость многих внутривнутриполитических и внешнеполитических «успехов» РФ исключительно от мировых цен на энергоносители.

* * *

В ближайшей перспективе на пространстве СНГ мы будем сталкиваться с пестрым спектром общенациональных идеологий, в котором, однако, не найдут своего достойного отражения глобализация, интеграционный вектор, вхождение в мировое сообщество. Терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям есть продукт особого этапа развитой экономической жизни — этапа, пока недостижимого даже для такой крупной страны, как РФ. Вероятно, пройдет еще много времени, прежде чем руководители независимых республик найдут объединяющий их стержень в прошедших проверке историей общечеловеческих ценностях, который позволит им, в свою очередь, создать фундамент бесконфликтного существования.

---

⁴⁵ Веллер М. Великий последний шанс // Веб-сайт Библиотеки Максима Мошкова [lib.ru].

РОССИЙСКАЯ ТЕМАТИКА В ИДЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО ГРУЗИНСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Максим КИРЧАНОВ

*кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры международных отношений и регионоведения
факультета международных отношений
Воронежского государственного университета
(Воронеж, Россия)*

Русские нарративы грузинского национализма

Российские нарративы играют особую роль в развитии современного грузинского национализма. На протяжении длительного времени Грузия входила в состав Российской империи, а затем и СССР, который воспринимался грузинским национальным сознанием как преимущественно «русское» государство.

С распадом Советского Союза и восстановлением независимости Грузии начался новый этап в истории отношений двух стран. Дискурс истории, главными персонажами которой являются современные политики, тесным образом связан с неким политическим мифом¹, предполагающим существование определенных политических образов («других»).

Крах коммунизма был воспринят на постсоветском пространстве как «дезинтеграция официальной коллективной памяти», что привело к новой артикуляции ее многочисленных «неофициальных нарративов»², связанных с «образами» различных государств, в том числе и России.

В 1990-х годах, после отторжения от Грузии Южной Осетии и Абхазии, грузинские политики и национально ориентированные интеллектуалы навязали своему народу «комплекс жертвы»: в проявлениях регионального сепаратизма они усмотрели «руку Москвы». Определенную роль в подобном отношении к проблеме сыграла «деконструкция исторического мифотворчества»³ советского периода, связанная с постепенным размыванием образа «старшего брата» в лице России.

Политические изменения начала 2000-х годов и попытка радикального решения региональных проблем, предпринятая М. Саакашвили в августе 2008 года, усилили негативное восприятие России националистически настроенными идеологами современной Грузии, что в большой степени способствовало обострению отношений между двумя странами.

По мнению грузинских политиков, лидер Республики Южная Осетия (РЮО) Э. Кокойты имеет «мышление недоразвитого диктатора»⁴, а итоги военного конфликта августа 2008 года оцениваются ими следующим образом: «Финалом скрытой агрессии, исходящей от России на протяжении многих лет, стала война 2008 года, которая принесла банде Кокойты и местному населению, «одурманенному» их идеологией, желаемую «независимость»⁵.

По мнению грузинских националистов, конструкт, примененный Россией в Осетии, вызвал дестабилизацию и обострение отношений между различными этническими группами, что привело к грузино-осетинскому и ингушско-осетинскому конфликтам: «Никакой южной, как и северной, восточной или западной Осетии, не существует; большевистский артефакт под названием «Южная Осетия» прекратил свое существование вместе с Советским Союзом»⁶.

Как полагает Д. Томпсон⁷, события недавнего прошлого особенно болезненны, так как связаны с проблемами национальной идентичности и самосознания народа; кроме того, они значительным образом влияют на политический процесс.

Комментируя политику РФ в отношении южноосетинского режима, грузинские националисты подчеркивают, что «тактика Кремля в Южной Осетии точно такая же, как на Северном Кавказе: есть коррумпированный ставленник, которому дан карт-бланш в обмен на верность. Другими словами, Москве наплевать на живущих там осетин; Кремль не заботит разворовывание руководством денег, выделенных РЮО на восстановление»⁸.

¹ См.: *Friedman J.* History, Political Identity and Myth // *Lithuanian Ethnology: Studies in Social Anthropology and Ethnology*, 2001, No. 1. P. 41.

² *Айтүзүт Ү., Рэй Л.* Мадэрнасць, памяць і посткамунізм // *Палітычная сфера*, 2006, № 6. С. 29.

³ *Куско А., Таки В.* «Кто мы?» Исторический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *An Imperio*, 2003, № 1. С. 493.

⁴ Почему сбежали из Грузии братья Каркусовы // *Понедельник*, 2009, № 61. С. 5—7.

⁵ *Хубулов Б.* Южная Осетия: прошлое, настоящее, будущее [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=53&lang=rus>].

⁶ *Васадзе Г.* Свет и тени новой стратегии по оккупированным территориям [<http://www.apsny.ge/analytics/1264907003.php>].

⁷ См.: *Thompson D.* Must History Stay Nationalistic? The Prison of Closed Intellectual Frontiers // *Encounter*, 1968, Vol. 30, No. 6. P. 27.

⁸ Осетины могут лишиться своей «независимости» благодаря Чечне [<http://lazare.ru/post/21393/>].

Кроме того, отмечается, что режим, связанный с российскими политиками и бизнесменами с сомнительной репутацией⁹, является коррумпированным: «криминальный режим Кокойты старается найти как можно больше выгоды при «отмывании» денег, но трудно представить, что подобное возможно без участия российских чиновников, так как осетинское правительство в основном укомплектовано российскими кадрами. Логично, чтобы ответственность разделили обе стороны — участницы коррупционных сделок, при которых «рука руку моет»¹⁰.

Русские нарративы и образ осетинского сепаратизма

В рамках грузинской националистической идеи образ РЮО выглядит так: «...царствующая тирания, тяжелейшее социально-экономическое положение и растрата средств, выделенных на реабилитацию последствий войны, представляют тот неполный список обвинений, который предъявляет оппозиция действующему режиму»¹¹.

По поводу деятельности режимов РЮО и Абхазии утверждается, что она «носит характер этнической чистки»¹²; южноосетинские сепаратисты при поддержке России взяли курс на реализацию этноцентричной модели развития, что проявляется в росте осетинского национализма и преследовании всего грузинского. Подобная политика определяется грузинскими авторами как апартеид¹³.

С другой стороны, подчеркивается, что режим в РЮО фактически отказался от социальных обязательств перед осетинами, переложив решение социально-экономических проблем на Москву: «со дня осуществления «сокровенной мечты» (признания независимости южноосетинской республики) прошло чуть более года. Но взамен обещанного рая жизнь местного населения превратилась в постоянную борьбу за выживание; рухнула надежда об обеспеченной, безоблачной жизни. На деле оказалось, что режим Кокойты способен кормить население лишь пустыми обещаниями; сказки о создании независимого и преуспевающего государства оказались утопией»¹⁴.

Американский исследователь Д. Фридмен полагает, что исторические штудии, имеющие непосредственное отношение к событиям недавнего прошлого, прямым образом влияют на развитие идентичности; на современном этапе они являются предметом националистической рефлексии¹⁵, так как связаны с пережитой национальной катастрофой.

Весьма примечательно, что негативные эмоции грузинских националистов — следствие не столько попыток РЮО позиционировать себя в качестве осетинского государства, сколько политического режима на ее территории. Существование подобного нар-

⁹ Подробнее о попытках властей Южной Осетии получить кредит от правительства РФ на строительство железной дороги, которая связала бы территорию Южной и Северной Осетии, не проходя по территории других государств и субъектов Российской Федерации, см.: Русско-осетинский Ла-Манш: Александр Жмайло в роли Остапа Бендера [<http://lazare.ru/post/28735/>]. Следует принимать во внимание, что подобные проекты не рассматривались даже в период существования СССР.

¹⁰ Режиму Кокойты угрожает социальный взрыв [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=78&lang=rus>].

¹¹ Правительственные и оппозиционные перипетии в сепаратистской «Южной Осетии» [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=62&lang=rus>].

¹² Мародерство и провокации — как инструменты современной политики России [<http://lazare.ru/post/13124/>].

¹³ См.: *Квирикашвили В.* Цхинвальский регион или... российский плацдарм «Южный» [<http://lazare.ru/post/31147/>].

¹⁴ Режиму Кокойты угрожает социальный взрыв.

¹⁵ См.: *Friedman J.* Myth, History, and Political Identity // *Cultural Anthropology*, 1992, Vol. VII. P. 195.

ратива прослеживается и на более ранних стадиях развития грузинского национализма, когда в первую очередь создавались образы политических противников (но не этнических врагов).

Как отмечают грузинские СМИ, «российская и осетинская стороны стараются представить РЮО как состоявшееся государство, но создается впечатление, что об основных его приоритетах (правах человека, демократии, гуманизме и т.п.) они ничего не слышали. Наглядным примером деградации осетинского общества может служить деятельность местных НПО и правозащитников. Печально, но факт: предметом их заботы являются граждане только осетинской национальности»¹⁶.

Подобный нарратив призван подчеркнуть то, что Грузия, в отличие от Осетии и РФ, является частью европейского политического пространства; кроме того, и Россия, и РЮО проводят политику, которая направлена на ликвидацию прав человека и установление авторитарного политического режима.

Грузинские националисты характеризуют Э. Кокойты как современного нацистского диктатора, поставившего неосетин вне закона: «на месте стертых с лица земли грузинских сел строятся российские военные базы, в РЮО запрещено говорить по-грузински, в школах запрещены грузинские учебники и обучение на грузинском языке, в центре Цхинвали публично уничтожаются произведения грузинской и мировой классики, с культурно-исторических памятников стираются грузинские надписи, оскверняются могилы грузин»¹⁷.

В грузинских СМИ доминирует мнение, что в то время как на территории Грузии существуют все условия для развития осетинской идентичности, РФ проводит в РЮО политику, направленную на ассимиляцию и уничтожение осетин как нации.

Грузинские националисты полагают, что признание РЮО Россией приведет к ее постепенной интеграции в политический регион Северного Кавказа, что чревато гонениями на христианство и исламизацией осетин¹⁸, а также этническими столкновениями на фоне неурегулированного осетино-ингушского конфликта и резко возросшего влияния президента Чеченской Республики Р. Кадырова¹⁹.

О тревожных тенденциях роста исламофобии в РЮО²⁰ пишет и известный грузинский аналитик Г. Маисурадзе.

Грузинские авторы полагают, что Россия, поддерживающая сепаратистские режимы в Абхазии и РЮО, сама может столкнуться с ростом сепаратизма и обострением национальных противоречий в своих субъектах.

Например, М. Абашидзе подчеркивает, что «российские СМИ умалчивают о том, что обстановка на Северном Кавказе крайне осложнилась, особенно после того, как по настоятельному требованию Р. Кадырова в Чечне был упразднен так называемый режим контртеррористической операции... Независимые от Кремля российские эксперты очень встревожены создавшейся в республиках Северного Кавказа обстановкой и предполагают, что, если события будут и в дальнейшем развиваться в таком же направлении, возможно, Россия даже потеряет на определенный период контроль над этим отрезком своей территории... В Кремле не замечают, что между Северным Кавказом и федеральным цен-

¹⁶ Российско-осетинский гуманизм [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=63&lang=rus>].

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Религиозная экспансия в сепаратистской Южной Осетии [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=84&lang=rus>].

¹⁹ См.: Рамзан Кадыров — новый губернатор Северного Кавказа? [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=59&lang=rus>]; Кадыров — новый советник Кремля по вопросам внешней политики [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=81&lang=rus>]; Чечня в водовороте авторитаризма [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=91&lang=rus>].

²⁰ См.: Маисурадзе Г. Свадьбы с точки зрения госбезопасности: в Цхинвали ополчились на ислам [<http://lazare.ru/post/35018/>].

тром уже давно установились конфедеративные отношения и законы шариата действуют там более эффективно, чем Конституция России»²¹.

Русские нарративы и кавказские стратегии грузинской политики

Ряд других грузинских националистов более радикален: например, З. Касрелишвили, возглавляющий Конфедерацию народов Кавказа, выступает с инициативой признания независимости Чечни и Ингушетии со стороны Грузии²².

Подобное предложение мотивируется политикой, проводимой РФ («Россия ведет на Северном Кавказе сильную антигрузинскую пропаганду»); З. Касрелишвили полагает, что «у такого признания единственная перспектива — Россия распадется! Население Абхазии и РЮО будет вынуждено пойти на диалог с Грузией по той простой причине, что у России не будет желания их поддержать. Татарстан, Чечня, Ингушетия, Дагестан, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария и Адыгея доведут Россию до грани распада»²³.

Для описания современной ситуации в РЮО и Абхазии грузинские национально ориентированные СМИ используют комплекс нарративов, призванных сакцентировать внимание на нелегитимности местных режимов и высоком уровне коррупции: «После окончания войны ликование в связи с победой над «грузинскими агрессорами» продолжилось серией признаний «Южной Осетии» русскими оккупантами, террористической организацией «Хамас», У. Чавесом, обладающим сомнительной психикой, наркодилером Д. Ортегой и завершилось «самым большим в мире шашлыком». Эйфория прошла, и жители на собственной шкуре почувствовали горькую реальность. Кокойты говорит о широкомасштабном строительстве, а жители домов, разрушенных российской «освободительной» армией, до сих пор живут в палатках. Митинг протеста оставшихся без крова людей был окрещен антигосударственным и беспощадно разогнан по приказу «президента»... Сегодня же «Южная Осетия» — обанкротившееся образование, которое скорее превратится во второстепенный военный городок, чем в независимое государство»²⁴.

Вполне очевидно, что националисты пытаются развить идею грузинской политической нации, к которой они относят осетин и абхазов; наряду с негативными образами сепаратистских режимов культивируется и позитивный имидж Грузии как гражданской нации-государства и подлинного отечества для национальных меньшинств.

В современном грузинском национализме российские нарративы играют одну из центральных ролей. Именно поэтому в публикациях грузинских авторов и национально ориентированных СМИ довольно часто присутствуют сюжеты, связанные с Россией (в частности, с кризисом 2009 г.), которая преподносится как страна, в которой существует диктатура спецслужб: «Не имеет смысла говорить с российскими спецслужбами о жизни граждан другого государства, так как для осуществления своих авантюрных планов они беспощадно жертвуют жизнями собственных граждан. Российским чиновникам стоит вспомнить о терактах 1999 года, проведенных спецслужбами в Москве, Волгодонске и Буденновске; в их совершении обвинили чеченских боевиков. В результате погибло более

²¹ *Абашидзе М.* Россия теряет контроль над Северным Кавказом [http://www.inosmi.ru/print/249649.html].

²² См.: «Конфедерация народов Кавказа» признала независимость Чечни и Ингушетии [http://www.apsny.ge/2009/pol/1256251549.php].

²³ Несколько европейских государств готовятся к признанию независимости Чечни и Ингушетии [http://www.apsny.ge/interview/1255740461.php].

²⁴ Южная Осетия: прошлое, настоящее, будущее.

300 человек, а около 2 тыс. получили ранения. Впоследствии сотрудники ФСБ решили устроить подобный «спектакль» и в Рязани, но местные жители вовремя подняли тревогу. Тогда спецслужбы окрестили данный факт «учениями» для проверки бдительности населения. Данные события были использованы господином Путиным как повод для повторного вторжения в Чечню»²⁵.

Подобные нарративы призваны не только подчеркнуть отсталость и опасность России для Европы²⁶ и постсоветского пространства; грузинские националисты утверждают, что РФ утрачивает черты европейского демократического государства, постепенно приближаясь по уровню развития к азиатским недемократическим режимам.

В рамках грузинского информационного пространства формируется образ РФ как государства, неспособного управлять Северным Кавказом. Грузинские националисты настаивают на том, что российские власти стремятся вернуться к репрессивной модели управления национальными регионами: «В Ингушетии большой резонанс и волнения вызвала новая инициатива российского правительства — «программа по трудоустройству ингушей»... Она предусматривает переселение ингушей... С того дня, как русский сапог впервые ступил на землю Северного Кавказа, такие действия, как насильственное переселение, физические расправы и разжигание межнациональной розни (в полном соответствии с принципом «разделяй и властвуй») по наследству передаются каждому последующему российскому правителю. Каждый из них в собственной интерпретации осуществляет этапы «российского плана». Население Северного Кавказа перенесло не один натиск, направленный на исчезновение целого народа. Притеснения со стороны «матушки-России» труднее всего вынести малочисленным народам и при этом сохранить свою культуру и самобытность»²⁷.

Россия как топос национальной нетерпимости

Комментируя идеи российских политиков, грузинские националисты подчеркивают континуитет между ассимиляционными стратегиями царской России и современной РФ. По их мнению, универсальность ассимиляции и принудительное разрушение национальных культур являются составными частями российской модели межнациональных отношений: «Цель российского правительства ясна — сегодня переселят ингушей, завтра чеченцев (если физически выживут), затем аварцев и т.д. Параллельно, согласно традиции, начнется заселение освободившихся земель русскими. В Осетии этот процесс идет уже давно, и результат налицо: недалек тот день, когда днем с огнем вы не найдете осетина, говорящего по-осетински, и абхаза, говорящего по-абхазски»²⁸.

Согласно точке зрения национально ориентированных СМИ Грузии, Россия ведет крайне противоречивую политику, подавляя национальные движения в Чечне, Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии и одновременно заигрывая с их лидерами. Грузинские националисты подчеркивают, что «политика Кремля на Северном Кавказе зашла в тупик. Пока официальная Москва ищет выход, ситуация осложняется с каждым днем.

²⁵ Продолжение информационной войны или подготовка к новой агрессии? [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=89&lang=rus>].

²⁶ О европейском восприятии российской внешней политики после военного конфликта в августе 2008 года см.: *Tardieu J.-Ph.* Russia and the Eastern Partnership after the War in Georgia // *Russie.Nei.Visions*, August 2009. 26 pp.

²⁷ «Мирная» депортация ингушей?! [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=64&lang=rus>].

²⁸ Там же.

Многолетние наблюдения показывают, что в указанном регионе невозможно достичь стабильности только силовыми методами. Таким образом, Северный Кавказ может оказаться определенным тестом для России в деле сохранения территориальной целостности»²⁹.

Кроме того, отмечается, что РФ переживает глубокий кризис: «российский кризис — это букет кризисов. Можно назвать несколько его важнейших составляющих. Прежде всего, это кризис физического износа техносферы, связанный с огромным недоинвестированием капиталов в нее. Россия-91 подошла к эпохе глобального смуткризиса невероятной изношенностью — вал техногенных инцидентов, аварий и катастроф обеспечен. Средний возраст оборудования в РФ — 21,5 лет по сравнению с 9,8 годами в СССР (1990 г.) или по сравнению с 10 годами в нынешнем развитом мире. Доля инвестиций развитых стран в основные фонды составляет 25—30% ВВП, а в РФ — всего 18%»³⁰.

Столь многочисленные усилия, прилагаемые для формирования негативного образа России (равно как и ее истории), свидетельствуют, что в грузинском обществе исторические исследования в значительной степени связаны с политической конъюнктурой³¹.

Грузинские националисты, настаивая, что модель экономического развития России является вредной в первую очередь для нее самой, отмечают: «Западу удалось создать в России коррумпированный режим по типу диктатур в банановых республиках, представители которого, заботясь о собственном благополучии, гарантируют, что в обозримом будущем страна будет неконкурентоспособна, а значит, будет выполнять функцию сырьевого придатка развитого мира»³².

В 2009 году, по мере углубления кризисных тенденций, грузинские националисты начали выражать все большую обеспокоенность по поводу дальнейших перспектив развития России, полагая, что крах ее экономической модели приведет к распаду и, как следствие, в значительной степени дестабилизирует всю мировую ситуацию³³.

В этой связи национально ориентированные грузинские авторы начали все чаще звать к памяти о совместном опыте и позиционировать себя в качестве выразителей интересов россиян перед лицом политических элит РФ, которые, как полагают некоторые интеллектуалы, «ведут курс на уничтожение страны»³⁴.

Тупики модернизации: социально-экономическая история современной России и ее грузинские отражения

Особой критике со стороны грузинских национально ориентированных СМИ подвергаются Вооруженные силы РФ: предпринимаются попытки сформировать крайне

---

²⁹ Нескончаемые страсти на Северном Кавказе [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=33&lang=rus>].

³⁰ У нас — два кризиса // Понедельник, 2009, № 93. С. 6—7. О восприятии РФ в рамках грузинского национализма см.: Просуществует ли РФ до 2014 года? [<http://lazare.ru/post/12646/>].

³¹ О связи исторических исследований с политикой см.: *Линднер Р.* Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі. В кн.: *Беларусіка / Albaruthenica*. Т. 6. Мн., 1997. Ч. 1. С. 114.

³² *Васадзе Г.* Стратегия национальной безопасности Грузии [<http://www.apsny.ge/analytics/1264126857.php>].

³³ См.: Развал «сверху» как элитарный интерес // Понедельник, 2009, № 93. С. 11—12; Великая несамостоятельность // Понедельник, 2009, № 93. С. 13—15.

³⁴ Готовиться к моменту «Ч» // Понедельник, 2009, № 93. С. 12—13.

отрицательный имидж российской армии, главными составляющими которого являются отсталость и высокий уровень коррупции: «перед российской армией стоит множество проблем: совершенно устарели структуры и механизмы управления, нет дисциплины, высок уровень коррупции... Российская армия фактически небоеспособна... Успеху реформ препятствуют многие факторы; в частности, их проведению мешают высокопоставленные военные чиновники, так как численное сокращение коснется, в первую очередь, генералитета и офицерского корпуса. Они могут потерять работу, привилегии, источник доходов (за счет коррупции, царящей в рядах вооруженных сил). У них нет опыта управления бригадами, что в значительной степени отразится на конечном результате. У Министерства обороны и генштаба разные подходы к осуществлению реформ, не выработана новая концепция рациональной безопасности. В таких условиях велика вероятность того, что военная реформа, военная доктрина и концепция национальной безопасности будут осуществляться независимо друг от друга. В итоге, все это негативно отразится на результатах реформ российской армии»³⁵.

Грузинские интеллектуалы считают, что для разрешения кризисной ситуации российские элиты избрали ошибочный и тупиковый путь, состоящий в поисках внешних врагов и позволяющий отвлечь внимание населения от реальных проблем. В связи с этим грузинские СМИ подчеркивают, что «Кремль осознает, что постепенно теряет контроль над регионом, поэтому прибегает к испытанным советским методам и старается скрыть собственную беспомощность, нагнетая страх перед внешним врагом. Это делается и с расчетом на внутреннего потребителя, и для того, чтобы возложить всю вину за создавшуюся в регионе сложнейшую ситуацию на Грузию. Россия старается убедить своих граждан и мировое сообщество в том, что Грузия — это террористическая страна. Неизвестно, насколько оправдана такая устаревшая российская тактика, но фактом является то, что подобной пропагандой Москва готовит почву для осуществления новой боевой операции на территории Грузии. Россия использует любой повод, для того чтобы максимально повысить напряженность на границе с Грузией и создать нужный фон для осуществления военных провокаций. Именно в эту схему вписываются обвинения в связях с «Аль-Каидой», высказанные в адрес Грузии»³⁶.

Развитие подобных нарративов в рамках современного политического пространства Грузии свидетельствует о постепенной трансформации грузинских националистических идей: с одной стороны, мы можем констатировать наличие тенденций к постепенной этнизации национализма, а с другой — прослеживается наличие мощной традиции политического гражданского национализма (несмотря на национальную катастрофу августа 2008 г.). Вероятно, именно поэтому в Грузии не получил развития этнический национализм, демонизирующий русских как универсальных «других» (демонизации подвергся исключительно политический класс современной России).

Заключение

Процессы политической трансформации в Грузии вылились не в «триумф» гражданского общества (что поставило под сомнение универсальность западной политической модели сосуществования гражданского общества и гражданского национализма),³⁷ но в

³⁵ Реформа Вооруженных сил России [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=76&lang=rus>].

³⁶ Продолжение информационной войны или подготовка к новой агрессии? [<http://www.kavkasia.ge/index.php?action=more&id=89&lang=rus>].

³⁷ В теоретическом плане о сложностях установления гражданского общества в транзитных режимах см.: Кока Ю. Европейское гражданское общество: исторические корни и современные перспективы на Востоке и Западе // Неприкосновенный запас, 2003, № 2. С. 54—61.

ренессанс этнического и этнизированного национализма, радикального политического мышления и протеста. В условиях демократического транзита и политической нестабильности грузинский национализм играл не меньшую роль, чем во времена существования Грузинской ССР.

В развитии грузинского националистического дискурса, сформировавшегося в период независимости, можно выделить несколько этапов:

- 1) начало 1990-х — 1993 год — период политической нестабильности и резкой этнической радикализации грузинского национализма;
- 2) середина 1990-х — 2003 год — этап нестабильного развития националистического дискурса в условиях функционирования политического режима Э. Шеварднадзе, характеризующегося значительными тенденциями к авторитаризации;
- 3) 2003-й — август 2008 года — период от «революции роз» до военной операции против РЮО и вмешательства РФ, характеризующийся консолидацией и радикализацией националистического дискурса, а также попытками коренного решения стоящих перед Грузией проблем;
- 4) современный этап в развитии националистического дискурса; в условиях политической нестабильности грузинский национализм развивается как совокупность политических и этнических трендов (при наличии значительного и различного националистического опыта).

Вероятно, важнейшая проблема развития грузинского национализма в транзитном обществе состоит в том, что он, имея богатые традиции, в 1990—2000-х годах подвергся значительной радикализации, трансформировавшись в этнический национализм государства, правящие элиты которого сочли возможным решать территориальные проблемы не методом диалога, а путем применения военной силы.

Подобная трансформация грузинского националистического текста стала возможна в силу ряда факторов. Процессы политического транзита в Грузии протекали в обществе с сильным авторитарным наследием; в течение нескольких десятилетий оно подвергалось форсированной модернизации путем разрушения традиционных отношений и политических институтов. Не исключено, что подобная ситуация осложнила демократический переход, способствуя радикализации национализма и, как результат, значительной этнизации националистического дискурса.

Другим немаловажным фактором, повлиявшим на деформацию развития грузинской политической культуры, стало длительное нахождение (в течение почти 200 лет) Грузии в составе Российской империи и СССР.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНЕТ В КАЗАХСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Бакытжан ТЕМИРБОЛАТ

*кандидат политических наук, независимый эксперт
(Астана, Казахстан)*

Введение

Современный этап развития информационного общества связан с началом новой волны в развитии компьютерных систем и коммуникаций: сегодня Интернет, ставший одним из символов глобализации, превращается в главную виртуальную арену международной деловой активности. Механизмы формирования поля государственного управления и политики и базовые технологии диалога правящих структур с обществом и поддержания стабильности переживают качественную трансформацию — сращивание политики и технологий ускоряет формирование электронной демократии. Государство стремительно теряет монополию на любую информацию и не всегда способно контролировать общественно-политические процессы,

зарождающиеся в сетях Интернета, о чем наглядно свидетельствует практика развитых стран. Сегодня любая проблема, волнующая общество, открыто обсуждается в виртуальном пространстве, а выплескивание ее в реальную жизнь может привести к непредсказуемым последствиям.

Под влиянием глобальных процессов Интернет постепенно вырастает и в казахстанский политический процесс, становясь важной площадкой взаимодействия общественного мнения и конфликтов интересов виртуального сообщества. Появляются новые механизмы взаимодействия с общественным мнением, современные формы самоорганизации граждан и групп интересов — электронные массмедиа, дискуссионные политические веб-порталы,

виртуальные сообщества и группы, формируемые на основе совместных целей, в том числе и политических.

На современном этапе государственные органы, политические партии, общест-

венные движения, ассоциации, неправительственные организации, СМИ и, наконец, сами граждане Казахстана постепенно осваивают формы работы в виртуальном пространстве.

Интернет в общественной жизни Казахстана

Предлагаемая постановка проблемы требует комплексного аналитического исследования потенциала интернет-пространства; в целях структурирования имеющихся данных автор применил широко используемый в маркетинговых исследованиях, но нестандартный для политологии исследовательский метод — PEST-анализ. Как известно, этот метод направлен на выявление политических, экономических, социальных и технологических аспектов внешней среды, которые способны повлиять или уже влияют на изучаемый объект¹. Можно предположить, что в условиях динамичного развития сферы электронных коммуникаций, зависящего не только от социально-экономических детерминант, но и от уровня технологической базы, данный метод окажется все более востребованным и сфера его применения будет расширяться. Так, PEST-анализ позволяет наиболее полно исследовать четыре тесно взаимосвязанных фактора, которые сегодня сильно влияют на казахстанский политический процесс (и, в частности, на представительство интересов).

Результаты PEST-анализа можно представить в следующем виде:

P: Политические факторы	S: Социальные факторы
E: Экономические факторы	T: Технологические факторы

P: Политические факторы

1. Возрастающее влияние интернет-пространства на реальный политический процесс уже требует определенных изменений как в функционировании власти и в формировании системы государственных органов, так и во всей структуре связей и взаимодействия с общественностью (готовность государства выстраивать устойчивые механизмы обратной связи с гражданами посредством информационных технологий прямо коррелирует с повышением эффективности власти).
2. Поле применимости традиционных инструментов идеологического воздействия неуклонно сужается; усиливается влияние независимых электронных информационных центров на общественное мнение и на реальный сектор публичной политики. Расширяются возможности вызывать общественный резонанс по тем или иным вопросам, что активно используется группами интересов.

¹ См.: *Creswell J.W. Research Design: Qualitative, Quantitative, and Mixed Methods Approaches*. Third Edition. London-LA: SAGE, 2009.

3. Информационная эра требует от государственных структур активных действий в виртуальном киберпространстве; для принятия соответствующих властных решений необходим мониторинг актуальных тенденций и проблем современного общества, как они отражаются в социальных сетях, блогах и тематических порталах.
4. В казахстанском сегменте политического Интернета наряду с традиционными субъектами интересов (политическими партиями, общественными объединениями, бизнес-структурами, научными и образовательными организациями, отдельными политиками и т.п.) растет активность еще не изученных сообществ нового типа и формата — виртуально-сетевых, имеющих свои многочисленные аудитории.
5. Предпринимаются попытки создать законодательную базу регулирования сети Интернет, в частности иницируя проект закона «О регулировании казахстанского сегмента сети Интернет»² и приняв поправки в закон «О средствах массовой информации», затрагивающие вопросы использования электронных информационных ресурсов и электронных СМИ.
6. Распространение в Казахстане информационных технологий (ИТ) может способствовать дальнейшей демократизации общества, развитию гражданских инициатив и формированию нового уровня самоорганизации людей; электронное пространство становится квинтэссенцией идеалистической модели гражданского общества.

E: Экономические факторы

1. Стратегический курс Казахстана, направленный на формирование высокотехнологичных секторов производства, мощно стимулирует развитие ИТ и расширяет виртуальное пространство страны.
2. Постоянно удешевляется компьютерное оборудование и услуги доступа к Интернету; одновременно расширяется зона покрытия коммуникациями.
3. Перенос процессов экономического управления, хозяйствования и предоставления коммерческих услуг (документооборот, логистика, банкинг, электронные деньги и платежи, шопинг и др.) в виртуальную сферу автоматически содействует безоговорочному признанию ИТ и Интернета как легитимных и неотъемлемых частей реальной жизни общества.
4. Несмотря на отсутствие надлежащей законодательной регуляции со стороны государства, активно развивается виртуальный сектор экономики с мощными финансовыми ресурсами.
5. В Казахстане бурно развивается электронная коммерция (интернет-магазины, аукционы и др.) и деловая активность в Интернете (реклама и отдельные виды услуг).

S: Социальные факторы

1. Противоречивость социального восприятия новых информационных возможностей, с одной стороны, порождает в казахстанском обществе сильный патер-

---

² Проект закона Республики Казахстан «О регулировании казахстанского сегмента сети Интернет» [www.zakon.kz/118785-dose-na-proekt-zakona-respubliki.html].

нализм (многие привыкшие получать все необходимое от государства не знают, что делать с «виртуальной свободой»); с другой стороны, старшие поколения, оказавшись перед необходимостью осваивать новые ИТ, обнаруживают некоторую растерянность. Кроме того, неуклонно растет число граждан, выражающих неприятие традиционных форм социальной жизни и деятельности, считая их архаичными.

2. Постоянное расширение виртуального информационного пространства влияет на становление Интернета как сферы общественной жизни Казахстана и обычного инструмента социальной коммуникации; быстро растет посещаемость информационных ресурсов и различных форумов для выражения интересов и мнений.
3. Появляются новые тренды, связанные с социальным развитием; группы граждан, постоянно находящиеся в виртуальном пространстве (представители городской молодежи, программисты, аналитики и т.п.) фактически избегают воздействия официальной идеологии: у них формируются собственные поведенческие модели и особая культура. Вполне вероятно, что они создадут новые инструменты агрегирования своих интересов, к которым традиционная система представительства, по-видимому, еще не готова.
4. Интернет стимулирует групповую сегментацию и интеграционную самоорганизацию по специфическим интересам (от хобби и профессиональных вопросов до социального развития и политических проблем), позволяя казахстанцам абсолютно свободно контактировать в формате *Person-to-Person* (межличностная коммуникация, прямые контакты между индивидами) и создавать различные сообщества; у людей появилась реальная возможность реализовывать свои запросы и интересы на практике.

Т: Технологические факторы

1. В Казахстане наблюдается растущий спрос на развивающиеся ИТ; этот рост стимулируется глобализацией, открытостью границ и вовлеченностью страны в международные процессы.
2. Проникновение ИТ во все сферы жизнедеятельности влияет на структуру и организацию общества, а также на способы коммуникации внутри него, а их удешевление ведет к росту аудитории виртуального пространства.
3. С целью развития информационных коммуникаций Казахстан взял курс на развитие современной технологической инфраструктуры; создание в республике технического базиса для проекта «Электронное правительство» дает широкие перспективы для развития электронной демократии.
4. Запретительная тактика властей в отношении развития политического Интернета обречена на неудачу; пользователи могут получить доступ практически к любым интересующим их порталам, так как современные технологические новации позволяют с легкостью обходить любые блокировки.
5. Вхождение Казахстана в эру ИТ требует дальнейшего системного развития технологической инфраструктуры, необходимой для функционирования электронного плебисцита как формы политического представительства интересов будущего.

Согласно результатам проведенного анализа, наступление новой информационной эры неизбежно меняет традиционный уклад жизни Казахстана; происходящие в стране изменения не могут не коснуться и политической системы государства.

Однако ситуация осложняется тем, что у казахстанского политического Интернета нет четких ориентиров для определения своего места в реальной общественно-политической жизни государства. Еще одним сдерживающим фактором является отсутствие соответствующей законодательной базы; государственной власти недостает опыта регулирования политического интернет-пространства.

Тем не менее в Казахстане сложилась устойчивая тенденция расширения интернет-среды; этому во многом способствуют новые аспекты экономического и социального развития страны, а также вовлеченность республики в международные процессы.

Как показывает анализ, в Казахстане уже создан первоначальный технологический базис для политизации виртуального пространства, однако одного этого недостаточно: помимо технологической инфраструктуры требуется политическая легитимация виртуальных действий. На сегодняшний день казахстанское виртуальное политическое пространство устойчиво и динамично развивается, и в дальнейшем эта тенденция, скорее всего, будет только усиливаться.

Становление политического Казахстанского Интернета (Казнета): ретроспектива

Казахстанский Интернет как сегмент Всемирной виртуальной сети играет немаловажную роль в публичном политическом поле республики (в силу ряда факторов он функционирует в зарубежных сегментах). На сегодняшний день в нем насчитывается более 5 860 веб-сайтов³. Около 3,4% его виртуального поля (около 200 сайтов)⁴ составляют государственные сайты и электронные СМИ, которые мы здесь будем называть «общественно-политическими сайтами»; таким образом, говорить о политизированности Казнета в целом преждевременно.

Также необходимо обозначить такие категории, как *новостные веб-сайты* (передающие политические новости) и *политические веб-сайты* (выступающие платформами для целевой политической активности, проявляющейся в дискуссиях по актуальным вопросам, призывах, обращениях и т.п., и позволяющие пользователям высказывать свои мнения и интересы; вся подобная информация доносится до широкой общественности, власти или конкретного субъекта).

Новостные веб-сайты выступают в роли средств массовой коммуникации, активно ретранслирующих сведения о политических событиях, однако не имеющих каналов обратной связи.

В отличие от них *политические веб-сайты* являются не только средством информирования, но и публичной ареной для выражения различных взглядов, обсуждений и конфликтов общественных и узкогрупповых интересов.

Благодаря современным техническим средствам многие электронные СМИ предоставляют своим пользователям широкие возможности для участия в различных дискуссиях, опросах и др.

³ Согласно данным каталога «Site.Kz» на 2011 год [<http://catalog.site.kz>]

⁴ По данным анализа ресурсов [www.resurs.kz] и [<http://catalog.site.kz>].

Характеристику специфики казахстанского виртуального политического пространства целесообразно начать с хронологии его развития. История политического Казнета насчитывает не более 11 лет, и в ней можно выделить 5 основных этапов.

1. **1994—1997 годы** — появление Интернета в Казахстане. В 1994 году на смену единому для всех постсоветских государств домену SU приходят национальные. 7 апреля в базе данных IANA официально регистрируется российский национальный домен «RU», а 19 сентября — «KZ» (Kazakhstan)⁵. В тот период виртуальное пространство только формировалось и о политическом Интернете не могло быть и речи, Интернет был лишь проводником процесса глобализации информационного пространства.
2. **1998—1999 годы** — стартовая фаза развития политического Интернета. Информационная активность политических объединений, вызванная проходившими в Казахстане президентскими и парламентскими выборами, совпала по времени со всплеском моды на новые технологии; это привело к стремительному развитию информационно-политического сектора казахстанского Интернета. Каждый новый виток избирательных кампаний сопровождался появлением новых способов информационного реагирования на ход предвыборного процесса.

Таким образом, электоральные кампании 1999 года оказали сильное влияние на становление политического сегмента Интернета; началось широкое использование информационно-пропагандистского потенциала Всемирной сети, а благодаря моментальному распространению информации каждое новое изобретение политтехнологов быстро становилось достоянием сетевой общности.

Однако виртуальное пространство в тот период не оказывало существенного воздействия на общественное мнение из-за слабого распространения Интернета.

3. **2000—2003 годы** — начало создания в Казахстане информационной инфраструктуры. В марте 2001 году Указом Президента Республики была утверждена «Государственная программа формирования и развития национальной информационной инфраструктуры в Республике Казахстан»; она стала первым документом, направленным на информатизацию государственного управления в Казахстане⁶.

Включение Интернета в инструментарий политтехнологов превратило Сеть в основное орудие труда журналистского сообщества. Появились первые веб-сайты общественно-политической направленности — «Навигатор» (2000 г.)⁷, «Куб» (2001 г.)⁸, «Номад» (2002 г.)⁹ и др.; их публикации начали привлекать внимание практически всех политических игроков и существенно влиять на общественное мнение.

В этот период некоторые политические организации начинают создавать свои официальные веб-страницы.

⁵ См.: Ляхов А. КазНет предвыборный // Интернет и Я, 2004, № 9.

⁶ См.: Указ Президента Республики Казахстан «Государственная программа формирования и развития национальной информационной инфраструктуры в Республике Казахстан» // Казахстанская правда, 20 марта 2001, № 73.

⁷ [www.navigator.kz] — в настоящее время имеет другой адрес.

⁸ [www.kub.kz] — в настоящее время имеет другой адрес.

⁹ [www.nomad.su].

4. **2004—2005 годы** — профессионализация и начало полнофункционального развития политического Интернета. Важным событием этого периода стало принятие 10 ноября 2004 года «Государственной программы формирования «Электронного правительства» в Республике Казахстан на 2005—2007 годы»¹⁰. На фоне быстрого роста аудитории Интернета политические силы республики пытаются манипулировать общественным мнением с помощью ИТ. Массовый характер приняло создание интернет-представительств, началась активная регистрация в Сети политических партий и движений (по-видимому, это было связано с электоральными процессами). Появляется ряд веб-порталов и электронных СМИ, нацеленных на информирование общественности о ситуации в политической сфере и выступающих в качестве своеобразных представительных платформ, транслирующих позиции их участников.
5. **2006 год — настоящее время** — активное влияние Интернета на политический процесс и общественное мнение. Возникают специализированные дискуссионные площадки для открытого обсуждения политических проблем государства; формируются виртуальные группы по интересам, поднимающие вполне реальные вопросы и нацеленные на активные действия. В указанный период Интернет окончательно укоренился в качестве легитимного поля политической активности властей и общества.

Таким образом, на первых этапах развития политического Интернета прослеживается его прямая зависимость от электоральных процессов. Но политические деятели в тот момент не стремились добиться с помощью интернет-технологий какой-то прямой практической пользы: в эти возможности большинство политиков не верило. Они делали ставку главным образом на позитивный репутационный эффект от использования Интернета, который воспринимался как символ технологического и социального прогресса.

Однако на современном этапе Интернет, который раньше был лишь виртуальным отражением реальной политики, превращается в **важное самостоятельное поле публичной политики**, способное влиять на поведение отдельных игроков и манипулировать общественным мнением.

Использование Интернета в качестве средства политической коммуникации преследует не только чисто информационные цели. Наряду с традиционными сайтами, представляющими текстовую и графическую информацию или дающими возможность обмениваться мнениями посредством электронной почты, появляются ресурсы расширенного коммуникационного типа, позволяющие проводить массовые информационные акции¹¹.

Следует отметить, что если для одних Интернет — это неотъемлемая часть информационно-рекламной политики, то для других — среда обитания, поле ведения политической борьбы, арена информационного давления на власть, а также взаимодействия с лояльными аудиториями или единомышленниками.

Рост влияния виртуального политического пространства можно связать с ограниченностью существующей системы представительства интересов: она сегодня не способна в полной мере реагировать на повышение политической активности масс и охватить широкий спектр общественных отношений.

---

¹⁰ Указ Президента Республики Казахстан от 10 ноября 2004 года № 1471 «О государственной программе формирования «Электронного правительства» в Республике Казахстан на 2005—2007 годы» // Казахстанская правда, 16 ноября 2004, № 261—262.

¹¹ См.: *Соленикова Н.* Политический Интернет в российских избирательных кампаниях // *Общественные науки и современность*, 2007, № 5. С. 71.

Власть и политическое интернет-сообщество сегодня: поиски взаимопонимания

В течение последних пяти лет активно формируется сегмент политического Интернета. Обозначились контуры его развития и определились точки соприкосновения с общественным мнением. Казахстанский политический Интернет имеет значительные резервы роста (технологические и политические), и его влияние на отечественную политику уже достаточно ощутимо.

Сегодня в казахстанском Интернете распространены внеинституциональные формы артикуляции и агрегации общественных интересов. К ним следует отнести, прежде всего, электронные протесты, информационное давление на власть, хакерские провокации и призывы к политической мобилизации в реальной жизни. Наблюдаются и более радикальные инициативы: призывы к гражданскому неповиновению, к борьбе за гражданские права, политическому противостоянию власти и др. В целом Интернет позволяет сохранять демократический баланс и активно стимулировать становление гражданского общества в Казахстане.

Следует отметить, что государственные органы стали более чутко реагировать на виртуальную политическую активность и информацию электронных массмедиа. О росте воздействия политического Интернета на реальную жизнь свидетельствуют такие факты, как рассмотрение деятельности веб-сайтов (в том числе и политических) в судах и применение в отношении них административных мер воздействия (например, их временное или полное техническое блокирование).

Как показывает практика, полностью заблокировать доступ к какому-либо веб-сайту невозможно. Так, в 2005 году в Казахстане возникло общественное движение против запрета на использование автомобилей с правым рулем; созданный в связи с этим сайт [www.svoboda.kz] был заблокирован, однако доступ к нему был возобновлен по адресу [<http://svobodakz.blogspot.com>]. Административное давление и попытки блокирования виртуальной информационной активности привели к тому, что общественное движение приобрело форму политического протеста, что свидетельствует о высоком уровне самоорганизации граждан.

Еще один пример, иллюстрирующий невозможность блокирования какого-либо веб-сайта, — деятельность «Общества молодых профессионалов Казахстана», куда входит молодежь, имеющая альтернативные взгляды на развитие государства. Популярность Общества как раз значительно повысилась, после того как заблокированный веб-ресурс (по адресу [<http://ompk.kz>]) был перемещен на новый адрес: [<http://my.mail.ru/community/www.ompk.kz>].

Таким образом, блокирование виртуальной информационной активности сообществ может привести к обострению их отношений с властью, росту протестного потенциала и популярности групп интересов. Усиливающееся влияние виртуальных движений на общественное мнение и политический процесс свидетельствуют, что между властями и гражданами государства пока еще не существует адекватного канала коммуникации.

В этой связи следует упомянуть и об опыте популярного ресурса «Навигатор», который с 2004 года неоднократно пытались заблокировать и который тем не менее ни разу не приостанавливал работу и просто 5 раз менял электронный адрес доступа к своему контенту; при этом его популярность и авторитет в обществе неуклонно рос-

ли: «чиновники, отдававшие приказы заблокировать ресурс, сделали ему неплохую рекламу»¹².

Примечателен опыт ресурса «Позиция.Кз», который по представлению Генеральной прокуратуры Республики Казахстан (РК) и решению суда осенью 2007 года был заблокирован на полгода¹³. Его электронный адрес [www.posit.kz] был заменен на зарубежный домен [www.posit.su], и веб-сайт продолжил свою политическую деятельность.

Когда подвергся блокировке сайт газеты «Республика — деловое обозрение»¹⁴, для доступа к нему было открыто более десятка альтернативных адресов.

При этом блокирование политических веб-сайтов, не давая реальных результатов, вызывает мощный резонанс в мировом общественном мнении, ухудшая демократический имидж страны¹⁵.

Вышеперечисленные прецеденты свидетельствуют о том, что применять запретительные и административные меры в отношении интернет-пространства практически невозможно; подобная тактика с политической точки зрения в целом бесперспективна.

Бесспорно, власти обязаны реагировать на проявления протестной активности в виртуальной среде (например, в отношении экстремистских движений), а также (что не менее важно) находить реальные причины, которые порождают подобную интернет-активность. С другой стороны, необходимо проводить адекватную информационную работу в виртуальной среде (соответствующую культуре интернет-пользователей страны), оперативно отвечая на вызовы, угрожающие политической системе. Думается, что на сегодняшний день этот вопрос требует от властей Казахстана более активного и внимательного изучения процессов, происходящих в Интернете.

Серьезное влияние на общественную жизнь Казахстана оказывают интернет-форумы; пресса все чаще ссылается (хотя и весьма осторожно) на мнения участников дискуссий, происходящих в виртуальном пространстве.

На политических форумах проводятся онлайн-голосования по различным темам в целях определения структуры и содержания общественного мнения по актуальным проблемам казахстанской политики. Например, на популярном веб-ресурсе «Номад» периодически проводятся голосования для определения рейтинга известных политических лидеров Казахстана; на основании результатов составляются аналитические публикации¹⁶.

В силу своей неангажированности и отсутствия цензуры онлайн-голосования способны гораздо четче вскрыть доминирующие тренды и политические пристрастия общественного сознания, которые нельзя выявить в ходе традиционных «замеров»; по заявлениям многих экспертов, при анализе той или иной проблемы они уделяют особое внимание комментариям блоггеров.

Объективности ради необходимо отметить, что в силу недостатка культуры у большей части блоггеров, участвующих в виртуальных дискуссиях, а также отсутствия четкой и ясной позиции государства по вопросам правовой регуляции интернет-пространства, некоторые политические веб-сайты превращаются в арену информационных войн между группами интересов. Эта борьба зачастую сопровождается попытками политического давления на власть, распространением негативной информации, а также конфликтами между самими блоггерами.

¹² Кустов А. Блок хост ИАЦ МГУ от 23 октября 2007 г. [www.ia-entr.ru/archive/public_detailsa12e.html?id=934].

¹³ См.: Тынышбаева А. Интернет в сеть? // Литер, 25 мая 2009.

¹⁴ Обращение редакции общественно-политического еженедельника «Республика» к читателям [www.respublika.kz].

¹⁵ См.: К примеру: Интернет в Казахстане: против лома есть прием! // Немецкая волна, 11 февраля 2009 [www.dw-world.de/dw/article/0,,4020932,00.html].

¹⁶ См.: Кто человек № 2 в Казахстане [www.nomad.su/?vt=1&vn=200910020002].

На современном этапе **пространство политического Казнета является открытой дискуссионной площадкой, на которой свободно высказываются мнения, оценки и позиции как отдельных индивидов, так и разнообразных групп интересов.** В Интернете широко и зачастую весьма негативно по отношению к властям обсуждаются важнейшие вопросы социально-экономической политики государства (национальные отношения, языковая политика, эффективность государственного аппарата, взаимодействие политических элит), а также перспективы развития Казахстана. Проблемы, обсуждаемые в виртуальных дискуссиях, весьма реальны и зачастую являются или могут стать источником конфликтов; отсутствие адекватной реакции со стороны властей может привести к возникновению разнообразных рисков и угроз стабильности государства. Кардинальное несоответствие структуры общественного мнения с традиционными механизмами и институтами политического представительства интересов (включая данные социологических замеров), свидетельствует, что необходимы **определенная надстройка и новые инструменты координации запросов «на входе» и решений «на выходе».**

Казнет и новые тенденции в политической работе

В структуре участников виртуальных политических дискуссий, помимо отдельных индивидов и ассоциативных сообществ единомышленников, выделяются и организованные группы интересов. В виртуальной среде действуют как реально функционирующие группы интересов (политические партии, общественные движения, НПО, фонды, СМИ и др.), так и совершенно новые, спонтанно или целенаправленно оформившиеся на основе общих политических позиций и интересов.

Активность первой категории групп связана с поиском соответствующими группами возможностей усилить свое влияния на общественное мнение. Вторая категория остается малоизученной, поэтому активность виртуально-сетевых групп интересов непредсказуема, а цели и реальные масштабы их деятельности неизвестны.

Особо необходимо упомянуть о политических партиях, виртуально представленных в Интернете, которые являются основными участниками реальной политической борьбы. В первую очередь речь идет о тех партиях, которые официально зарегистрированы в Министерстве юстиции РК:

1. Демократическая партия «Адилет» [<http://dp-adilet.kz>]
2. Демократическая партия «Ак жол» [www.akzhol.kz]
3. Демократическая партия Казахстана «Азат» [<http://azat-party.info>]
4. Коммунистическая народная партия Казахстана [www.knpk.kz]
5. Народно-демократическая партия «Нур Отан» [www.ndp-nurotan.kz]
6. Общенациональная социал-демократическая партия [www.osdp.kz]
7. Партия «Руханият» [www.rukhaniyat.kz].

Вышеперечисленные политические структуры используют веб-ресурсы как дополнительные каналы стратегических коммуникаций, обеспечивающие им связь с электоратом и возможность представительства своих интересов и целей. Как показывает практика, многие партии, не имеющие возможности вести активную публичную деятельность (из-за отсутствия финансов, опыта, др.) посредством официальных веб-сай-

тов поддерживают контакты с электоратом и транслируют свою позицию в политическое пространство.

Следует отметить, что существующие в РК партии «Ауыл» и Партия патриотов Казахстана политически неактивны; они не имеют своих виртуальных представительств, что явно уменьшает их конкурентоспособность.

Интересен феномен функционирования в виртуальной среде политически активных политических партий, не зарегистрированных в Министерстве юстиции РК. На момент сбора и анализа эмпирических данных в Интернете наблюдалась активность следующих структур:

1. Народная партия «Алга» [www.npdvk.kz]
2. Партия зеленых Казахстана [<http://greenparty.kz>]
3. Интернет партия Казахстана [www.iparty.kz].

Эти партии имеют четкие цели, программные установки и постоянную аудиторию. Примечательно, что этим структурам не требуется значительных ресурсов или признания со стороны государства; кроме того, им не нужен офис и юридическая регистрация, так как они и без того оказывают определенное влияние на общественное мнение.

Однако подобные структуры лишены возможности прийти к власти посредством выборов, хотя, возможно, они и не ставят перед собой подобных целей (по крайней мере, в настоящее время).

Тем не менее отдельные «нелегитимные» партии весьма узнаваемы и имеют устойчивый бренд; с этим государству придется смириться.

В Интернете существуют и устойчивые виртуально-сетевые группы по интересам и целям (социально-экономическим, этнонациональным, религиозно-конфессиональным, культурным, идейно-политическим и т.д.). Их отличает четкая артикуляция интересов и активная настроенность на практическую реализацию своих идей.

Сплоченность отдельных виртуальных сообществ (несмотря на существующие внутренние конфликты) позволяет им вести пропаганду; они способны на массовую мобилизацию граждан в реальной политике.

В политическом виртуальном пространстве широко представлены неправительственные организации, общественные движения и различные ассоциации, а также национальные общины, профсоюзы, студенческие, правозащитные ассоциации и др. Все они заняты различными сферами деятельности: благотворительностью, развитием предпринимательства, гендерными вопросами, молодежной политикой, экологией, а также проблемами ветеранов, трудоустройства, социального обеспечения и др.

Сегодня более 150 структур, представляющих интересы различных групп и слоев населения, имеют свои официальные страницы; кроме того, персональными веб-сайтами обладают отдельные политики и граждане Казахстана.

Таким образом, политические игроки и казахстанское общество в целом поступательно осваивают виртуальное пространство, которое становится все более подготовленным к институциональному оформлению электронного плебисцита по примеру развитых западных демократий.

Определенную логическую завершенность Казнету, являющемуся базой для электронной демократии, придают официальные страницы центральных и местных государственных органов. На начальном этапе данные ресурсы выполняли лишь функцию источника официальной информации, но в настоящее время значительная часть государственных веб-сайтов оснащена технологиями обратной связи; у граждан имеется возможность задать вопрос какому-либо должностному лицу или соответствующим службам. Государственные органы имеют соответствующие подразделения, способные обрабатывать

соответствующую информацию и реагировать на онлайн-запросы населения. Однако не все службы психологически готовы контактировать с общественностью, и такие онлайн-запросы граждан нередко остаются без внимания. Как полагают отечественные эксперты, очевидна определенная «растерянность государственных органов перед лицом новых вызовов глобализации и НТР»¹⁷.

Однако в целом власть стремится идти в ногу со временем и поступательно расширяет присутствие в Интернете и каналы взаимодействия с разными аудиториями.

Например, на сайте Парламента страны [www.parlam.kz] можно персонально обратиться к любому депутату Сената или Мажилиса. Кроме того, на всех сайтах министерств и ведомств Казахстана существуют блоги их первых руководителей.

В настоящее время наиболее активным (в плане развития обратной связи с общественностью) и посещаемым является блог-платформа правительства РК [<http://blogs.e.gov.kz>]. Как отмечают отечественные политологи, ввод новых коммуникативных технологий в систему государственного управления увеличивает мобильность и ответственность чиновников и повышает возможности интерактивной работы органов власти¹⁸.

Проведение онлайн-конференции с участием президента и руководителей государственных органов страны, в которой приняло участие около 170 тыс. человек¹⁹, придало дополнительный импульс развитию политического сегмента Интернета в Казахстане; это событие было воспринято обществом в целом позитивно.

При этом проект электронного правительства продолжает активно развиваться. Так, согласно данным обновленного отчета, представленного Департаментом ООН в 2010 году, Казахстан занял 46 место по развитию «электронного правительства» (в 2008 г. страна занимала 81 место)²⁰; по сведениям Агентства РК по информатизации и связи, количество пользователей портала «e-gov» увеличивается в среднем на 20 тыс. человек в месяц²¹, что свидетельствует о высокой заинтересованности граждан в подобного рода коммуникациях.

Анализ вопросов, поднимаемых на правительственном блоге, показывает, что многие вопросы и проблемы, волнующие граждан республики, должны сначала решаться на местных уровнях (в рамках Национальной стратегии децентрализации государственного управления)²².

Прямые обращения населения в различные представительства на национальном уровне свидетельствуют как минимум об отсутствии политических механизмов решения региональных проблем и неэффективности традиционных каналов коммуникации (одним из акторов политической коммуникации являются политические партии). В целом же основной причиной обращения граждан непосредственно к верховной власти является отсутствие механизмов представительства интересов в местных сообществах.

Безусловно, казахстанский Интернет стал реальной политической площадкой; в отличие от государственного информационного пространства здесь разворачиваются острые идеологические дискуссии, касающиеся реальных проблем общества и страны.

¹⁷ Морозов А. Взгляд на глобализацию медиа-пространства через призму обеспечения национальной безопасности Республики Казахстан // Казахстан-Спектр, 2009, № 2.

¹⁸ См.: Касен М. Перспективы применения интерактивных информационных технологий в политике // Analytic, 2007, № 1.

¹⁹ См.: Интернет-конференция президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева [www.akorda.kz/www/www_akorda_kz.nsf/sections?OpenForm&id_doc=11AA8E023D73].

²⁰ [www.unpan.org].

²¹ См.: Есекеев К. «Электронное правительство»: технологии не создаются ради технологий // Казахстанская правда, 6 октября 2009.

²² См.: Официальная блог-платформа руководителей государственных органов РК [<http://blogs.e.gov.kz>].

Вместе с тем ни существующие социальные институты, ни представители партий и общественных организаций (не говоря уже о рядовых гражданах) пока не умеют в полной мере использовать возможности виртуальной сети для эффективного выражения своих интересов и их цивилизованной защиты; сегодня в Казнете преобладают внеинституциональные формы политического представительства.

Несомненно, степень реального политического влияния интернет-среды с каждым годом будет возрастать, что приведет к увеличению рисков, которые несут внеинституциональные (неконтролируемые) механизмы артикуляции и агрегации общественных интересов.

Все это требует перевести виртуальные политические процессы в цивилизованные институциональные формы, которые сегодня складываются в странах развитой демократии.

Ключевым принципом организации новой системы политического представительства интересов является возможность активной, прямой и одновременной коммуникации всех категорий участников — общества, групп интересов, виртуально-сетевых сообществ и власти. Следовательно, для формирования в Казахстане политической системы нового типа и оценки ее будущего развития потребуется применение нестандартных методов.

З а к л ю ч е н и е

Представленный анализ развития Казнета помогает выявить не только новые возможности, но и целый ряд проблемных аспектов, вызовов и угроз, которые в будущем во многом определят конкурентоспособность политического развития государства. Существование множества проблем и вызовов, стоящих перед Казахстаном, объясняется прежде всего тем, что в стране еще не созрели даже традиционные политические институты, в то время как основным требованием современности является переход на новый уровень цивилизационного развития. Процесс традиционно-инновационного развития политической системы в значительной мере осложняется тем обстоятельством, что у государства пока только складывается концептуальное видение его реализации.

Как представляется, главным вызовом, стоящим перед Казахстаном, является опасность упустить благоприятный момент для опережающего развития; исходя из интересов государства, необходимо вовлечь в виртуальное пространство (в целях его корректной регуляции) властные институты.

Сегодня казахстанский политический истеблишмент четко осознает, что интернетизация политических процессов будет неизбежно набирать обороты, охватывая все новые и новые сферы и глубоко проникая в политику; речь идет не только о внедрении электронного голосования или создании электронного правительства. Интернет оказывает глубинное и необратимое воздействие на принципы и структуру отношений между властью и участниками политико-управленческого процесса, появившимися благодаря виртуальности; этот факт уже никак нельзя не принимать во внимание.

С другой стороны, властные структуры безуспешно ищут средства и методы для «обуздания» политического Интернета и его переноса в контролируемое правовое поле; думается, что это вряд ли уже возможно.

Информационная эра оказывает сильнейшее влияние на международные отношения и политические системы отдельных стран; об этом свидетельствуют происходящие на глобальном уровне процессы и скандалы (например, с тем же веб-ресурсом «Wikileaks», виртуальная деятельность которого вылилась сейчас в ряде стран во вполне не виртуальные конфликты).

Наличие целого комплекса вызовов (как общих для информационной эры, так и специфических для Казахстана) требует от властей РК четко теоретически осмыслить, концептуально определить сами эти вызовы, среду, в которой они сформировались, и пути реагирования на них. Необходимо также стратегическое планирование, так как существует реальная опасность дезорганизации и неэффективности принимаемых реформаторских усилий; необходимо минимизировать риск сбоев и задержек в программе создания технологической инфраструктуры электронной демократии.

Вопрос о том, в каком направлении должна двигаться так называемая «электронная демократия» и каковы ее пределы и возможности в долгосрочной перспективе, пока остается открытым. Ясно одно: развитые страны уже начали движение в сторону освоения политических интернет-просторов, и этот процесс будет лишь ускоряться.

Очевидно, что ответы на вызовы информационной эры будут формировать политическую повестку дня на среднесрочную перспективу и станут основой становления усовершенствованной политической системы.

Ключевым фактором успешности процесса развития электронной демократии в современном Казахстане является готовность власти работать в новом формате, оперативно трансформируя политические процедуры и внедряя их в реальность на консенсусной основе.